

ФАНО РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 Г.

3 (75) май-июнь 2017 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР
чл.-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНК МАРКО (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.И. МИРОНЕНКО

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Р.Н. ЛУНКИН
РЕДАКТОРЫ Ю.П. БОГДАНОВ, Т.Н. СТЕПАШИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В., ГЛИНКИНА С.П.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., КРАСИКОВ А.А.,
КУДРОВ В.М., МАСЛЕННИКОВ А.А., НОВАК-ФАР А. (Польша), НОСОВ М.Г.,
ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., ФЁДОРОВ В.П.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ХЕСИН Е.С., ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

Contemporary
EUROPE
SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

FYODOROV V. Germany: Homework With Mistakes • **POTEMKINA O.** Terrorism Threat in Europe: the European Union's Response • **KHUDOLEY K., EREMINA N.** Brexit: a New-Old Choice of Great Britain • **BAYKOV A., DYMOVA L.** Great Britain's Withdrawal from the EU and the Prospects of European Regional Structure Stability • **OGANISYAN L.** Strategic cultures in the US and the EU's Mediterranean policies • **SPIRIDONOV P.** The European Union: Towards Common External Cultural Policy • **ENTINA E., KONOVALOVA N.** Transition societies through the "Greek disease" prism: example of Montenegro • **CHIZHEVSKAYA M.** Free trade zone: interests and concerns of the EU and Japan • **VOLKOV A.** Economic Relations between Russia and Denmark • **SALAKONE A.** Italy – a "Bridge" between the Blocks During the Vietnam War • **BORKO Y.** Institute of Europe: the 1990s • **SALOMATIN A.** Public Opinion as Indicator of Crisis Tendencies inside the EU • **MASLOVA E., SHIBKOVA M.** Attitudes of the Italian Parties to the Sanctions against Russia • **GRABEVNIK M.** Britain Parties as Actors of Scottish Regionalism • **REVIEWS** • **SCHOLARLY LIFE**

INHALT

FJODOROW W. Deutschland: Diktant mit Fehlern • **POTJOMKINA O.** Zunehmende Bedrohung durch Terrorismus in Europa und die EU-Antwort • **CHUDOLEY K., ERJOMINA N.** Brexit: neue "alte" Wahl von Großbritannien • **BAJKOW A., DYMOWA L.** Austritt von Großbritannien aus der EU und europäische regionale Strukturstabilität • **OGANISJAN L.** Strategische Kulturen der USA und EU in der Mittelmeer-Politik • **SPIRIDONOW P.** Europäische Union: auf dem Weg zur gemeinsamen außenkulturellen Politik • **ENTINA E., KONOVALOWA N.** Übergangsgesellschaften unter dem Blickwinkel der "griechischen Krankheit" (*am Beispiel von Montenegro*) • **TSCHISHEWSKAJA M.** Freihandelsregime: Interessen und Befürchtungen der EU und von Japan • **WOLKOW A.** Wirtschaftliche Beziehungen zwischen Russland und Dänemark in der Gegenwart • **SALAKONE A.** Italien ist die "Brücke" zwischen den Blöcken während des Vietnamkrieges • **BORKO J.** Institut für Europa: 1990-er Jahre • **SALOMATIN A.** Die öffentliche Meinung als Krisenindikator Phänomene in der Europäischen Union • **MASLOWA E., SCHIBKOVA M.** Positionen der italienischen Parteien in den Sanktionenfragen gegen Russland • **GRABEVNIK M.** Partei als Subjekte von Großbritannien Scottish Regionalismus • **REZENSIONEN** • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

Учредитель и издатель: Институт Европы РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве по делам печати РФ

№ 77-1582 от 10 февраля 2000 г.

© Институт Европы РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Фёдоров В.П. Германия: диктант с ошибками	5
Потемкина О.Ю. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ ЕС	17

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Худолей К.К., Еремина Н.В. Брекзит: новый “старый” выбор Великобритании	28
Байков А.А., Дымова Л.А. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры	37
Оганисян Л.Д. Стратегические культуры США и ЕС в средиземноморской политике	47
Спириidonов П.А. Европейский Союз: на пути к общей внешней культурной политике	55

СФЕРА ЭКОНОМИКИ

Энтина Е.Г., Коновалова Н.А. Переходные общества сквозь призму “греческой болезни” (<i>на примере Черногории</i>)	62
Чижевская М.П. Режим свободной торговли: интересы и опасения ЕС и Японии	72
Волков А.М. Экономические отношения России и Дании на современном этапе	80

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Салаконе А. Италия – “мост” между блоками во время вьетнамской войны	91
--	----

30-летие ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН

Борко Ю.А. Институт Европы: 1990-е годы	102
--	-----

25-летие АЕВИС

Саломатин А.Ю. Общественное мнение как индикатор кризисных явлений в Евросоюзе	115
--	-----

Маслова Е.А., Шибкова М.О. Позиции итальянских партий по вопросам санкций в отношении России 122

Грабевник М.В. Партии Великобритании как субъекты шотландского регионализма 133

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

Щербак И.Н. Международные переговоры в контексте глобального управления 143

Водопьянова Е.В. Плюсы и минусы популярного прогнозирования 146

Синдеев А.А. Об актуальности прошлого 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Воробьёва О.В., Буховец О.Г. Миграционные вызовы в цивилизационной перспективе 151

Гуселетов Б.П. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах ЕС в посткризисный период (*итоги*) 154

Мироненко В.И. В Центре украинских исследований Института Европы РАН представлена монография об образе Украины в русской литературе XIX в. 156

Лункин Р.Н. Религиозное многообразие Крыма после 2014 года 158

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 160

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

* * *

УДК 327: 323.2
Валентин ФЁДОРОВ

ГЕРМАНИЯ: ДИКТАНТ С ОШИБКАМИ

Мы не станем мудрее до тех пор, пока не поймём, что многое, что мы сделали, было очень безрассудно.

*Friedrich August von Hayek.
Der Weg zur Knechtschaft*

Аннотация. Статья содержит анализ социально-экономических факторов, определяющих нынешнюю действительность в Германии. Автор подробно останавливается на проблемах, которые стоят перед страной и масштабы которых только вырастут в перспективе. Речь идёт о пагубных действиях ФРГ в отношении других стран-членов Евросоюза, что выражается в навязывании им не оправдавшей себя модели экономического развития, а именно сокращения совокупного спроса во время кризиса. Другой просчёт, допущенный канцлером А. Меркель, состоит в недооценке международной миграции как одной из причин нестабильности в обществе. Вследствие этого в стране наблюдается частичный политический сдвиг вправо. Отклонён иск о запрете Национал-демократической партии Германии, открыто стоящей на экстремистских позициях. Негативную роль играют санкции против России, в значительной мере введённые по инициативе Берлина. В статье приведены демографические сопоставления ФРГ с другими странами.

Ключевые слова: ФРГ, РФ, канцлер, население, прогнозы, валовой внутренний продукт, кризисы, миграция, санкции.

В силу разных причин Германия привлекает к себе пристальное внимание как исследователей, так и широкого круга читателей. Быть самой крупной страной в Евросоюзе – не единственная её черта. Берлином накоплен значительный опыт экономического регулирования (правда, не всегда успешный), как и социального решения проблем. Политические постулаты также весьма значительны и определяются им как never again и never alone [Германия. Факты. 2010]. Перевод здесь не требуется.

Что обещают прогнозы

(В данной работе использовались немецкие и другие международные статистические материалы). Прогнозы создают виртуальную действительность, которая, однако, может превращаться в реальность. Начать, очевидно, нужно с населения, этого главного богатства (наряду с территорией) любого государства. “Будущее народа зависит не от числа автомобилей, а от числа детских колясок” – слова принадлежат немецкому католическому деятелю Йозефу Фрингсу (1887–1978 гг.), ко-

торый, кстати, из гуманитарных соображений в условиях крайней нужды благословил в своей проповеди кражу населением угля из грузовых поездов и других жизненно необходимых товаров.

Объединение Германии в 1990 г. резко увеличило данный статистический индикатор, создав существенный отрыв от других крупных партнёров. Так, численность жителей в ФРГ равнялась в 2015 г. 81,4 млн, тогда как в следующей за ней Франции проживало 66,8 млн. Но в перспективе произойдут значительные изменения. Согласно среднему варианту прогнозов, к 2050 г. немецкое население сократится до 74,5 млн человек, тогда как французское увеличится и превзойдёт 70-миллионный рубеж (71,1 млн). Таким образом, ФРГ хотя и сохранит первенство, однако существенно сдаст свои позиции.

Многозначительные новации произойдут в ФРГ по сравнению с её двумя другими партнёрами. Турция отстаёт от ФРГ по количеству граждан (78,6 млн), но этот демографический навес в будущем умножится и составит 95,8 млн. Не забудем к тому же многочисленную турецкую диаспору в Германии, играющую существенную роль в общественной жизни страны. Вследствие этого ФРГ во многом пришлось бы поступиться влиянием в Евросоюзе, окажись в нём Турция. Путь ей препятствует Германия и, возможно, приведённые неблагоприятные для неё демографические прогнозы объясняют блокирующую политику Берлина в этом вопросе. Турция в ЕС затмит Германию – это для неё неприемлемо.

Не менее показательно соотношение численности населения в ФРГ и Великобритании. Можно предположить, что брекзит сыграет свою роль в пользу первой. Дело в том, что жителей Соединённого Королевства станет к середине ХХI в. больше (75,3 млн), чем немцев, но “властные функции” ФРГ в Европе от этого не пострадают. Туманный Альбион к тому времени будет за пределами ЕС, что тем самым предоставит новые возможности для Берлина. Можно отметить, что Германия всегда с подозрением относилась к британской политике. Бывший канцлер Герхард Шрёдер предупреждал в своих мемуарах об имперских взглядах “неверного партнёра”. “И в обозримом будущем от Великобритании не стоит ждать особой заинтересованности непосредственно в европейских процессах. Напротив, эта страна продолжит свои попытки утвердиться в роли посредника при трансатлантических отношениях – даже в ущерб объединению Европы” [Шрёдер Г., 2007].

Экономическое превосходство ФРГ над партнёрами по ЕС прямо-таки бросается в глаза. Страна сохранила свой промышленный профиль. Её валовой внутренний продукт исчислялся в 2015 г. 3,4 трлн долл., тогда как у ближайшей к ней Франции в 2,4 трлн. Свообразие немецкого преобладания состоит не в абсолютном первенстве по всем показателям, а в их суммарном выражении. Проигрывая в чём-то, ФРГ компенсирует это за счёт других слагаемых. Так, при сопоставлении размеров ВВП на душу населения ФРГ уступает ряду стран, но набирает превосходящий объём благодаря арифметическому фактору. Далее, по эффективности внешней торговли (сальдо между экспортом и импортом в валовом продукте) она позади ряда соседей, но выходит вперёд за счёт “массы”. Производственные издержки в германской экономике в расчёте на единицу товара выше, чем в некоторых странах-партнёрах. В расчёте на отработанный час все затраты на оплату труда (*Arbeitskosten*) ставят ФРГ на восьмое место в Европейском Союзе. Зато профессор мюнхенского университета Далиа Марин уверенно объявляет Германию чемпионом мира в области организаций [Die Zeit, 2015, № 35]. В список недостатков ФРГ попадает и производительность труда, по этому показателю она пропускает вперёд себя 4 страны ЕС.

Перечисленные негативы есть не что иное, как “ пятна на солнце ” и компенсируются общей высокой конкурентоспособностью Германии. Интегральным показателем масштабов общенационального регулирования является доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте (Staatsquote). В последние годы (2012–2015 гг.) она держится на уровне 44%. Столь высокая квота, однако, не гарантирует ни стабильности, ни экономического роста, который измеряется единицей перед запятой.

Ложный путь

Некоторое время назад ряд западных экспертов (например, германский деятель Курт Биденкопф) призывал к тщательному изучению опыта хозяйственного управления с целью распространения его на внутриполитическую сферу. Такой подход был вызван неудовлетворённостью государственным регулированием, которое неспособно решить основные социальные и экономические проблемы страны. Такой ход мыслей заключается в следующем. Рыночные предприятия, занимаясь производством товаров и услуг, получают прибыль и тем самым показывают высокую результативность. Так почему бы, спрашивается, не направить по этому пути государственное управление, внедрив в него частнокапиталистические методы.

Но оказалось, что это ложный путь с самого начала¹. Во-первых, эти методы сами по себе не безгрешны, именно они и создают такие явления, как экономические кризисы, инфляция, безработица, банкротства, и государство не может справиться с их первопричиной, какой является рынок. Кроме того, время от времени становятся известными злоупотребления частного бизнеса, за которые на него налагаются немалые штрафы. Например, “ Фольксваген ” многие годы сознательно занижал показатели выхлопных газов. В этом деле были замешаны и другие автомобильные фирмы. Не лучшим образом выглядел на мировой арене и флагман финансовой системы Deutsche Bank. Такие слова, как коррупция, обман покупателей, нечестные приёмы конкуренции, часто употребляются в отношении капитала.

Во-вторых, у государства и частного предпринимательства не только способы, но и цели разные. Если правительство должно проводить генеральную линию и поставлено перед необходимостью решать не только сугубо коммерческие задачи, но и призвано обеспечивать общественное согласие (другое дело, насколько это удается), то фирмы беспокоятся только о себе, о своём благополучии, часто вступая в противоречие с общими интересами. Как принято говорить в таких случаях, эти явления находятся в разных плоскостях, добавим, что у них только одно общее – они пересекаются, а не существуют параллельно.

Казалось бы, вопрос исчерпан. Но с некоторых пор у нас появилась своеобразная разновидность упомянутых рассуждений. Высших руководителей государства иногда называют эффективными менеджерами. Нет ничего более ошибочного, чем такая квалификация. Она не облегчает, а, напротив, затрудняет понимание сложных общественных процессов в стране в разных сферах и на разных уровнях. По такой логике можно отнести к менеджерам и федерального канцлера ФРГ Ангела Меркель, занимающую пост с 2005 г., что было бы далеко от истины. Остаётся лишь

¹ Справочно. Население РФ в 2015 г. – 144 млн, в 2050 г. – 128,6 млн. Тем самым снижается плотность населения и ослабляются связи между регионами со всеми негативными последствиями для целостности страны. Валовой внутренний продукт Российской Федерации составлял 1,3 трлн долл. (2015 г. – 5-е место в мире), а в расчёте на душу населения в европейском пространстве был больше только, чем в Украине, в Болгарии и Румынии.

надеяться, что такой путаный подход не приживётся ни в отечественной науке, ни в общественной жизни.

Объединение Германии в XX веке имело противоречивые последствия для Европы. С одной стороны, была устранина историческая несправедливость, выражавшаяся в дроблении страны на три части – ФРГ, ГДР, Западный Берлин. С другой стороны, в Европе усилился перевес германского фактора со всеми своими плюсами и минусами. Высвободившаяся общественно-политическая энергия, которая раньше поглощалась жаждой объединения, не могла оставаться невостребованной и искала для себя новые сферы и масштабы применения. На этот счёт ясно высказалась федеральный канцлер Ангела Меркель: “Мы должны сильнее вмешиваться. Внешняя и внутренняя политика всё больше сливаются. То, что мы получаем извне нерешённым, создаёт для нас внутренние трудности” [WirtschaftsWoche, 2015, №43]. Заявления такого рода может позволить себе государственный деятель, уверенный в потенциале своей страны.

Между тем проводимая канцлером политика отягощена серьёзными дефектами, внешними и внутренними, и это даёт о себе знать в текущий момент и чревато последствиями в будущем. Стоит отметить, что социально-экономической проблематикой страны заняты значительные интеллектуальные ресурсы, – это группа известных научно-исследовательских институтов от Мюнхена до Киля, вузовская профессура и, конечно, относительно независимый Совет экспертов по оценке общеэкономического развития, призванный отслеживать ситуацию для предотвращения нежелательных явлений.

Государственная деятельность предполагает высокую степень ответственности лиц, облечённых властью. На этой стезе от них требуются, кроме профессионализма, отстаивание национальных интересов, как их понимают политические лидеры. Как бы то ни было, политики не застрахованы от ошибок, которые наносят немалый ущерб экономике и обществу. Здесь имеются в виду не разовые, не сиюминутные ошибки, а систематические действия в неверном направлении вопреки подчас простой истине.

Пагубные действия

С некоторых пор в ФРГ обрела возрождение антикейсианская ветвь экономической теории, гласящая о том, что экономия является важной составляющей борьбы с кризисом. Критически оценивая экономическую политику ФРГ, английский журнал “Экономист” поместил у себя такую карикатуру: канцлер Ангела Меркель сидит на сундуке, переполненном деньгами, а в окне видны покосившиеся сооружения, срочно требующие ремонта. Заодно он приводит такую статистику: 40% мостов в ФРГ находятся в критическом состоянии [The Economist, 2015: 19]. Однако ввиду более или менее удовлетворительного общего (небескрайсного) состояния германского хозяйства такая точка зрения не нашла широкого отклика внутри страны. Вместе с тем она стала активно экспортirоваться при настойчивой поддержке официального Берлина. Особенно чётко это проявилось в отношении Греции. Финансовая помощь Элладе была тесно увязана с сокращением расходов, что сильно ударило по населению¹. Свою озабоченность в связи с рестрикционной по-

¹ Греческий министр финансов Янис Варуфакис, профессор экономики, назвал навязанную политику сокращения расходов своего рода пыткой – “финансовым утоплением” и “терроризмом” и в знак протesta ушёл в отставку в июле 2015 г.

литикой неоднократно высказывал премьер-министр Италии Маттео Ренци: “Сегодня мы имеем Европу жёсткой экономии. Нам нужна Европа надежды”. Даже президент США Барак Обама, посещая Европу в июле 2016 г., указал на политику жёсткой экономии как на причину неблагополучия и страха людей в ряде европейских государств.

Таблица

Темпы роста (падения) ВВП в ФРГ в постоянных ценах			
годы	темперы	годы	темперы
2000	3,0	2008	1,1
2001	1,7	2009	-5,6
2002	0,0	2010	4,1
2003	-0,7	2011	3,7
2004	1,2	2012	0,4
2005	0,7	2013	0,3
2006	3,7	2014	1,6
2007	3,3	2015	1,7

Источник: Statistisches Bundesamt, Wista, 2016, № 1. S. 9.

Теперь о самих экономических кризисах. Их можно подразделить на циклические и структурные. Кризис – это такое состояние экономики, когда валовый внутренний продукт падает ниже нуля, когда общественное воспроизводство разорвано, сокращаются доходы и зарплата, растёт безработица. Циклические кризисы возникают периодически из-за наступившего несоответствия между производством и потреблением, поэтому их ещё называют кризисами перепроизводства. Они имеют длительную историю. Первый такой мировой кризис произошёл в 1825 году. Они достаточно хорошо изучены. Ими занимался ещё Карл Маркс, а развёрнутую антикризисную терапию предложили Джон Мейнард Кейнс и его последователи. Нравоучение, вытекающее из интерпретации циклического кризиса, состоит в том, что рыночная экономика в силу присущей ей закономерности впадает в кризис, но и выходит из него сама. Вмешательство правительства может способствовать ускорению этого процесса, если оно применит правильные рецепты. Более того, даже если власти неправильно оценили обстановку и приняли проциклические меры, производство преодолеет все препятствия и выйдет в плюс. Это можно назвать золотым правилом рыночного хозяйства.

Иначе обстоит дело со структурными кризисами. У них отсутствует механизм саморегулирования, в силу чего восстановление и прогресс могут затянуться на длительный период. Здесь совершенно необходимо содействие государства, с тем

чтобы осуществить структурную перестройку. Часто бывает так, что хозяйство не доходит до стадии циклического кризиса, его опережает структурный с ещё более негативными последствиями.

Сочетание структурного и циклического кризиса представляет собой наиболее сложную проблему, и пытаться решать её путём жёсткой экономии как минимум недальновидно.

Второй ошибкой А. Меркель является недооценка международной миграции как фактора нестабильности в обществе. Эта миграция имеет две стороны – экономическую и политическую. Их нужно различать. Первая обеспечивает рост валового продукта. Для ФРГ это имеет большое значение в связи со сложным демографическим положением. По подсчётам немецких экспертов в ближайшие десять лет численность трудоспособного населения сократится в ФРГ (при условии минимального притока рабочей силы из-за рубежа) на 4,5 млн человек, а экономическая динамика упадёт до 0,5%. Кроме того, население стареет. В 2030 г. стагнация охватит экономику и социальную сферу. Чтобы этого не случилось, нужен рост более 2% в год, а следовательно, нужно увеличивать приезд гастарбайтеров [Die Zeit, 2015, № 42]. Все эти цифры вполне реалистичны.

Вместе с тем они отражают узкоспециализированный количественный подход к теме, причём отсылка к историческим параллелям не всегда оправданна. Например, численность беженцев из восточных земель фашистского рейха составила 8 млн человек [Deutsche Bundesbank, 2016], и они обеспечили значительный вклад в экономический подъём страны. Так, мол, будет и на этот раз. Но то были граждане одной культуры, одинакового воспитания и образования, тогда как нынешние иностранцы не обладают необходимыми производственными навыками, не знают языка и имеют другое мировоззрение. Из числа всех прибывающих беженцев лишь 20% могут найти долговременную работу [WirtschaftsWoche, 2015, № 46]. Как выразился один из немецких экспертов, сегодня беженец – завтра безработный. Постепенно создаётся угроза существующему общественному порядку, несмотря на рост ВВП и своевременную выплату социальных пособий. По мере накопления иностранного элемента общеполитическая ситуация меняется не в пользу титульного населения, происходит перерождение страны. В разъяснении ставшей знаменитой фразы Меркель “Мы справимся с этим” (wir schaffen das) её оппоненты хотели бы услышать, а что она имела в виду под словом “мы” – себя лично, правительство большой коалиции, Евросоюз. Спустя некоторое время, Меркель обновила свой лексикон, заявив, “Германия останется Германией со всем, что нам близко и дорого”. На этот счет, однако, в немецком обществе существуют обоснованные сомнения. В конце концов выражение “мы справимся с этим” стало настолько одиозным, что Меркель пообещала его больше не употреблять.

Иностранные работники, увеличивая национальный доход, в то же время подрывают (политическую) идентичность государства. Национальные меньшинства требуют для себя больше прав и, благодаря своей активности, а подчас и агрессивности, закрепляют своё положение в обществе. В их стан переходит и часть коренных жителей, которых нельзя ни выслать, ни лишить гражданства. Возникает цивилизационный разлом в некогда спокойной стране, ведущий к изменению внутриполитического ландшафта и общественным беспорядкам.

В каждый текущий момент, когда такая перспектива не столь очевидна, предпочтение отдаётся поддержанию конъюнктуры и мобилизации всех слагаемых процветания, и чем больше проходит времени, тем труднее сменить курс. Ино-

странцы, рассредоточившись по всем отраслям, становятся значительной производительной силой. Отказ от них неминуемо вызвал бы рукотворный экономический спад, чего меньше всего желает правительство. Возможно, что оно, предвидя развитие событий, попытается убить одним выстрелом двух зайцев (по-немецки, двух мух одним ударом), т.е. стимулировать занятость иностранцев и одновременно интегрировать их в немецкое общество. Но это не получается и не получится в полной мере. Каждый новый мигрант представляет собой потенциальный вызов для общества. Достигнув критической массы, оставшийся чуждым иностранный контингент даст о себе знать со всем своим разрушительным потенциалом. Тем не менее, ещё несколько лет назад Меркель вынуждена была признать, что политика мультикультурализма провалилась (*multikulti ist gescheitert*). Распространение получает другое обозначение сложившейся ситуации, а именно “ведущая культура” (*Leitkultur*), т.е. совокупность традиций и правил проживания в немецком обществе.

Дополнительное усложнение ситуации в принимающих странах привносят разногласия в рядах самих иммигрантов. Они (разногласия) представляют собой порой жёсткие столкновения “гостей” между собой, причём предметом их борьбы является внутренняя и внешняя политика “второй родины”. Здесь всегда существует разное отношение, но примечательно то, что, например, сторонников Анкары поддерживают и управляют ими из-за рубежа. А это во все времена считалось вмешательством во внутренние дела. Например, турецкая диаспора в Германии раскололась на сторонников и противников президента Эрдогана; тем самым создаётся ещё один очаг напряжённости в стране.

В своё время известный американский экономист Милтон Фридман утверждал, что введение евро не объединит, а расколет ЕС. Прав он был или нет – бытуют различные мнения насчёт роли единой валюты. Ныне мы наблюдаем раскол Европы по другой, миграционной линии, причём разные позиции в этом вопросе занимают страны, политические партии, государственные деятели. В эпицентре этих событий оказалась Германия. Подлила масла в огонь сама Ангела Меркель, показав положительный подход к приёму беженцев. Хотя канцлер имела в виду сирийцев, покинувших родину из-за происходившей там жестокой гражданской войны, её слова спровоцировали огромные массы людей из многих других мест на переселение в страны Евросоюза, особенно в Германию. Временами положение на границах ЕС выходило из-под контроля. Несмотря на рост недовольства как внутри страны, так и за рубежом, Меркель неохотно шла на компромиссы в большой коалиции, где между ХСС и СДПГ, в свою очередь, существуют разногласия. В качестве правового прикрытия она использовала статью 16а Основного закона ФРГ, которая гласит: “Лица, преследуемые по политическим мотивам, пользуются правом убежища”.

Для исследователей интеграции важным всегда был и остаётся вопрос о степени сплочения стран-участниц как на уровне общественных показателей, так и отраслевых, и региональных. Чем выше эта степень, тем успешнее развивается интеграция. На фоне таких несомненных успехов, как создание единой валюты, подписание Шенгенских соглашений, возросший торговый обмен, свою низкоинтеграционную природу обнаружил миграционный фактор, причём с двух сторон. Прибывающие мигранты в своём немалом количестве отнюдь не вписываются в новое для них общество по объективным и субъективным причинам. Со своей стороны титульное население не испытывает восторга (мягко сказано) по отношению к новичкам. Тех и других разделяет полоса отчуждения, которое передаётся из поколения в поколение.

Таким образом, в составе срастающихся друг с другом национальных производительных сил заключён элемент, трудно регулируемый и постоянно подпитывающий себе подобными.

Возникает вопрос, почему канцлер Ангела Меркель пошла в известной мере против течения, проявляя (так называемую) политкорректность и сознательно рискуя при этом своим положением? Она действовала не по правилам ЕС, согласно которым беженцы должны проходить регистрацию там, где они впервые пересекли границу. Вопреки всем призыва姆 она отказалась установить верхний предел приема беженцев в стране. Так, премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер предлагал ограничить приток в размере 200 тыс. человек в год. Оппоненты Меркель из ХСС назвали большой ошибкой взятый ею курс. Чтобы укрепить свои позиции, Христианско-социальный союз принял на своём съезде в 2016 г. программу основных принципов под многозначительным названием “Порядок” (*Die Ordnung*) [*Die Ordnung, 2016*]. В ней нашли отражение нынешние взгляды партии на стоящие перед страной задачи. Документ насчитывает 42 страницы, или 1 816 строк (каждая строка пронумерована) и местами содержит вызовы по отношению к ХДС.

Расхождения внутри союза ХДС-ХСС были настолько значительны, что Меркель решила демонстративно не присутствовать на съезде баварской “сестринской” партии в ноябре 2016 г. Такого не было ни разу за всё время её правления. Канцлер хорошо помнила недружественный приём, который был оказан ей на предыдущем съезде ХСС в прошлом году. В свою очередь, канцлер не пригласила баварского лидера на съезд ХДС в декабре 2016 г. Вместе с тем, взвесив все обстоятельства, канцлер выбрала мягкий вариант отношения к миграции, в частности, для того, чтобы никто не ворошил германское прошлое. В противном случае в Европе и за её пределами вспыхнули бы антигерманские настроения, появились бы нелестные воспоминания о нацистском режиме, что уже неоднократно бывало по другим поводам. Меркель удалось этого избежать, правда, ценой снижения личного политического рейтинга. Как заявил однажды немецкий деятель Ганс-Дитрих Геншер: “Часто один лишь немецкий язык напоминает нашим соседям о том, что было в прошлом” [Геншер Г.-Д., 2014: 54].

Во время гуманитарного кризиса, который разразился из-за массового переселения мигрантов, А. Меркель проявила качества достаточно самостоятельного государственного деятеля, принимающего непопулярные решения. Тем самым были подвергнуты сомнению представления о ней как о нерешительном руководителе, который считает, что всё уладится само собой. В обиход было даже вброшено слово *merkeln*, означающее уход от решения проблем. Теперь, однако, весьма сомнительно, что оно приживётся. Сама Меркель неоднократно заявляла, что при принятии своих решений она не руководствуется опросами общественного мнения.

Осознав, что дело принимает неблагоприятный для неё оборот, Меркель сделала в конце февраля 2016 г. неожиданное заявление: когда положение в странах, откуда прибывают беженцы, нормализуется, эти люди должны вернуться домой, где смогут применить полученные в ФРГ знания. Она высказалась также против ношения женщинами традиционной мусульманской одежды. Это была явная уступка общественному мнению, недовольному курсом канцлера. Тем самым Меркель попыталась выбить козыри из рук оппонентов, а тот факт, что она фактически дезавуировала свои прежние высказывания в пользу беженцев, остался без комментариев с её стороны. Примечательно, что, несмотря на критику курса со стороны однопартийцев, Меркель обратилась к ним на съезде ХДС 2016 г. с призывом: “Вы должны

мне помочь”. Тем самым она переложила часть ответственности и на несогласных с её политикой.

Расширение, абсолютное и относительное, контингента мигрантов в германском обществе влечёт за собой в перспективе кардинальные общеполитические сдвиги, которые изменят нынешнее положение вещей. В стремлении поднять темпы роста на процентные доли политика Меркель создаёт предпосылки для потери межнационального и межрегионального равновесия в стране. Сокращается запас прочности в обществе, а расплачиваться за всё будет титульное население.

“Выгоды, полученные в результате миграции, значительно больше расходов по интеграции иммигрантов, – считает Джордж Сорос, забыв о “единстве противоположностей”, а именно о разрушительном воздействии чужого этнического факто-ра, столь полезного, однако, для экономической динамики” [Новая газета, 2016.]. Чтобы упорядочить процесс стихийного переселения людей, эксперты предлагают принять в ЕС единый европейский закон о предоставлении убежища и создать федеральное министерство по делам миграции и интеграции беженцев. Нынешнее соответствующее Агентство не отвечает уровню требований и к тому же не обеспечено ресурсами [Friedensgutachten, 2016].

Как бы то ни было, в 2015 г. произошло резкое увеличение массового притока людей в Германию, она приняла 890 тыс. человек, причём эта цифра автоматически возрастает в связи с воссоединением семей. В 2016 г. ФРГ опять пережила наплыв искателей счастья из-за рубежа.

Третье негативное последствие пагубных действий Берлина состоит в частичном сдвиге настроений вправо как реакция на мигрантов. Сначала приведу цитату из выступления министра иностранных дел СССР В.М. Молотова во время визита канцлера К. Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г.: “Мне вчера говорил Федеральный канцлер, что он никогда не видел Гитлера и что если бы увидел Гитлера, то он его задушил бы своими руками. Мы понимаем, конечно, эти чувства г-на Аденауэра” [Визит канцлера Аденауэра в Москву, 2005: 72]. Обоих деятелей давно уже нет в живых, но проблема осталась и состоит она в сохранении в ФРГ условий для деятельности неонацистских течений, проповедующих идеи гитлеризма.

“Что осталось от Гитлера?”, иногда задают себе вопрос исследователи партийно-политической системы ФРГ и обходятся в ответах на него без излишнего драматизма. Вместе с тем нельзя пройти мимо фактов непреодолённого германского прошлого, вызывающих настороженность стран-соседей [Новая газета, 2016]. Можно напомнить, что в 2016 г. в ФРГ опубликована книга Гитлера “Майн кампф”. В своё время она печаталась максимальными тиражами и состояла из двух частей (изданы соответственно в 1925 г. и 1926 г.). Книга принесла автору пресловутую известность и, кроме того, коммерческую выгоду. Хотя книга содержит критические комментарии специалистов, её переиздание неоднозначно встречено немецкой общественностью¹.

Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), открыто стоящая на антидемократических позициях, существует с 1964 г. Численность её членов составляет 5 тыс. человек. Первая попытка её запрета была предпринята кабинетом Г. Шрёдера, однако это ходатайство отклонил в 2003 г. Федеральный конституционный суд.

¹ Не будет лишним упомянуть, что австрийские власти отказались от идеи сноса дома в Браунau-на-Инне, где родился Гитлер. Тем самым сохраняется объект поклонения беснозватому.

Предлогом послужило использование тайных информаторов для сбора сведений о партии и её верхушке, что не разрешается законом.

В декабре 2015 г. по инициативе бундесрата было запущено в суде новое разбирательство дела о запрете НДПГ. Показательно, что в экспертной среде обсуждался вопрос о том, что принесёт больше пользы для немецкой демократии – запрет нацистской партии или продолжение её деятельности. Трудно сказать, чего здесь больше – политической наивности или нежелания бороться со злом. В январе 2017 г. Федеральный конституционный суд отказал бундесрату в его иске, запрет не состоялся, причём НДПГ по-прежнему получает финансирование из бюджета страны.

Известно заявление Франца Йозефа Штрауса, в своё время популярного германского политика, о том, что в политическом контексте в ФРГ не должно быть места для партий правее ХСС, созданного в 1945 г. Но реальность расходилась и расходится с таким мнением не только на примере НДПГ. Как отмечается, более 13% жителей страны считают, что немцы уже по своей природе превосходят другие народы.

В Германии образовалось движение, которое иначе как абсурдным назвать нельзя. Речь идёт о так называемых гражданах рейха, утверждающих, что этот самий рейх всё ещё существует в прежних границах. Каких именно, они сами не могут толком определить. Эти люди отвергают всякую демократию и отрицают злодеяния нацизма. Возникло движение в 1980-х годах, но, как считает министр юстиции Хайко Маас (СДПГ), потенциал агрессии “граждан рейха” определённо возрос. Кроме активно действующих членов этого сбираща (убийство полицейского в Баварии), есть немало сочувствующих им в разных слоях населения.

В 2014 г. в Дрездене (Саксония) возникло объединение “Европейцы-патриоты против исламизации Старого Света” (Пегида). Название говорит само за себя. Движение во многом ещё не оформлено. Его потрясают внутренние противоречия, зато лозунги частично перехватывает конкурирующая партия “Альтернатива для Германии”. Появившись в 2013 г., она стала реальной политической силой и с ней придётся считаться традиционному политическому истеблишменту. Ключевым фактором повышения внимания населения к экстремистскому крылу партийно-политической системы является миграционная составляющая. Как упоминалось выше, если на первых порах в стране наблюдалось что-то вроде эйфории по поводу гастарбайтеров, которые-де помогают двигать экономику вперёд, то к настоящему времени обозначилась высокая плата за иллюзорную гармонию интересов местных работодателей и иностранных работников. Давно уже закрыты вербовочные пункты за границей, но обездоленные граждане других стран и не нуждаются в приглашении, они, не считаясь ни с чем (смертельная опасность при переправах, покушения, отказ в приёме, выдворение), переселяются в Европу проторёнными путями. Ультраправые в ФРГ используют упомянутое недовольство в своих целях и стремятся добиться общественного признания. Например, партия “Альтернатива для Германии” уже имеет своих депутатов в большинстве ландтагов.

Говоря о своей стране, немцы употребляют иногда такие определения, как Светлая Германия и Мрачная Германия (*Helles Deutschland und Dunkles Deutschland*). Как пишет о себе один из читателей еженедельника *Der Spiegel*, “Я хотел бы жить в Светлой Германии. У нас уже была Мрачная Германия, и она моим прародителям не понравилась. Она нам больше не нужна” [*Der Spiegel*, 2015: 136]. Однако так думают не все.

В нынешней Германии, просвещённой стране, считается хорошим тоном заявлять о своей приверженности европейским ценностям. Однако некоторые факты следует отнести скорее к антиценостям. В качестве примера можно назвать дискриминацию женщин. В среднем по стране женщины зарабатывают меньше мужчин на 21,6% (2013 г.). Более того, при выполнении работы сравнимой квалификации женщины зарабатывают меньше, чем мужчины. Согласно подсчётом, в 2010 г. недоплата составляла 7% [Datenreport, 2016: 445]. Подобная несправедливость характерна и для прошлого. В 1941 г. рабочий в Германии получал 0,80 рейхмарок за час, тогда как работница той же квалификации – 0,52. Между тем численность женщин в производстве тогда составляла 14 млн человек, или около 40% всех занятых.

Наконец, ещё одна ошибка – санкции, о которых уже много написано. Сравнивать ошибки между собой, какие из них тяжелее, дело малопродуктивное. Западные антироссийские санкции в связи с украинскими событиями свидетельствуют об игнорировании международного опыта, накопленного в этой сфере. На протяжении своей истории наша страна неоднократно сталкивалась с таким противодействием, и Запад каждый раз убеждался в бесплодности попыток “наказать” её.

В нынешних условиях роль активного сторонника карательных мер в отношении России отвела себе федеральный канцлер. Взятый ею курс не отменён и окончательный итог подводить ещё рано, но уже сейчас пробивает себе дорогу осознание очередного провала усилий Запада заставить Россию изменить свою политику. Более того, рестрикции против России стимулируют внутреннее производство, что является отрадным фактором, на который наши власти прежде обращали недостаточное внимание, несмотря на рекомендации научных кругов. Правительство шло по лёгкому пути под девизом: зачем производить, если можно купить. Так, на долю импортных лекарств приходится подавляющая часть общего объёма. Но период высоких цен на нефть и газ закончился, и теперь волей-неволей взоры обращены на производство. Производство всегда надёжнее, чем торговля. Санкции действуют “наоборот”, как бумеранг. Теперь уже Запад сообщает миру о своих экономических потерях. Прекращение давления на Восток (Drang nach Osten) с помощью санкций не заставит себя долго ждать.

Российско-германские хозяйствственные отношения не икона, на которую надо молиться и горевать, если они сворачиваются по той или иной причине. Речь идёт всего лишь о возможной потере, которая укладывается в простую формулу – сегодня внешнеэкономический оборот упал, завтра возрастёт. Такого мнения придерживается, очевидно, и немецкая сторона, коль скоро она инициировала санкции в отношении России. С самого начала она должна была считаться с наносимым ею взаимным рукотворным ущербом. Отличительной чертой в этом кризисе является то, что восстановить, как правило, легче, чем строить заново. Некогда проторённая дорога предпочтительнее бездорожья.

“Уметь справиться с богатством – тоже проблема” – эти слова принадлежат отцу немецкого “экономического чуда” Людвигу Эрхарду. Как полагают в ФРГ, никогда ещё в истории Германии не было столь благополучной жизни, как ныне. Общественная обстановка сложна и изменчива, поступательного движения никто не может гарантировать, всё зависит от того, какой курс на ближайшую перспективу предпочтёт германское правительство и федеральный канцлер Ангела Меркель. Можно лишь надеяться на то, что верх возьмёт здравый смысл, и что, по словам видного немецкого деятеля, следует стремиться “к созданию глобального мульти-

полярного мирового порядка, при котором никто не будет претендовать на превосходство над другими” [Elbe F., 2016: 54].

Общество немецкого языка в ФРГ ежегодно называет слово года, проявившее себя за истекший период. В 2016 г. им стал *postfaktisch*, что можно перевести как доверять больше эмоциям, чем разуму. Тем не менее разум должен восторгаться в политике. Текущий год в ФРГ насыщен важными политическими событиями – выборы федерального президента, выборы в бундестаг и на местном уровне, председательство Берлина в Группе двадцати и др. При наличии доброй воли 2017 г. мог бы стать переломным и войти в историю отношений с Россией с положительным знаком.

Список литературы

Визит канцлера Аденауэра в Москву, 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы. (2005) М., Издательство “Права человека”.

Геншер Г.-Д., Линднер К. (2014) Наводить мосты. М.: Фонд Фридриха Науманна; Фонд “Либеральная Миссия”.

Германия. Факты (2010).

Новая газета, 29.07 (2016).

Шрёдер. Г. (2007) Решения. Моя жизнь в политике. Пер. с нем. Издательство “Европа”, 2007. с. 315.

References

- Genscher G.-D., Lindner K. (2014) *Navodit' mosty*. M.: Fond Fridriha Naumannna; Fond “Liberal'naja Missija”. Germanija. Fakty (2010).
- Datenreport 2016: Sozialbericht für Deutschland. (2016).
- Der Spiegel (2015) № 36.
- Deutsche Bundesbank, Juli (2016).
- Die Ordnung. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union. (2016) CSU.
- Die Zeit (2015) № 35, № 42.
- Elbe F. (2016) Die Stunde der Diplomatie // *Welt Trends* (2016) № 119.
- Friedensgutachten: 2016. Gefördert durch die Deutsche Stiftung Friedensforschung. (2016) Münster: Lit Verlag.
- Novaja gazeta, 29.07 (2016).
- Shrjoder. G. (2007) *Reshenija. Moja zhizn' v politike*. Per. s nem. Izdatel'stvo “Evropa”, 2007. s. 315.
- The Economist, January 14th (2015).
- Vizit kanclera Adenaujera v Moskvu, 8–14 sentjabrja 1955 g. Dokumenty i materialy. (2005) M., Izdatel'stvo “Prava cheloveka”.
- WirtschaftsWoche (2015) № 43, № 46.

Germany: Homework With Mistakes

Author. Fyodorov V., Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Europe. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** vpfyodorov@mail.ru.

Abstract. The article contains an analysis of social and economic factors, which shape current situation in Germany. The author provides a detailed analysis of problems, which Germany faces. Their scale will only grow. One of the blunders of Germany in its relations with other members of the European Union, is imposition of an economic model, which has proved to harmful – to decrease aggregate demand in the times of crisis. Chancellor A. Merkel committed yet another mistake – she underestimated the role of international migration as a factor of social instability. It led to a partial shift to the Right in domestic politics. An attempt to ban National-Democratic Party, an extremist political force, failed. Sanctions against Russia, which were introduced to a big extent on Berlin's initiative, have also inflicted damage. The article contains interesting demographic comparisons of Germany to other countries.

Key words: Germany, Russian Federation, chancellor, population, forecasts, gross domestic product, crisis, migration, sanctions.

УДК 327.7

Ольга ПОТЕМКИНА

УСИЛЕНИЕ УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА В ЕВРОПЕ И ОТВЕТ ЕС

Аннотация. Усиление угрозы терроризма в странах ЕС вызвало общественно-политическую дискуссию о необходимости ревизии действующих инструментов и методов антитеррористической политики Евросоюза, выявить их недостатки и утвердить новые и уже давно востребованные инициативы. В статье анализируется комплекс мер, предложенный Комиссией ЕС в ответ на новый всплеск террористической активности в Европе. Особое внимание уделено ключевым законодательным актам: директивам о создании общеевропейской базы данных авиапассажиров и об ограничении на использование огнестрельного оружия, а также ужесточению Шенгенского кодекса. Автор показывает, что реализация этих инициатив была затруднена рядом причин: противодействие Европейского парламента, критика правозащитных организаций и давление общественного мнения, а также разногласия между отдельными государствами. Приоритетом политической повестки дня также стал вопрос о балансе свободы и безопасности в ЕС. На этом акцентируют внимание правозащитные организации и Европейский парламент. Автор делает вывод о стремлении Комиссии ЕС использовать тему террористической активности как “окно возможностей” для усиления наднационального метода в антитеррористической политике.

Ключевые слова: терроризм, обмен информацией, иностранные боевики, Европол, Союз безопасности, база данных пассажиров, ужесточение Шенгенского кодекса, свобода или безопасность.

Террористические акты в европейских городах, осуществленные Аль-Каидой (в Париже в январе 2015 г.), а позднее принадлежащими к ИГ одиночками и группами (в Париже, Брюсселе, Берлине) в 2015–2017 вывели терроризм джихадистов на уровень главной угрозы безопасности в Европе, которой отведено центральное место в политической повестке дня Евросоюза. Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности констатирует состояние “общей тревоги относительно усиления вооружённого экстремизма, террористических сетей и иностранных боевиков” [Shared Vision..., 2016: 21].

В последние десятилетия статистика показывает устойчивый рост числа террористических актов, совершённых в европейских странах¹ [The European Union’s

© Потемкина Ольга Юрьевна – доктор политических наук, зав. отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, профессор факультета мировой политики МГУ. Адрес: 125009, Москва, Моховая ул., 11-3. E-mail: olga_potemkina@mail.ru

Policies, 2017: 39], как, впрочем, и по соседству, да и во всём мире. Всплеск террористической активности в “кольце нестабильности” вокруг Евросоюза, особенно в регионе MENA², будет иметь и в дальнейшем серьёзные последствия для стран ЕС. На сложившуюся ситуацию оказывают влияние два фактора: огромный приток беженцев, особенно в 2015 г., и рост числа иностранных боевиков, возвращающихся из стран MENA, закаленных в боях и склонных к экстремизму. Последние террористические акты продемонстрировали серьёзные изменения *modus operandi* террористов и возросший уровень радикализации молодых европейцев. Феномен иностранных боевиков³ становится главной проблемой и предметом озабоченности спецслужб государств-членов. В “горячих точках” насчитывается более пяти тысяч боевиков из стран ЕС, больше всего из Франции (1500 человек), Германии (800), Бельгии (550), Швеции (300), Австрии (300), Нидерландов (250) и Дании (130). Приблизительно 30% из них возвращаются в Европу, и хотя с каждым годом число “путешественников-джихадистов” уменьшается, это обстоятельство не отменяет угрозу их пребывания и активности в странах ЕС [Renard, 2016: 78].

Появление ИГ и войны в Сирии, активизация иностранных боевиков стали движущими факторами нападения на редакцию *Charlie Hebdo*, терактов на стадионе Батаклан в Париже и аэропорте в Брюсселе. Террористические акты, совершенные одиночками в Ницце, Берлине, Мюнхене, Париже в 2016–2017 гг. продемонстрировали новую тенденцию – появление террористов-одиночек, которые совершали теракты, требующие не серьёзной подготовки и вовлечения многочисленных участников, а всего лишь доступности огнестрельного оружия. После *Charlie Hebdo* в январе 2015 г. лидеры ЕС и государств-членов заявили о необходимости усилить противодействие терроризму. Речь не шла о каких-либо радикальных мерах, как, например, создание европейского аналога ЦРУ, а скорее о более умеренных действиях. Государствам ЕС предстояло преодолеть разногласия по некоторым ключевым законодательным инициативам и договориться об использовании уже имеющихся в их распоряжении инструментов.

Новое антитеррористическое законодательство ЕС традиционно принималось как ответ на теракты в европейских странах, что отмечали неоднократно исследователи антитеррористической политики Евросоюза [Renard, 2016: 75, Потемкина, 2002: 67]. Так, А. Декальчук рассматривает введение европейского ордера на арест после терактов 9/11 под углом фактора “внешних шоков”, повлиявших на скорость принятия решений институтами ЕС [Декальчук, 2015]. Евроюст также был создан после нападения на башни-близнецы, а после взрывов бомб в Мадриде и Лондоне в 2005 г. ЕС впервые разработал стратегию противодействия терроризму.

Необходимость усовершенствовать антитеррористические инструменты вновь стала очевидной после расстрела посетителей Еврейского музея в Брюсселе в мае 2014 г., совершенного гражданином Франции Мехди Неммушем. За попыткой

¹ Количество атак джихадистов в ЕС выросло с четырёх в 2014 г. до 17 в 2015 г., в 2015 г. было совершено девять таких атак. См. Europol, European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016, pp. 22 and 41.

² MENA - акроним от англ. Middle East & North Africa

³ Иностранные боевики-террористы (ИБТ) – лица, отправляющиеся в государство, не являющееся страной их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооружённым конфликтом. Резолюция Совета Безопасности ООН 2178(2014). 24 сентября 2014.

нападения террористов в поезде *Thalys* летом 2015 г. также последовало ужесточение мер безопасности в поездах. Совет ЕС пришёл к согласию относительно систематического занесения в Шенгенскую информационную систему данных о джихадистах, чего не было сделано после предыдущих нападений, не в последнюю очередь из-за оппозиции Европарламента и государств-членов. Через полгода в ноябре 2015 г. случились теракты в Париже, в результате которых погибли 130 человек.

По следам парижских терактов Совет ЕС принял Заключения о противодействии терроризму, в которых содержался перечень действий для повышения эффективности антитеррористического сотрудничества государств-членов [Conclusions of the Council, 2015]. Перечень лишь повторял те инициативы, которые были ранее предложены Комиссией и проходили длительную процедуру межинституционального согласования. Повторяющиеся в европейских городах террористические акты способствовали ускорению процесса, который мог бы растянуться на более длительное время.

14 сентября 2016 г. в своей речи о положении дел в Евросоюзе председатель Еврокомиссии Ж.-К.Юнкер обнародовал ряд предложений для обеспечения безопасности и противодействия терроризму в Европе, а также объявил об увеличении финансирования Европола и облегчении агентству доступа к базам данных. “Если бы к предложениям Комиссии отнеслись ранее разумно, мы бы сейчас не были там, где мы есть”, – посетовал Юнкер.

В русле усиления роли Евросоюза в борьбе с терроризмом к многочисленным структурам, вовлечённым в борьбу с терроризмом, в 2016 г. была добавлена должность нового члена Комиссии, курирующего Союз безопасности, которую занял, несмотря на перспективу брексита, представитель Великобритании сэр Джулиан Кинг. На него была возложена ответственность за реализацию “Европейской повестки дня по безопасности” – пакета мер, направленных на укрепление внутренней безопасности ЕС, в том числе противодействие терроризму и киберпреступности.

Джулиан Кинг с энтузиазмом взялся за исполнение своих обязанностей, представив осенью 2016 г. доклады о деятельности по укреплению безопасности в ЕС с указанием сфер, где следует усилить действия для того, чтобы сократить возможности террористических групп и отрезать им доступ к ресурсам. Приоритетным направлением в докладах заявлена была дерадикализация европейского общества, как и защита критических инфраструктур. Особое внимание предполагалось уделять мерам по перекрытию доступа к прекурсорам для изготовления в домашних условиях бомб: составлен список новых, вызывающих опасения прекурсоров с тем, чтобы включить их в законодательство и в перечень веществ, подлежащих более тщательному контролю. Кинг пообещал приложить все усилия для обеспечения работы Центра Европола по борьбе с терроризмом в режиме 24/7 для поддержки действий национальных антитеррористических структур.

Призыв к государствам-членам преодолеть “фрагментацию безопасности” содержался и в докладе о результатах выполнения “Европейской повестки дня по безопасности”, в котором Комиссия напоминала о важности обмена информацией между национальными спецслужбами, особенно в области борьбы с терроризмом. Член Комиссии Димитрос Аврамопулос, курирующий сферу миграции и внутренней безопасности, впрочем, как и другие политики, периодически заявляет, что террористы, совершившие акты в европейских городах, были известны полиции. В конечном итоге, нежелание делиться информацией между собой, а также и с Европолом, серьёзно снижает эффективность противодействия терроризму.

Приоритеты антитеррористической политики ЕС

Таким образом, сформулированные в стратегических документах и докладах Комиссии приоритетные направления антитеррористической политики ЕС включают:

- поощрение и поддержку обмена информацией между государствами-членами, так как до 2015 г. этому роду деятельности не придавали особого значения;
- развитие дополнительных инструментов сбора данных, включая биометрические;
- налаживание оперативной совместимости баз данных, так как раньше имеющиеся в ЕС различные базы данных не были связаны между собой;
- укрепление внешних границ ЕС;
- налаживание синергии между программами Европейской повестки дня по безопасности и Европейской повестки дня по миграции, которые выполнялись по отдельности, хотя многие их положения совпадают [Renard, 2017:81].

Усиление угрозы терроризма ускорило процесс принятия решений институтами ЕС. Параллельно с разработкой антитеррористического законодательства в государствах-членах Комиссия ЕС ещё в декабре 2015 г. представила новую директиву по борьбе с терроризмом в рамках выполнения рекомендаций ООН – усилить противодействие терроризму, в частности, посредством включения положений о феномене “иностранных боевиков”. Межинституциональные переговоры продвигались очень медленно в силу объективных причин. Некоторые государства-члены (Швеция, Германия, Словакия) возражали против криминализации поездок граждан ЕС, хотя и признаваемых потенциальными террористами, поскольку это вступало в противоречие с принципами их конституций. Существовали и расхождения в позициях Европарламента и Совета относительно способов обмена информацией между странами ЕС, а также прав жертв террористов.

Наконец, 7 марта 2017 г. Совет одобрил текст директивы, которая заменила рамочное решение, принятое в 2002 году. Новые правила, призванные усилить и расширить действующее законодательство, предусматривают уголовное преследование лиц, которые:

- отправляются в зоны вооружённых конфликтов для участия в террористических действиях или же возвращаются в Европу для присоединения к террористической группировке для подготовки терактов;
- организуют подобные поездки, осуществляют логистическую поддержку – покупку билетов, аренду жилья;
- проходят подготовку для совершения терактов, осуществляют такую подготовку, производят взрывные устройства, используют огнестрельное оружие и опасные вещества;
- предоставляют и собирают средства для поддержки террористических групп.

Директива также усиливает действующее законодательство по защите прав жертв терактов, включает перечень мер для удовлетворения потребностей пострадавших, например, право получения медицинской и психологической помощи, юридических и практических консультаций для получения материальной компенсации.

Ещё более длительный процесс согласований прошла директива о передаче данных пассажиров авиарейсов (*PNR*), которая позволит проследить передвижение джихадистов, возвращающихся в Европу. Законопроект ожидал своей очереди пять лет из-за оппозиции Европарламента, нашедшего гарантии защиты персональной информации граждан ЕС в первом варианте директивы недостаточно серьёзными.

Директива была утверждена лишь 14 апреля 2016 г., когда пленарная сессия Европарламента завершила “Европейскую сагу о PNR”. Она предназначена для регулирования передачи персональных данных пассажиров международных авиарейсов, а также обработки этих данных компетентными службами. Директива устанавливает правило, согласно которому данные пассажиров могут быть затребованы лишь для предотвращения, обнаружения, расследования террористических актов и тяжких преступлений. Авиаперевозчики будут обязаны снабжать информацией власти о зарубежных рейсах, но также и об отдельных внутриевропейских перелётах.

Государства-члены получили два года на инкорпорацию положений директивы в свои национальные законодательства, однако уже 16 стран имеют на вооружении свои системы. Так, Бельгия и Франция опередили события, приступив к разработке национальных PNR с намерениями распространить их на морские путешествия, а в случае Бельгии – и на поездки на высокоскоростных поездах. В свою очередь, Комиссия неоднократно напоминала и о том, что следует за имплементацией государствами-членами директивы для того, чтобы уложиться в отпущеные сроки – к маю 2018 г. Так как все страны ЕС испытывают определённые трудности с инкорпорацией положений директивы в национальные законодательства, Комиссия окажет помочь им, в том числе финансовую: будет выделено 70 млн евро для имплементации директивы, а кроме того, 3,8 млн на поддержку обмена информацией по PNR между государствами-членами.

О необходимости усилить контроль на внешних границах и начать систематические проверки всех пассажиров в европейских аэропортах первым призвал министр внутренних дел Франции Б. Казнев, а в середине декабря 2015 г. Комиссия предложила поправки к Шенгенскому кодексу о границах, позволяющие установить систематический и обязательный контроль за гражданами ЕС, пересекающими границу, посредством поиска информации о них в европейских (Шенгенская информационная система) и международных (система Интерпола) полицейских базах данных. До этого подобным образом осуществлялся контроль лишь за гражданами стран, не входящих в ЕС. Предложение Комиссии, однако, содержали несколько оговорок, позволяющих смягчить контроль в случае, например, если систематические проверки приведут к слишком долгому ожиданию пересечения границы, кроме того, специфические критерии отслеживания потенциальных джихадистов могут быть применены лишь на морских и сухопутных границах, но не в аэропортах, во всяком случае на период полугода, пока поправки вступят в силу, для того чтобы осуществить необходимую адаптацию инфраструктуры. Переговоры продолжались в течение года, пока Европарламент и Совет не достигли политического согласия по очередной реформе Шенгенского кодекса. По условиям межинституционального компромисса все иностранцы и граждане ЕС будут проходить проверку по базам данных, так же, как и в случаях идентификации украденных автомобилей или утерянных документов. Такие проверки будут обязательными, но, по инициативе Европарламента, правила сделают более гибкими в аэропортах, чтобы не создавать очередей: государствам-членам предоставляется от 6 до 18 месяцев для адаптации инфраструктуры аэропортов к новым правилам. Проверки на сухопутных границах начались в апреле 2017 г. перед Пасхой и вызвали заторы, во всяком случае, на отдельных участках, в частности, на границе Словении.

В центре внимания находится также и проблема оборота огнестрельного оружия и фальшивых документов. По данным Европола, по странам ЕС цirkулирует большое количество оружия, поступающее, главным образом, из стран Западных Балкан, Ливии и Украины. Ахмед Кулибали, совершивший нападение на магазин кошерных продуктов в Париже, стрелял из автоматов SA vz.58V, произведённых в

Чехии в 1960 г., впоследствии списанных, легально приобретённых в Словакии и восстановленных для стрельбы боевыми патронами. Предложенные Комиссией после теракта в Париже 13 ноября 2015 г. поправки к директиве об огнестрельном оружии стали предметом долгих и ожесточенных дискуссий. Против директивы выступило оружейное лобби по всей Европе, при поддержке политиков крайне правого толка, центристов и правоцентристов. Перед лицом жёсткой оппозиции организаций охотников и спортивной стрельбы Комиссия ЕС вынуждена была пойти на компромисс относительно наиболее важных положений проекта директивы. В результате в конце декабря 2016 г. поправки были приняты квалифицированным большинством в Совете. Против проголосовали две страны с прямо противоположными позициями – Чешская Республика, которая отвергла любое ужесточение правил владения и применения оружия, и Люксембург, настаивавший на более строгом законодательстве и жёстких ограничениях.

Изначально Комиссия предложила ввести полный запрет на владение гражданскими лицами наиболее опасными видами полуавтоматического военного оружия, например, винтовкой AR-15 и автоматом Калашникова (АК). Однако этого сделать не удалось, хотя под запрет попало оружие с магазином, вмещающим более 20 патронов, но исключение пришлось сделать для спортсменов-стрелков и охотников в некоторых странах. Эти незначительные уступки, тем не менее, не остановили оружейное лобби, выразившее недовольство запретом почти 50 видов стрелкового оружия. После того как в декабре 2016 г. в Берлине террорист врезался в толпу на грузовике, противники ограничений неоднократно вопрошали Комиссию, не собирается ли она запретить грузовики. Популярный в социальных сетях хэштег #EUGunkban (#ЕСзапрет оружия), придуманный как протест против ужесточения контроля за использованием огнестрельного оружия, был заменен на #EUtruckban (#ЕСзапрет грузовиков).

Оружейное лобби даже предупредило Комиссию о том, что новое законодательство способно спровоцировать намерение повторить брексит, намекая, по-видимому, на сильную негативную реакцию со стороны Чехии. “Сопротивление, с которым мы столкнулись при обсуждении поправок, беспрецедентно, заявил Паскаль Дюран, член Европарламента от фракции “зелёных”, участвующий в переговорах в составе профильного комитета Европарламента. – Пожалуй, таких же масштабов противостояние достигало лишь при обсуждении израильско-палестинского конфликта”.

Наднациональный или межправительственный подход к противодействию терроризму?

Главную роль в противодействии терроризму продолжает играть межправительственное сотрудничество государств-членов ЕС. Особо активна в межправительственном сотрудничестве группа стран, наиболее пострадавших от терроризма – G11, которая была создана в Бельгии в 2013 г. и с тех пор встречается на неформальной основе каждый раз перед заседанием Совета ЕС в составе министров внутренних дел и юстиции и готовит проект заключений по терроризму. Государства-члены приняли новые законы на основе резолюции Совета безопасности ООН 21788(2014). В феврале 2016 г. Бельгия и Франция на своей встрече, посвящённой противодействию терроризму, договорились о некоторых дополнительных мерах, например, об отправке французского магистрата по связям в Брюссель. Франция и Германия также организовывали встречи, результатом которых стала “совместная инициатива по внутренней безопасности” 23 августа 2016 г. [Initiative franco-allemande, 2016]. В то время как некоторые страны ЕС в 2014–2015 гг. уже осущес-

ствили ряд мер по ограничению поездок иностранных боевиков, борьба против финансирования терроризма стала приоритетом в 2016 г., особенно во Франции, Бельгии и Германии. Франция и Германия активно продвигали данную тему на европейский уровень.

Повторяющиеся многочисленные террористические акты в Европе вновь подняли дискуссионные вопросы о пределах возможности национальных государств разрабатывать сепаратно антитеррористическую политику и соответственно об объёме полномочий институтов ЕС и роли, которую способен Евросоюз играть в повышении эффективности ответа на террористические угрозы. Комиссия традиционно использует каждый новый террористический акт как “окно возможностей” для усиления наднационального подхода в противодействии террористической угрозе.

После террористических актов в Париже 13 ноября 2015 г. премьер-министр Бельгии Шарль Мишель вновь выдвинул свою давнюю идею о создании Европейской внутренней разведывательной службы, но она была отвергнута. Однако через некоторое время, в апреле 2016 г., Европарламент вынес на обсуждение радикальную меру – создание наднационального Европейского агентства безопасности. Депутаты высказали мнение, что рост угроз безопасности требует соответственно и усиления сотрудничества государств-членов. В этой связи они выразили сомнения в эффективности деятельности Европола в его нынешнем виде, когда ему приходится довольствоваться лишь той информацией, которую государства-члены предоставляют добровольно. Объединение же 28 национальных баз данных в одну горизонтальную систему при обязательном, а не добровольном обмене данными стало бы решением проблемы эффективности противодействия терроризму. Единая информационная система разведанных могла бы быть введена вместо разрозненных и не связанных между собой национальных систем.

Пока же с января 2016 г. в структуре Европола действует Европейский антитеррористический центр (ECTC) для сбора разведанных и объединения ресурсов государств-членов, чему способствовало удачное участие Европола в расследовании террористических атак в Париже и Брюсселе посредством работы оперативной группы Fraternité для изучения международной джихадистской сети. Государства-члены оценили вклад группы и поддержали расширение полномочий Европола, но национальные спецслужбы все равно до сих пор не обязаны предоставлять свои данные Европолу, они могут делать это лишь добровольно.

Больше шансов на реализацию изначально имело предложение Комиссии о создании Европейского пограничного агентства границ в целях противодействия нелегальной миграции и терроризму. Новую структуру предполагалось сформировать на основе действующего Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ (Frontex) и национальных пограничных служб, которые по-прежнему будут нести ответственность за охрану своего участка границы. По первоначальному замыслу Комиссии Агентство получило бы полномочия вмешиваться в компетенции национальных государств по охране границы, даже вопреки воле государства, не справляющегося с соответствующими своими обязанностями в том случае, когда все другие средства испробованы. Эти предложения предсказуемо встретили возражения ряда стран, прежде всего Польши и Венгрии, расценивших возможность такого вмешательства как удар по национальному суверенитету. Совет же поддержал концепцию вмешательства агентства в охрану определённых участков внешних границ ЕС в случаях, когда очевидна неспособность государства-члена справиться с трудной ситуацией самостоятельно. В результате в финальном тексте регламента о новом Европейском пограничном агентстве был зафиксирован компромисс: любое такое вмешательство потребует предварительного решения Совета, а не Комиссии. Государству

ЕС, на границах которого сложилась чрезвычайная ситуация, будет предложено сотрудничать, в случае же отказа, регламент позволяет одному или нескольким государствам-членам ввести “карантин” – пограничный контроль на период до полугода с правом продления его до двух лет, как и в Шенгенском кодексе.

6 октября 2016 г. на одном из пропускных пунктов на границе Болгарии и Турции состоялась официальная церемония учреждения агентства, функцией которого становится координация охраны внешней границы ЕС при помощи 1500 специалистов, которые могут быть развернуты в определённом месте за несколько дней, 130 пограничников были сразу же направлены на болгаро-турецкую границу. Новые полномочия позволяют Агентству усилить проверки вдоль всей внешней границы ЕС с тем, чтобы выявить прорехи в её охране. Будет также оказана поддержка соседним странам, которые запросят помощь. В декабре 2016 г. агентство заработало в полную силу, получив необходимый персонал и оборудование. К 2020 г. Бюджет на его содержание достигнет 322 млн евро в год [Bulletin Quotidienne, 2016: 11640].

ЕС также начал диалог с крупными интернет-компаниями, особенно с социальными сетями, для отслеживания призывов к радикализации и терроризму. В конце 2016 г. Комиссия представила первые результаты применения Кодекса поведения, который предусматривает обязательства интернет-компаний (Facebook, Google, Twitter, Microsoft) бороться с контентом, пропагандирующим радикальные взгляды и ненависть. В соответствии с кодексом, интернет-провайдер должен заявить об обнаружении соответствующего контента в течение суток. Однако опубликованные данные свидетельствуют о том, что компании следуют данному правилу лишь в 40% случаев. В эксперименте участвовали 12 НПО, они пришли к выводу, что большинство уведомлений затрагивает Facebook (270 случаев), Twitter (163) и Youtube (123) и направлены против исламофобии и антисемитизма. После уведомлений соответствующий контент был удален с Facebook в 28% случаев, с Twitter – в 19,1% и с Youtube – в 48,5% [Bulletin Quotidienne, 2016: 11640].

В феврале 2016 г. Комиссия приняла план действий против финансирования терроризма, главным пунктом которого названы поправки к действующей Директиве против отмывания денег, добытых незаконным путём. В русле борьбы с финансовыми преступлениями продолжается дискуссия об учреждении должности Европейского прокурора с полномочиями расследовать и доводить до суда махинации с бюджетом ЕС и другие финансовые преступления, затрагивающие интересы Евросоюза.

Комиссия выступила с данным предложением ещё в 2013 г., для того чтобы облегчить и ускорить расследование запутанных трансграничных коррупционных дел с использованием фондов ЕС. Европейская прокуратура представляет собой правовую структуру с прямыми правоприменительными полномочиями, которая будет осуществлять расследования и судебное преследование, а также привлекать к суду по обвинению в преступлениях против финансовых интересов Евросоюза (ст. 86 ДФЕС). В этом качестве она будет исполнять функции прокурора в соответствующих судебных инстанциях национальных государств. Кроме того, Европейская прокуратура по единогласному решению Совета сможет распространить свои полномочия на “тяжкие трансграничные преступления”, что подразумевает её важную роль в противодействии терроризму. Однако инициатива встретила жёсткое сопротивление ряда стран. О своём несогласии отправить в новую структуру национальных прокуроров сразу заявили десять государств-членов, они всячески тормозили переговоры из опасений, что офис Европейского прокурора превратится в централизованное агентство и подчинёт под себя национальные системы правосудия [Giuffrida, 2017:38]. В то же время остальные страны ЕС выразили готовность

участвовать в работе прокуратуры. Тогда Комиссия и государства, активно поддерживавшие инициативу, прежде всего Франция и Германия, согласились на её усечённую версию. На саммите в марте 2017 г. главы государств и правительства 28 стран выразили поддержку Комиссии, а уже в апреле 2017 г. о своём намерении учредить Европейскую прокуратуру посредством принципа продвинутого сотрудничества заявили 16 стран ЕС – Бельгия, Болгария, Германия, Греция, Кипр, Испания, Литва, Люксембург, Португалия, Румыния, Словения, Словакия, Чешская Республика, Финляндия, Франция и Хорватия. Остальные страны могут принять соответствующее законодательство позднее, присоединившись к группе стран, идущих в авангарде интеграции.

Кроме практической пользы, учреждение Европейской прокуратуры имеет большое символическое значение в разгар общественно-политической дискуссии о сценариях европейской интеграции после брексита. Применение принципа “продвинутого сотрудничества” в третий раз за всю историю Европейского Союза становится как нельзя актуальным, так как представляет собой практический пример “многоскоростной интеграции”, идеи, быстро набирающей популярность в политической повестке дня и общественном сознании граждан ЕС.

Свобода или безопасность?

Оживлённая дискуссия в Европейском Союзе ведётся вокруг равновесия между свободой, правами человека и безопасностью. “Сага с PNR¹”, продемонстрировала, что даже в условиях повторяющихся террористических актов в европейских странах Европарламент и правозащитные организации при поддержке общественного мнения не готовы поступиться своими правами и свободами во имя безопасности.

Самой противоречивой представляется проблема связи терроризма и миграции. Лидеры государств-членов и Евросоюза прилагают огромные усилия для доказательств отсутствия прямой зависимости этих явлений. Так, известность приобрело заявление Ж.-К. Юнкера о том, что “циники, которые используют парижскую трагедию, должны понимать, что беженцы спасаются как раз от тех, кто совершает теракты”.

В то же время эксперты и правозащитники критикуют будущую систему контроля передвижений граждан ЕС через границы Союза, заявляя, что такие проверки нарушают ст. 5 Европейской конвенции о правах человека и по существу ведут к криминализации мобильности граждан [Paulussen, 2016: 25–26]. Даже после того как была принята Директива о PNR, продолжаются возражения против её применения, которое ограничит право граждан ЕС на свободу передвижений и путешествий, в то время как нет доказательств эффективности и полезности применения директивы.

Особенно жёсткую критику вызывает новая редакция антитеррористической директивы на том основании, что она содержит расширенное толкование уголовно преследуемых действий в поддержку терроризма. По мнению правозащитных организаций, недостаточно ясное определение понятий “прохождение тренировок” или “поездки с террористическими целями” могли привести к серьёзным последствиям для граждан ЕС. Несколько ассоциаций выступили в принципе против принятия директивы, полагая, что она нарушает основные свободы граждан. *Amnesty International, ENAR* (Европейская сеть против расизма) и Европейская ассоциация по цифровым правам граждан заявили, что директива потенциально может быть использована для криминализации демонстраций или оппозиционных политиче-

¹ PNR – система контроля за бронированием проездных документов – Ред.

ских высказываний. НПО также опасаются, что таким образом могут пострадать определённые этнические или религиозные группы. Так, *Amnesty International*, Международная комиссия юристов и ряд других организаций пытались добиться чётких гарантий защиты прав человека в директиве и требовали широкой общественной дискуссии и консультаций с правозащитными организациями о том, будет ли соблюден принцип пропорциональности при её применении. Подобные опасения нашли понимание у членов профильного комитета Европарламента, который внес соответствующие поправки в текст директивы, укрепляющие гарантии защиты прав граждан.

Много нареканий вызывают и попытки ограничить свободу использования соцсетей и Интернета в качестве превентивной меры противодействия радикализации и экстремизму. Высказываются опасения о злоупотреблении контролем, которое может привести к дискриминации, запрещению всякой религиозной деятельности, которая может быть признана потенциальным инструментом радикализации.

В целом под сомнение ставится сам традиционный принцип “баланс свободы и прав человека, с одной стороны, и безопасности – с другой”. Правозащитники напоминают, что защита прав человека – это неотъемлемая часть безопасности. В условиях потенциальной возможности повторения террористических актов они видят очевидный риск непропорциональных ответов государств-членов и институтов ЕС на вызовы терроризма.

* * *

Государства-члены и их сотрудничество на межправительственном уровне остаются ключевыми факторами в противодействии терроризму. Однако беспрецедентный уровень террористической угрозы и осознание необходимости действовать быстро позволили совершить ряд прорывных действий в правовой и административной сфере в Европейском Союзе. В то же время традиционное стремление Комиссии и Европарламента использовать кризисные моменты в жизни Европейского Союза для углубления интеграции в политической сфере, а именно, в усилении наднационального компонента антитеррористической политики неизменно встречает сопротивление государств-членов, чьи опасения ущерба национальному суверенитету усиливаются в период кризисов. Это обстоятельство препятствует эффективности сотрудничества государств-членов в данной сфере, но вряд ли будет преодолено в обозримом будущем.

Усиление угрозы терроризма приводит к нарушению равновесия между свободой и безопасностью в сторону обеспечения безопасности. Однако общественное мнение в европейских странах не готово поступиться правами и свободами даже в нынешних условиях. Многие законодательные и практические инициативы Комиссии и Совета в данном направлении вызывают резкую критику Европарламента, экспертов и правозащитников. Необходимость проверки новых инструментов на предмет их соответствия фундаментальным принципам охраны свобод и прав граждан ограничивает способность Евросоюза быстро реагировать на повышение угрозы безопасности.

Институты ЕС традиционно действуют реактивно относительно новых терактов, активизируя действия под давлением повторяющихся трагедий. Превентивные же действия ЕС могли бы включать в том числе укрепление партнёрства не только со средиземноморскими странами – Турцией, Марокко, Тунисом, но и с Россией как одним из ключевых государств, имеющим опыт в сфере противодействия терроризму.

Список литературы

- Безопасность Европы (2011). Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь мир.
- Войников В.В. (2013). Правовое регулирование европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта.
- Декальчук А. А. (2015). Реформы в условиях внешнего шока: принятие европейского ордера на арест как ответ на трагедию 11 сентября 2001 года. *Полития. Журнал политической философии и социологии политики*. Т. 76. №1.
- Европейский Союз: факты и комментарии (2016). Выпуск 86. октябрь–декабрь 1016.
- Потемкина О.Ю. (2002). Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы. М.: АЕВИС.

References

- Bezopasnost' Evropy (2011). Pod red. V. V. Zhurkina. M.: Ves' mir.
- Vojnikov V.V. (2013). Pravovoe regulirovanie Evropejskogo prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija. Kaliningrad: BFU im. Immanuila Kanta.
- Dekal'chuk A. A. (2015). Reformy v uslovijah vneshnego shoka: prinjatie Evropejskogo ordena na arest kak otvet na tragediju 11 sentyabrja 2001 goda. *Politija. Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki*. T. 76. №1.
- Europejskij Sojuz: fakty i kommentarii (2016). Vypusk 86, oktjabr'-dekabr' 1016.
- Potemkina O.Ju. (2002). Evropejskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravoporjadka: granicy, soderzhanie, mehanizmy. M.: AEVIS.
- Bulletin Quotidienne № 11640, 7.10.16
- Conclusions of the Council of the EU and of the Member States meeting within the Council on Counter-terrorism, Press Release, 848/15, 20.11.2015
- Foreign Fighters under International Law and Beyond (2016). Editors: de Gootry, Andrea, Capone, Francesca, Paulussen, Christophe (Eds.) T.M.C. Asser Instituut, the Hague.
- Giuffrida F. (2017) The European Public Prosecutor's Office: King without kingdom? Brussels: CEPS Research Report, No 2017/03.
- Initiative franco-allemande sur les enjeux clés de la coopération européenne dans le domaine de la sécurité intérieure', Ministère de l'Intérieur et Bundesministerium des Innern, 23 August 2016. URL: <http://www.france-allemande.fr/spip.php?article9348>
- Paulussen C. (2016). Repressing the Foreign Fighters Phenomenon and Terrorism in Western Europe: Towards an Effective Response Based on Human Rights. The International Centre for Counter-Terrorism. The Hague 7, no. 10
- Renard T. (2017) Terrorism and Counterterrorism in Continental Europe. *Counterterrorism Yearbook 2017*. ASPI, 2017, P.75-87.
- Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016.
- The European Union's Policies on Counterterrorism. Relevance, Coherence and Effectiveness (2017). Brussels: European Parliament LIBE Committee

Terrorism Threat in Europe: the European Union's Response

Author. Potemkina O., Doctor of Political Science, Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009. **E-mail:** olga_potemkina@mail.ru.

Abstract. The upsurge in terrorist activity in Europe reignited the debates on revision of the existing methods and instruments of the EU counterterrorism policies. The article examines the package of new measures proposed by the EU Commission. These initiatives are long-debated issues, which implementation has been delayed under the pressure of the public opinion as well as due to the opposition of the European Parliament and interstates contradictions. Special attention is paid to the legal and administrative measures: the new counter-terrorism directive, the EU Passenger Name Record (PNR), the enforcement of the Schengen borders code, the firearms directive. The author comes to the conclusion that, regardless of the terror attacks aftershock, implementation of these projects remains problematic. While the EU executive powers, faced with the 'security-liberty' dichotomy, prioritize 'security', the Parliament and the European public opinion remain reluctant to further restriction of the EU citizens' rights and freedoms.

Key words: terrorism, information exchange, foreign fighters, Europol, Security Union, Passengers Name record (PNR), strengthening Schengen code, freedom or security.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

УДК 324

Константин ХУДОЛЕЙ,
Наталья ЕРЕМИНА

БРЕКЗИТ: НОВЫЙ “СТАРЫЙ” ВЫБОР ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Брекзит, с одной стороны, является отражением традиционного британского евроскептицизма, с другой, – демонстрирует отношение граждан к собственному правительству. По сути, брекзит стал проявлением сложившейся ситуации внутри страны и в рамках Евросоюза, когда граждане не испытывают лояльности правительству и не чувствуют, что их мнение и голос учитываются на политическом уровне. Брекзит – это запрос общества на большую демократизацию, на возврат государственного суверенитета и стремление обратить внимание на собственные внутренние проблемы. В статье определены основные черты европейского интеграционного процесса, влияющие на позиции британцев, проведен сравнительный анализ референдумов 1975 г. и 2016 г., выявлены причины и факторы, способствовавшие проведению референдума в 2016 г., а также возможные перспективы для Британии и ЕС после брекзита. Авторы приходят к выводу, что традиционный британский pragmatism и стремление выйти на более широкую международную арену – это принципы, которые позволяют Британии сохранить и улучшить своё положение в международной политике и преодолеть негативные последствия брекзита.

Ключевые слова: брекзит, референдум о членстве в ЕС, европейская интеграция, общий рынок, британская партийно-политическая система.

Соединённое Королевство – один из ключевых участников европейской интеграции [United Kingdom GDP, 2016; Share of total contributions to the European Union budget, 2015]. Опыт его участия в европейском интеграционном процессе показателен ещё и тем, что это был единственный случай, когда в состав ЕЭС (затем ЕС) вошла великая держава, не являвшаяся страной – основательницей. Однако Вели-

© Худолей Константин Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** Россия, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8. **E-mail:** kkhudoley@gmail.com

Еремина Наталья Валерьевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** Россия, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8. **E-mail:** nerem78@mail.ru

кобритания за почти четыре десятилетия не смогла органично вписаться в европейские институты. По этой причине не только факт выхода Британии из ЕС, но даже сама постановка вопроса об этом оказывает серьёзное влияние на все интеграционные процессы в целом. Поэтому референдум 23 июня 2016 г. – это не только проблема будущего Британии, но и будущего ЕС.

В связи с этим цель авторов состоит в том, чтобы ответить на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, какие факторы обеспечили возможность проведения референдума и его итоги (“кто виноват?”). Во-вторых, как влияют данные итоги на развитие британского общества и самого ЕС, какой сценарий необходимо выбрать для реализации требований британского общества (“что делать?”).

Причины референдума о членстве Соединённого Королевства в ЕС

Вопрос референдума 23 июня 2016 г. о членстве Британии в ЕС заставляет обратить внимание на то, что он представляет собой в настоящее время, как его воспринимают граждане и, прежде всего, британцы. При этом, согласно учредительным документам, любое государство-член в соответствии со своими конституционными правилами может принять решение о выходе из состава Союза [The Treaty on European Union. VI. 50.1]. Это требует уведомления Совета и заключения соответствующего соглашения о порядке выхода, в котором должны быть также прописаны и будущие взаимодействия государства с Союзом, при этом процедура выхода занимает два года [The Treaty on European Union. VI. 50.2].

Европейский Союз является наиболее удачным интеграционным проектом современного мира, который смог создать пространство безопасности для всех участников. Его граждане в целом одобряют коммунитарную политику [Standard Eurobarometer 83, 2015]. Но в контексте многочисленных кризисов ЕС уже не может оставаться таким же привлекательным пространством безопасности для всех своих участников. Так, отсутствие уверенности британцев в том, что ЕС способен обеспечивать экономическую и политическую безопасность, решать миграционные проблемы на фоне идентификационных поисков британцев являются важнейшими причинами референдума 2016 г.

Во-первых, британцы всегда проявляли недовольство в отношении финансовых и экономических взаимодействий внутри ЕС. Великобритания – это один из десяти членов ЕС, которые вносят в бюджет больше, чем получают взамен, даже учитывая некоторые преференции, гарантированные Соединённому Королевству [UK Politics, 2016]. Взносы Британии в ЕС, в первую очередь, шли на поддержку таких государств, как Польша. Эти проблемы служат своеобразным фоном, способствовавшим накоплению раздражения британцев Евросоюзом, многие из которых полагают, что для собственной безопасности необходимо сохранять свою валюту и сторониться глубокой интеграции. Более того, в Британии всегда воспринимали европейскую интеграцию как способ решения внутренних проблем, позволяющий Британии играть важную роль в европейских делах [Buzan, Weaver, 2003: 363].

Во-вторых, формирование безопасного пространства – сложная задача, сопряжённая с достижением не только общих правовых норм и сотрудничества национальных и наднациональных институтов, взаимного доверия, но и осознания культурной идентификационной общности, которая способна его обеспечивать. Поэтому вопрос строительства безопасного пространства ЕС связан с понятием европейской идентичности и пониманием самих участников своего места в интеграцион-

ном процессе, с их самоидентификацией, с признанием ими своей европейской идентичности. Этот вопрос встал очень остро в связи с миграционным кризисом.

Граждане ЕС считают, что главными элементами европейской идентичности являются демократия и свобода. Они же являются и основными европейскими ценностями (47% респондентов) [Parlementer, 2014]. Однако британцы в качестве образца демократии указывают на собственное государство.

Рост числа британцев, которые перестали идентифицировать себя с ЕС, происходил постепенно, начиная с финансового кризиса в 2008 г. В 2012 г. уже только 42% британцев заявляли о своей приверженности ЕС и своей “европейскости”, выказывая недоверие коммунитарной демократии [European Citizenship Report, 2012], а в 2014 г. их число сократилось до 39% [European Citizenship Report, 2014].

В-третьих, острое недовольство британцев вызвало рост иммиграционных потоков. Жёсткую позицию в этом вопросе, невзирая на традиции толерантности в британском обществе, заняли именно граждане Соединённого Королевства. Уже в 2013 г. свыше 56% заявили о необходимости серьёзно ограничить иммиграцию в страну. В 2015 г. большая часть респондентов назвала миграционную проблему ключевой для страны [UK Public Opinion toward immigration, 2015]. Очевидно, что эта позиция обоснована как раз вопросом безопасности и тем, что ЕС перестал отвечать требованиям безопасности для своих граждан, как полагает британская публика.

Тем не менее, британцы склонны преувеличивать эту проблему, переоценивать число мигрантов как из ЕС, так и извне ЕС [Ананьева, 2016].

В-четвёртых, британцы, как и многие другие, считают, что брюссельская бюрократия в принципе неспособна удовлетворительно решать задачи безопасности. А критические высказывания Брюсселя в отношении британского правительства в британском обществе расцениваются как вмешательство во внутренние дела страны. При этом особые претензии приверженцы брексита выдвигали Европейской комиссии [The EU bureaucrats, 2016]. Поэтому британцы заявляли о том, что выход их страны из ЕС означает возвращение к истинной парламентской демократии и экономическому прогрессу [12 Reasons to Vote Leave, 2016].

Таким образом, очевидно, что несмотря на некоторые экономические и политические претензии жителей Соединённого Королевства, ключевым образом именно проблема безопасности и перемен в мире повлияла на их решение о выходе из ЕС.

Британцы уже имеют опыт проведения референдума о членстве в ЕС. Мы имеем в виду референдум 1975 г. о членстве в Европейском Экономическом Сообществе (ЕЭС). Но, невзирая на это, в 2000-е годы правительству Соединённого Королевства поступали предложения вновь вынести вопрос о статусе Британии в ЕС на референдум [Timeline: Campaigns for a European Union Referendum, 2015]. Так, в 2015 г. 57% респондентов сочли, что референдум 1975 г. не вполне отвечает интересам Британии [Does the result of the 1975 referendum on EU membership still justify the UK's membership of the EU, 2015]. В контексте мирового экономического кризиса, проблемы мигрантов и роста террористических угроз, консервативное правительство, стремясь сохранить лидирующие позиции партии в стране и добиться преимуществ для Британии, объявило о проведении референдума 23 июня 2016 г. о членстве страны в ЕС.

Два референдума

Британская элита всегда сдержанно относилась к проведению референдумов, считая, что это ослабляет авторитет парламента и создаёт возможности для манипулирования настроениями в обществе. Общенациональных референдумов было всего два – 1975 г. и 2016 г., причём оба по вопросу участия в европейской интеграции. Правящие круги Великобритании пошли на проведение этих референдумов по двум причинам – желая избежать раскола в обеих ведущих партиях, где по данному сюжету имелись острые противоречия, и укрепить свои позиции на переговорах с партнёрами по ЕС о предоставлении стране особых условий членства.

Между референдумами 1975 г. и 2016 г. есть ряд общих черт, но есть и отличия. Так, в 1975 г. премьер-министр лейборист Гарольд Вильсон провёл переговоры об условиях вступления Британии в ЕЭС перед референдумом, и как раз эти договорённости нуждались в одобрении избирателей. В 2016 г. консерватор Дэвид Кэмерон выступил с идеей продолжения переговорного процесса, чтобы добиться для Британии дополнительных преференций, т.е. он указывал, что достигнутые договорённости необходимо будет в дальнейшем развивать. Сторонники членства Британии в ЕС заявляли о том, что Британия сохранит свою валюту, контроль над своими границами, не будет участвовать в политической интеграции, установит свою систему ограничений в получении социальных выплат иммигрантами, ограничит контроль брюссельской бюрократии [Why the Government believes we should remain, 2016].

Вместе с тем, отметим, что от Соединённого Королевства с самого начала никто не требовал вступать в еврозону или стать участником Шенгенского соглашения [European Council Meeting at Fontainebleau, 1984]. Поэтому оно имело большие возможности влияния на иммиграционные вопросы, нежели другие государства-члены ЕС. По данным Департамента национальной статистики Великобритании чистая миграция существенно не выросла в 2014–2015 гг., а число граждан ЕС, проживающих в Соединённом Королевстве, не увеличилось [Migration Statistics Quarterly Report, 2016]. При этом правительство говорило о десяти сложных годах неопределённости в случае выхода из состава ЕС [What happens if we leave, 2016].

Однако в составе ЕС Британия, по мнению Д. Кэмерона, должна была находиться на особом положении: Британия оставляет свою валюту; государству обеспечивается реализация британской конкурентоспособности на тех направлениях торговой политики, которые ему выгодны; страна не участвует в политической и социальной интеграции в ЕС [Annex I. European Council Conclusions, 2016].

Интересно, что в 1973 г. Британию в Общий рынок привели консерваторы, и в 2016 г. они же пытались удержать её там. При этом в 1975 г. проблемы иммиграции и безопасности были не столь значимыми для британцев, поэтому более 67% поддержали членство в ЕЭС [Archive. The Guardian, 1975].

Важно и то, что референдум 1975 г. не привёл к расколу партий и общества, что произошло в результате референдума 2016 г. Перед вторым чтением законопроекта о вступлении в ЕЭС (осень 1972 г.) премьер-консерватор Э. Хит разрешил депутатам палаты общин свободное голосование – беспрецедентный случай, поскольку речь шла о крутом политическом повороте. Тоже самое сделал и лидер оппозиции Г. Вильсон, что, очевидно, помогло избежать раскола в обеих партиях.

При этом в референдумах 1975 г. и 2016 г. есть сходство в целях, преследовавшихся их инициаторами – правительствами.

Во-первых, как для лейбористов, так и для консерваторов интеграция – это механизм подтверждения силы Британии и её высокого международного статуса [Harold Wilson, 1972]. Во-вторых, общим является выборочность интеграционных проектов и задач, в которых участвовала Британия. В-третьих, британские правительства постоянно проводили переговоры с институтами ЕС, в которых отстаивали свои интересы и особый статус Британии. Очевидно, речь идёт об общем тренде британской политики в рамках интеграционного движения, который просто достиг очередного пика к 2016 г.

Особенностью референдума 23 июня 2016 года можно назвать то обстоятельство, что голоса разделились практически поровну [EU referendum, 2016]. Если посмотреть в динамике, можно увидеть, что с сентября 2015 г. до 20 июня 2016 г. число сторонников членства было чуть выше числа его противников. Однако в мае 2016 г. цифры некоторых опросов сравнялись, а в начале июня, благодаря успешной кампании брексита, число противников ЕС выросло и превысило число тех, кто высказывался за членство. Однако тех, кто не определился, было ещё довольно много – от 10 до 20%. Поэтому именно от этой группы населения в основном зависел исход голосования [EU referendum, 2016].

Не всё однозначно и в ведущих британских партиях. Сторонники Консервативной партии разделились: 42% выступили против выхода из ЕС, и 42% – за. Среди сторонников Лейбористской партии 58% поддерживали членство в ЕС, и только 27% отстаивали право покинуть ЕС [EU referendum, 2016]. При этом избиратели Шотландской национальной партии, Плайд Камри и Либерально-демократической партии выступили за сохранение членства в ЕС. Были организованы две кампании – “Голосуй за выход” и “Более сильная Британия в ЕС”. При этом вторая кампания получила гораздо большую финансовую помощь от крупных частных фондов и благотворителей. Размер финансовой поддержки группы составил около 7 млн ф.ст.. А первая кампания собрала только около 3 млн ф.ст. Однако с этой же повесткой, не входя в данную группу, выступал Найджел Фарадж со своей Партией независимости Соединённого Королевства [EU referendum, 2016].

Право голоса на референдуме получили не только граждане Британии, но и ирландцы, и представители Содружества, британцы, проживающие за границей, если они были зарегистрированы в электронном регистре в течение последних 15 лет, а также граждане Гибралтара [EU referendum, 2016].

Итоги референдума стали неожиданностью. За выход из ЕС проголосовали 51,9% (более 17 млн), а сохранение членства поддержали 48,1% (чуть больше 16 млн человек) [EU referendum BBC, 2016]. Однако, принимая во внимание всё сказанное ранее, эти результаты можно считать закономерными. Они повлекут за собой серьёзные не только краткосрочные, но и средне- и долгосрочные последствия.

Воздействие референдума на Британию и ЕС

Итоги референдума имеют два измерения: внутреннее и внешнее. Если говорить о внутреннем измерении, отметим, что возросла активность избирателей. Исход референдума решили 3 млн человек. А это как раз число тех, кто входил в группу “неопределившихся”. В британской прессе референдум по этой причине даже называют “бунтом рабочего класса”.

А.А. Громыко полагает, что важнейшее значение брексита состоит в том, что он отражает глубинные процессы новой социальной поляризации во всем мире. Он в

известном смысле стал следствием того, что экономические кризисы привели к размыванию среднего класса, его дифференциации, и голосование по нему стало отражением протesta “среднего класса” [Громыко, 2016].

Помимо активизации избирателей произошла серьёзная встряска существующего политического расклада, вперед действительно вырвались малые партии, в то время как политические “тяжеловесы” в очередной раз столкнулись со стратегической задачей обновления своего имиджа. Перед ними снова встал вопрос о новой британской внутриполитической стратегии. Предложить эту новую стратегию в нынешних условиях будет очень сложно, так как британское общество расколото практически поровну.

При этом критическим можно считать раскол в рядах не только Консервативной партии. Например, лидера лейбористов Дж. Корбина его соратники по партии критиковали за недостаточно убедительную позицию по вопросу брекзита, поскольку тот озвучивал и многочисленные негативные последствия для Британии в случае сохранения членства в ЕС.

Но поскольку консерваторы были и остаются традиционными евросkeptиками, привлечь избирателя можно было, только сыграв на антиинтеграционной риторике, пообещав соответствующий референдум. При этом Д. Кэмерон не принял во внимание то обстоятельство, что британское общество традиционно настроено скептически в отношении евроинтеграции.

Евроскептицизм был и остается превалирующей идеей в политическом сознании британцев. Хорошо демонстрирует это состав кабинета Т. Мэй, сформированного после референдума. В том кабинете было довольно много евроскептиков. Например, Б. Джонсон, занимавший в нём пост министра иностранных дел. Д. Дэвиса, ставшего тогда министром по вопросам выхода Великобритании из Евросоюза. Бывший министр обороны Л. Фокс был назначен министром по международной торговле [Тереза Мэй назначила ключевых министров, 2016].

Итоги референдума 2016 г. будут иметь значение и для эволюции неписанной британской конституции. Прежде всего, с выходом Великобритании из ЕС для неё перестанут быть обязательными нормы законодательства ЕС, которые с 1973 г. считались неотъемлемой частью британской конституции. Однако возникшая ситуация может иметь и более далеко идущие последствия.

После того, как сторонники брекзита одержали победу на референдуме, в Соединённом Королевстве сложилась необычная с конституционной точки зрения ситуация. В предвыборных манифестах основных партий на парламентских выборах 2015 г. возможность выхода Великобритании из ЕС не упоминалась, а роль предвыборных манифестов и правительства, и оппозиции в определении политики в Великобритании достаточно велика. Референдум 2016 г., как и предшествующие, был консультативным. Тем не менее, премьер – министр Д. Кэмерон подал в отставку, а новый премьер Т. Мэй объявила о том, что начнёт процесс выхода.

Важно, что референдум 23 июня 2016 г. значительно обострил центрально-региональные взаимоотношения, поскольку население национальных регионов Шотландии, Уэльса и во многих отношениях Северной Ирландии, не настроено разрывать отношения с ЕС, в отличие от жителей Англии. Например, выход Шотландии был бы сильным ударом по Соединённому Королевству во всех сферах, поэтому правящие круги несомненно хотят его избежать. Однако поле для маневра тут достаточно ограниченно. Опыт Дании, где входящие в её состав Гренландия и

Фарерские острова не входят в ЕС, вряд ли применим к Великобритании. Можно предположить, что Шотландия по примеру Ирландии не вступит в Шенген, но регулирование сухопутной границы с Англией, которая станет реальной границей ЕС, так, чтобы не повредить имеющиеся связи, будет делом сложным. Многое зависит от того, какие условия выхода согласуют Лондон и Брюссель, на какое участие Великобритании в европейских интеграционных процессах без членства в ЕС согласятся остальные государства-члены ЕС. Однако во всех случаях определённая реорганизация отношений правительства Соединённого Королевства с Шотландией (а возможно и Северной Ирландией), скорее всего, будет неизбежной.

Говоря о внешнем измерении итогов референдума о членстве в ЕС, стоит отметить тот факт, что Британия в очередной раз встряхнула весь мир, обратившись к себе, к своему “английскому миру”, который действительно велик, так как включает страны Содружества наций. Помимо этого, итоги референдума показывают, что Великобритания стремится “играть свою игру” и некоторым образом отказывается от роли “смычки” в отношениях между США и НАТО и ЕС.

Выход столь мощной европейской экономики из ЕС наносит удар по привлекательности самого интеграционного проекта, демонстрируя явно выраженное недовольство коммунитарной политикой, особенно в области бюджета. Вопрос о популярности ЕС – это и вопрос его легитимности, корректного обоснования проекта углубления интеграции [UK Politics, 2014]. Стоит напомнить, что в 1982 г. стремление избавиться от сдержек и ограничений привело к тому, что из ЕЭС вышла Гренландия, обладающая правом принимать самостоятельные внешнеполитические решения по вопросам, непосредственно относящимся к региону.

Будущее ЕС всегда зависело от системы координации, сложившейся между институтами ЕС и национальными государствами, соотношения в ней национально-государственных и наднациональных инструментов регулирования [Morgan, 2005: 3, 8]. В свете этих обстоятельств возникает вопрос, какие сценарии выхода Великобритании из ЕС могут иметь место, и как они скажутся на самом ЕС. После референдума следует ожидать новых дискуссий о будущем ЕС вокруг двух стратегий развития.

Первая стратегия означает разделение всех участников интеграции на отдельные группы (идея интеграции на разных скоростях для разных государств), что будет способствовать закреплению роли отдельных государств. Другая стратегия может заключаться в кардинальной перестройке систем управления и принятия решений, при обеспечении максимального сохранения Союза в существующем ныне виде, что приведёт к усилению государственных интересов на наднациональном уровне.

Гораздо более сложными остаются вопросы “когда” и “как”. Сценарии возможного “развода” на сегодняшний день разнообразны: 1) норвежский вариант, который позволяет Великобритании остаться в Едином рынке, но при этом страна должна будет выполнять соответствующие директивы ЕС, не имея возможности влиять на них; 2) швейцарский вариант, который оставляет некоторый доступ к Единому рынку, в зависимости от переговоров; 3) доступ к Единому рынку будет обеспечен Великобритании в рамках правил ВТО [The Future under a Hard and a Soft Brexit, 2016]. Судя по заявлению Т. Мэй, речь идёт именно о “жёстком брексите”. А для реализации “мягкого выхода” нет достаточных оснований. Жёсткий сценарий предполагает, что британские компании сократят свой доступ к Единому рынку.

Выходы

Таким образом, очевидно, что именно вопросы британской идентичности, вкупе с вопросами безопасности стали ключевыми факторами, вызвавшими к жизни как сам референдум, так и обеспечившими его результаты. Именно по этой причинебрекзит означает кризис единой европейской идентичности, кризис европейской целостности и единства [Sakwa, 2016]. Британское общество выбрало не европейские, а британские идеалы, основанные на идее глобального британского присутствия в контексте Содружества наций [10 things that sun up Britishness, 2009; Sandhya, 2017; Easton, 2013].

Список литературы

Ananyeva E. Brexit: простые решения сложных вопросов. Аналитическая записка № 15. 2016 (№ 45). URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an45.pdf>

Gromyko Al. A. День, который изменил Европу. Аналитическая записка № 16. 2016 (№ 46). URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an46.pdf>

Тереза Мэй назначила ключевых министров, дав дорогу сторонникам брекзита. *Международная панорама*. 14 июля 2016. URL: <http://tass.ru/mezdunarodnaya-panorama/3452610>

References

Ananyeva H. Brexit: prostye resheniya slozhnyh voprosov. Analiticheskaya zapiska № 15. 2016 (№ 45). URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an45.pdf>

Gromyko Al.A. Den', kotoryi izmenil Evropu. Analiticheskaya zapiska № 16. 2016 (№ 46). URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an46.pdf>

The Treaty on European Union. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF

United Kingdom GDP. Trading Economics. URL: <http://www.tradingeconomics.com/united-kingdom/gdp>

Tereza May naznachila klyuchevyh ministrov, dav dorogu storonnikam Brexita. *Mezdunarodnaya panorama*. 14 July 2016. URL: <http://tass.ru/mezdunarodnaya-panorama/3452610>

Annex I. European Council Conclusions. 18-19 February 2016. Cover Note. EU CO 1/16, Brussels, February 19, 2016. (37). URL: http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2016/02/EUCO-Conclusions_pdf/

Archive. The Guardian 1975. URL: <https://www.theguardian.com/politics/from-the-archive-blog/2015/jun/05/referendum-eec-europe-1975>

Buzan B., Weaver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Does the result of the 1975 referendum on EU membership still justify the UK's membership of the EU? UK poll results. 29.06. – 06.07.2015. URL: <http://whatukthinks.org/eu/questions/considering-1975s-referendum-for-euwhich-of-the-following-statements-is-closest-to-your-opinion/>

EU referendum. Poll of Polls // <http://whatukthinks.org/eu/opinion-polls/poll-of-polls/>

EU referendum BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887>

European Citizenship Report // Standard Eurobarometer 77. 05.2012. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf

European Citizenship Report // Standard Eurobarometer 82. 11.2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb82/eb82_citizen_en.pdf

European Council Meeting at Fontainebleau. Conclusions of the Presidency. 25-26 June 1984. (10). URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/european-council/conclusions/pdf-1992-1975/fontainebleau-european-council,-25-and-26-june-1984/>

European Council Conclusions. 18-19 February 2016. Cover Note. EU CO 1/16, Brussels, February 19, 2016. (37). URL: http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2016/02/EUCO-Conclusions_pdf/

Harold Wilson. Leader's Speech, Blackpool. 1972 // British Political Speech Archive. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=170#banner>

Migration Statistics Quarterly Report: February 2016. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/february2016>

Morgan G. The Idea of a European Superstate. Public Justification and European Integration. Princeton, 2005.

Sakwa R. Blinley, it's Brexit // Valdai Discussion Club / Expert opinion 2016 // URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/blimey-it-s-brexit/>

Sandhya J. Brexit: Harbinger of an Unexpected New World Order // Strategic Analysis. 2017. Vol. 41. N 1. PP. 110-117.

Share of total contributions to the European Union budget in 2015, by Member State. Statista, the Statistics Portal. URL: <http://www.statista.com/statistics/316691/european-union-eu-budget-share-of-contributions/>

Standard Eurobarometer 83. Public Opinion in the European Union. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_first_en.pdf

The EU bureaucrats cannot cope with democracy // The Telegraph. 27.05.2016. URL:

<http://www.telegraph.co.uk/opinion/2016/05/27/the-eu-bureaucrats-cannot-cope-with-democracy/>

The Future under a Hard and a Soft Brexit. URL: <http://ukandeu.ac.uk/wp-content/uploads/2016/08/The-Environment-under-Soft-or-Hard-Brexit.pdf>

Timeline: Campaigns for a European Union Referendum. UK Politics. BBC News 21.05.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-33141819>

UK Politics. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-27583545>

UK Public Opinion toward immigration. 20.08.2015. URL: <http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/sites/files/migobs/Public%20Opinion-Overall%20Attitudes%20and%20Level%20of%20Concern.pdf>

What happens if we leave? The EU Referendum. URL: <https://www.eureferendum.gov.uk/what-happens-if-we-leave/>

Why the Government believes we should remain. The EU Referendum. URL: <https://www.eureferendum.gov.uk/why-the-government-believes-we-should-remain/>

2014 Parlementer. URL: <http://www.europarl.europa.eu/yourservice/en/20150201PVL00104/Parlementer-2014>

12 Reasons to Vote Leave. URL: <http://getbritainout.org/>

BREXIT: A NEW-OLD CHOICE OF GREAT BRITAIN

Authors: Khudoley K., Doctor of History, Professor, Head of Department of European Studies at School of International Relations, Saint-Petersburg State University. **Address:** 191060, Russia, Saint-Petersburg, Smol'nogo 1/3, entrance 8. **E-mail:** kkhudoley@gmail.com

Eremina N., Doctor of Political Science, Candidate of Science in History, Associate Professor at School of International Relations, Saint-Petersburg State University. **Address:** 191060, Russia, Saint-Petersburg, Smol'nogo 1/3, entrance 8. **E-mail:** nerem78@mail.ru

Abstract. Brexit expresses substantial changes and transformations of the British statehood and in the UK's relations with its partners in the EU and beyond. The British, who historically have been Eurosceptic, voted to leave the EU. By having done that, the authors asserts, they have started a disintegration process in their own state and in the EU. The aim of the article is to explore reasons, results and the prospects of Brexit. The authors analyze the European integration process's aspects, the European financial and migration crisis, opinions of the EU citizens, political and party debates on integration process in the UK, the British approach to referendums, and comparison of the two referendums on integration in the UK. The results of the referendum split in two the main British parties and the British society. The implications of Brexit are complex. There is an intrigue: how to keep the British participation in the Single Market and how to prevent disintegration of the state in the face of the Scottish National Party's demands. In the conclusion the authors underline British pragmatism and define the UK aspirations for Global Britain as a desire not to be confined to the European arena only.

Key words: Brexit, EU referendum, European integration, Common market, British political and party system.

УДК 321.8

Андрей БАЙКОВ,
Ляна ДЫМОВА

ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС И УСТОЙЧИВОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются итоги референдума в Великобритании, его последствия для Европейского Союза и международного порядка. Решение Лондона стало кульминацией кризисных явлений на европейском пространстве. Идея интеграции как поступательного движения к всеобщему благу подвергнута сомнению. До этого вероятность выхода государств из ЕС практически не рассматривалась. Сегодня над Евросоюзом нависла реальная угроза “брекситизации”. В новых условиях жизнеспособность европейского интеграционного проекта можно обеспечить лишь в случае политической и институциональной адаптации, которая должна предусматривать более гибкие подходы к целям и форматам интеграции. Однако частичная деконструкция интеграции в европейском ареале (частью которого является и Британия) и разрыхление сплоченности ослабляют группировку перед лицом современных вызовов в области экономики, миграции и безопасности. Выход Великобритании, кроме того, меняет структуру европейской политики, кардинально изменяя внутренний баланс сил и её содержание на среднесрочную перспективу. Усиление центробежных сил внутри ЕС снижает шансы на дальнейшую консолидацию государств внутри группировки и порождает мощные системные колебания. Такая ситуация обуславливает необходимость поиска нового концептуального оформления европейской региональной структуры.

Ключевые слова: Европейский Союз; Великобритания; брексит; европейская интеграция.

Главным и обескураживающим событием 2016 г. для Европейского Союза стало проведение в Великобритании референдума о пребывании страны в ЕС и его результат. Оно стало апофеозом вызревавших кризисных явлений как внутри самой Великобритании, так и в ЕС и международной системе. Финансово-экономический кризис, наплыv мигрантов из Ближнего и Среднего Востока, связанное с этим ощущение незащищённости граждан стран-членов ЕС, “демократи-

© Байков Андрей Анатольевич – к.полит.н., доцент МГИМО МИД России, проректор по магистерским и международным программам МГИМО МИД России, главный редактор журнала “Международные процессы”. Адрес: Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; E-mail: baykovaa@yandex.ru

Дымова Ляна Ахмедовна – аспирантка МГИМО МИД России. Адрес: Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; E-mail: lyana.dymova@gmail.com

ческий дефицит” в структурах ЕС – всё это, своеобразно преломившись через внутреннюю межпартийную борьбу, привело к поражению сторонников членства страны в ЕС.

1

Задолго до референдума многие эксперты, учёные и политики указывали на наличие сбоев в политико-институциональной структуре ЕС, усугублявшихся в последние годы трудностями в экономике и внешней политике. К называвшимся выше *системным* дефектам можно добавить отсутствие единой, разделяемой всеми долгосрочной цели интеграции, чрезмерное расширение ЕС, принятие в него стран, существенно различающихся по уровню экономического развития, политической стабильности и (!) политической культуре [Кавешников, 2017]. Последние два обстоятельства особенно осложняют процесс принятия решений и делают проблематичной выработку общей стратегии развития. Сюда же можно отнести общеизвестный и хорошо описанный в литературе институциональный изъян – отсутствие эффективной системы комплексного макрорегионального управления, во многом обусловленное недостаточной легитимностью евросоюзовой бюрократии.

Системные (т.е. относящиеся к уровню самой интеграционной конструкции и параметрам её функционирования) проблемы ЕС можно дополнить всё большим смещением акцентов в сторону межправительственного подхода, при котором неизбежно усиление доминирования наиболее крупных и влиятельных стран. Все вышеперечисленные симптомы обнажились на фоне углублявшегося недовольства значительной части общества, проигравшей от процессов региональной интеграции и глобализации и, несмотря на преимущественную ответственность национальных правительств, обвиняющей во всём “Брюссель”.

Сторонники *брекзита* указывали на опасные последствия единой миграционной политики и невозможность для британских властей контролировать этот процесс, а также обращали внимание на неоправданные с их точки зрения расходы на общие нужды группировки.

В арсенале их оппонентов была критика ксенофобских взглядов оппонентов и упор на неприемлемые и даже возможно катастрофические последствия *брекзита* для сложившейся за многие годы финансово-сервисной специализации британской экономики, за что их кампания была прозвана прессой “проектом страха” [Deacon, 2016].

В самом деле, привлекательных доводов в пользу нахождения Великобритании в ЕС было немного – череда отмеченных выше кризисов значительно снизила популярность самой идеи Европейского Союза в глазах британского обывателя. В его сознании евроинтеграция стала устойчиво рифмоваться с непродуманной миграционной политикой и кризисом еврозоны, который был спровоцирован навязанным некоторым странам ЕС режимом строгой экономии, проводившейся на фоне и без того болезненной рецессии, при котором за бедные и неэффективные экономики расплачиваются более богатые и инновационные. Разумеется, эти проблемы в значительной степени носили внешний по отношению к интегративной логике характер и напрямую не вытекали из членства в ЕС. Тем не менее в формате до предела упрощившейся по своей риторике и аргументации кампании противникам *брекзита* не оставалось ничего другого, кроме как рисовать такие же упрощённые картины страшных последствий дезинтеграции. Говоря иначе, кампания по выходу из ЕС оказалась успешной во многом потому, что британский политический истеблишмент *не смог противопоставить сторонникам брекзита веских аргументов*.

в пользу пребывания Великобритании в европейском политическом проекте и, согласно “законам жанра” современных избирательных кампаний, изначально пригрывал оппонентам в привлекательности своей позиции.

2

С самого момента присоединения к процессу европейской интеграции в 1973 г. в Лондоне не наблюдалось особого энтузиазма по поводу евроориентации страны [Громыко, 2016]. Однако, с окончанием “холодной войны” евроскепсис ещё более укрепился и в последние годы достиг небывалых масштабов. Новое поколение политической элиты, отдалившееся – ментально и генерационно – от реалий “холодной войны”, стало вновь подвергать сомнению целесообразность членства страны в ЕС. Кризис еврозоны и относительный на его фоне успех британской экономики лишь дополнительно подогревали сомнения в необходимости и желательности присутствия Соединённого Королевства в ЕС.

Выход Великобритании из ЕС представляет собой чрезвычайно сложный и с формально-организационной, и с политико-идеологической точки зрения процесс. Но главное – он не имеет прецедентов. Переговоры по ст. 50 Лиссабонского договора, регламентирующей выход страны из сообщества, были формально запущены 29 марта 2017 г., когда британский премьер-министр Тереза Мэй направила главе Европейского Совета Дональду Туску письмо, в котором уведомила о начале соответствующей процедуры. Процесс займёт два года, таким образом, фактически выход Великобритании состоится не ранее марта 2019 г., хотя, по оценкам многих экспертов, двух лет, вероятно, не хватит для разработки (и ратификации всеми странами ЕС) таких масштабных документов, как, например, соглашение о создании зоны свободной торговли, которую хотели бы сохранить и ЕС, и Великобритания. Кроме того, за это время может обнаружиться большое количество сил, фактов и их комбинаций, препятствующих исполнению статьи, и предсказать исход начатого процесса непросто.

Сегодня вокруг переговоров по выходу Соединённого Королевства из ЕС накалено общественное мнение. С обеих сторон нагнетаются страсти, и потом они же используются для целей внутренних электоральных борений. Брекзит не только продемонстрировал глубину структурных сдвигов в Европейском Союзе, но и в полной мере явился отражением межпартийной борьбы внутри самой Великобритании. Очередным доказательством этому стали досрочные парламентские выборы. И они сами и их результаты стали неожиданностью для политico-академического сообщества, поскольку до этого лидер Консервативной партии не раз высказывалась против досрочных выборов и исключала их вероятность. Премьер-министр, очевидно, стремилась укрепить позиции Великобритании на переговорах с Брюсселем, для чего были нужны стабильный парламент и сильное правительство, чему, по словам Т. Мэй, пытаются противостоять некоторые партии (например, Лейбористская партия обещает и вовсе заблокировать все договоренности о выходе Великобритании из Евросоюза).

Однако, по мнению многих экспертов, целью премьер-министра являлось не только получение твёрдого большинства в парламенте. Тереза Мэй лидировала в рейтингах популярности, что вселяло надежду на получение от избирателей нового мандата. Ход мыслей был, по видимому таким, что в ходе переговоров по выходу Великобритании из ЕС придётся идти на уступки, и это может стоить голосов избирателей. Впрочем, в очередной раз всеобщие выборы сыграли злую шутку с консерваторами – тори не только не получили новые мандаты, но, напротив, лишились

нескольких мест и, соответственно, большинства в парламенте, создав ещё большую неопределенность относительно политического будущего страны.

Как уже было сказано выше, британский референдум имел колоссальные последствия для всего европейского политического пространства. На решение Великобритании остро отреагировали и политики, и общественное мнение в большинстве европейских стран. Вскоре после объявления результатов референдума тройка европейских лидеров в лице Ангелы Меркель, Франсуа Олланда и тогдашнего итальянского премьер-министра Маттео Ренци встретились на острове Вентотене (выбор места символичен: именно на этом острове жил Альтиеро Спинелли, выступивший в годы Второй мировой войны с воззванием к объединению Европы) для обсуждения проектов по минимизации негативных последствий *брекзита* для отдельных стран и для ЕС в целом.

Главный вызов для “евротройки” состоит, на наш взгляд, в том, как не спровоцировать заражение вирусом *брекзита* другие страны-члены, особенно те, в которых сильны евросkeptические настроения. К ним в первую очередь относили Францию, экономика которой изрядно пострадала в результате кризиса еврозоны и где число готовых проголосовать за выход из ЕС превышало британские значения [Henley, 2017]. Экономические проблемы усугубляются кризисом безопасности, связанным с ростом миграции и повышенной террористической активностью. Несмотря на победу проевропейского Э. Макрона на президентских выборах, предвыборная кампания лидера Национального фронта Марин Ле Пен в немалой степени повлияла на политический процесс, придав мощный импульс дальнейшему раскручиванию в ЕС центробежных сил. И если реформы, к которым призывает Ле Пен и которые мало совместимы с членством Франции в Европейском Союзе, сегодня поддерживают немногие политики, то желательность более независимой позиции страны в её отношениях с ЕС сегодня не подвергается сомнению практическими никем во французском политическом истеблишменте.

Аналогична ситуация в Италии, чья экономика, и до британского референдума находившаяся в тяжком положении, с содроганием встретила известие о выходе Великобритании: без британских ассигнований итальянской банковской системе рассчитывать на улучшение ситуации не приходится. Отказ же избирателей от конституционных реформ в декабре 2016 г. фактически поставил под угрозу членство страны в Евросоюзе и нанёс очередной удар по единой европейской валюте.

Премьер-министр Маттео Ренци, вынужденный уйти в отставку после поражения на референдуме, являлся представителем проевропейских сил, и с его уходом вероятность роста недовольства ЕС будет нарастать. Нестабильную политическую ситуацию разогревает глубокий экономический кризис – низкие темпы экономического роста и ухудшающееся состояние итальянских банков делает малоэффективной помощь ЕЦБ. В долгосрочной перспективе в условиях роста государственного долга ЕЦБ в принципе может перестать покупать государственные облигации с неопределенным сроком погашения. Если итальянские власти не предпримут решительных шагов по реформированию экономики, и, в частности, банковского сектора, Италия вряд ли будет жизнеспособна в рамках европейского валютного союза. При этом выход страны из еврозоны крайне рискован, поскольку в этом случае неминуема деноминация итальянских государственных облигаций на общую сумму до 2,4 трлн евро [Das, 2016]. Последнее наверняка спровоцирует панику в рядах государств-членов валютного союза. К тому же приход к власти скептически настроенных по отношению к Европейскому Союзу сил снижает вероятность их следования предлагаемым европейской бюрократией шагам. Вот почему един-

ственным спасением Италии от кризиса членства в ЕС является не только политическая реформа, но и реструктуризация экономической и банковской системы, а также активное стимулирование инвестиций.

Ситуация в Германии несколько лучше, чем во Франции и Италии. Тем не менее стоящие перед Ангелой Меркель проблемы требуют искусного маневрирования между интересами проевропейских и евроскептических сил. С одной стороны, в Германии, так же, как и в соседних странах, набирает силу движение правого толка, в данном случае – “Альтернатива для Германии”, растущая популярность которой свидетельствует о росте антиевропейских настроений. С другой – активисты этой партии ратуют за прагматичное сотрудничество с ЕС и не выступают с острыми заявлениями о выходе Германии из Союза.

Таким образом, референдум в Великобритании о членстве в Европейском Союзе поставил в повестку дня экзистенциальные вопросы внешней и внутренней политики страны, омрачив перспективы европейского проекта в целом. Впервые был подвергнут сомнению тезис о постоянном неуклонном развитии интеграции. Оказалось, что поступательное развитие в сторону всё большего сотрудничества далеко не единственный путь, и “в Европейском Союзе есть дверь для выхода” [Вег-Прессер, 2016]. Европейский Союз в результате оказался перед необходимостью обосновывать свою нужность для стран-участников.

В переменившемся общественно-политическом дискурсе европейская интеграция предстаёт уже не абсолютным благом, к которому a priori должны стремиться все государства, а всего лишь одной из международных региональных организаций, полезность которой оценивается прагматически и в каждом конкретном случае, и исходя из национальных интересов.

По существу, в результате референдума в глазах массовой публики и претендующих на власть контрэлит был легитимизирован некогда крамольный тезис о том, что в динамическом цикле интеграции фазы расширения и развития могут сменяться фазами откатов и “сужения” [Байков, 2012].

3

Выход Великобритании из ЕС представляет собой внутрисистемный кризис организации, поскольку повлечёт за собой институциональную и политическую адаптацию конструкции ЕС. Он меняет структуру “по Уолтцу”, то есть характер распределения среди центров силы их материально-властных возможностей, нарушает сложившееся между ключевыми игроками силовое равновесие, но при этом не меняет сущность системы как таковой [Waltz, 1979]. Отмеченная адаптация может иметь две возможные траектории [Кавешников, 2016: 28]. Во-первых, это частичная деконструкция, а точнее – денаднационализация Европейского Союза, которая будет предполагать демонтаж некоторых общесоюзных политик, чрезмерно конкурирующих с национальной юрисдикцией (например, миграционная политика) и фактически сужение поля интеграции до первоначальной цели в виде общего, а затем – единого внутреннего рынка. Однако деградация интеграционного качества такого масштаба и снижение меры консолидации государств внутри ЕС лишь ослабят группировку перед лицом текущих вызовов в области экономики, миграции и безопасности, поскольку именно с этими типологически новыми угрозами отдельным государствам будет справиться сложнее [Шаклина, 2013].

Второй вариант – переход к формату концептуально неплохо проработанной “гибкой интеграции”, в рамках которого сотрудничество будет осуществляться в более тесных группах заинтересованных государств без каких-либо поправок для

тех, кто в состав “ядра” не входит [Кавешников, 2011]. Такой механизм всё чаще де-факто применяется в ЕС, углубляя разрывы между “ядром” и “периферией” и всё больше отдаляя друг от друга наиболее успешных участников еврозоны и экономически более слабых государств.

По мнению многих экспертов, в текущей обстановке гибкая интеграция является наиболее вероятным и даже спасительным сценарием дальнейшего развития европейского проекта – на основе тех или иных интересов будут создаваться временные гибкие коалиции, которые могут трансформироваться или прекращать своё существование по мере достижения поставленных целей [Wahl, 2017]. Парадоксальным образом, выход Великобритании из Европейского Союза упростит формирование такого ядра и может дать интеграции второй шанс: Лондон всегда мешал германо-французскому тандему, к тому же его особые отношения с США всегда служили камнем преткновения в вопросах европейской политики [Кавешников, 2016]. После выхода Великобритании ядро, вероятнее всего, будут составлять старые участники, основатели ЕС (Франция, Германия, Италия, страны Бенилюкс), которых объединяет как культурное единство (“все они “наследники” империи Карла Великого, историческое ядро Западной Европы” [Кавешников, 2016]), так и схожее видение стратегического вектора развития ЕС [Кавешников, 2016]. Великобритания, в свою очередь, даже в период членства в ЕС, всегда была примером страны с огромным количеством исключений из правил ЕС, в том числе таких ключевых, как еврозона, участие в Шенгенском соглашении и ряд других проектов ЕС.

Интересы самой Великобритании в условиях выхода из ЕС противоречивы. Референдум о выходе из ЕС состоялся на фоне экономического подъёма Великобритании, поэтому среди аргументов сторонников *брекзита* главным был довод, гласящий, что если страна смогла добиться таких хороших результатов даже в условиях членства в более слабом и инертном сообществе, то с освобождением от обременений брюссельской бюрократии и необходимости подпирать более слабых соседей, британская экономика и вовсе выйдет на устойчивый повышательный тренд. Сегодня действительно экономика Соединённого Королевства, вопреки прогнозам противников *брекзита*, растёт быстрее, чем ожидалось, но все же, несмотря на внешне впечатляющие успехи, уверения евроскептиков в том, что от ЕС им нужна лишь зона свободной торговли, вряд ли реалистичны. Великобритания заинтересована в сохранении многих преференций в отношениях с ЕС, в том числе условий финансового взаимодействия. Роль Сити в отношениях Великобритании с ЕС всегда была непропорционально завышена [Десаи, Фриман, 2016]. Более того, эти отношения часто подлежали корректировке именно с учётом интересов финансового сектора, выгодно использовавшего как доступ к европейским финансам, так и упоминавшиеся выше “специальные, или особые, отношения” с США. Именно поэтому, кстати, Сити выступил практически единым фронтом за членство в ЕС, поскольку иначе он терял существенную долю европейского бизнеса. Наконец, существует опасность ухода из Британии иностранных компаний (а их число значительно), избравших Великобританию в силу её членства в ЕС и кровно заинтересованных в преференциальном доступе к единому внутреннему рынку.

Нельзя забывать, что на переговорах по *брекзиту* обсуждается не только торговая и финансовая составляющие “развода”. В фокусе внимания – граждане стран ЕС, проживающие в Великобритании и теряющие большую часть своих преимуществ, долги Соединённого Королевства по взятым ранее обязательствам, а также территориальная целостность. И если по первому вопросу обе стороны готовы идти на компромиссы и предоставить указанной категории граждан максимально воз-

можные льготы и преференции, то по второму и третьему пункту ЕС и Великобритании пока что сблизиться не удаётся.

Если до июньского референдума апологеты брексита обещали, что выход из ЕС позволит экономить как минимум 350 млн евро (440 млн долларов) [From Brussels..., 2017] еженедельно, то теперь выясняется, что, перед тем, как покинуть группировку, Лондону предстоит заплатить по счетам. По мнению Брюсселя, британские власти должны выполнить свои обязательства по одобренному ими семилетнему плану европейского бюджета, а также покрыть свою долю расходов по многочисленным инфраструктурным и социальным проектам. Несколько месяцев назад, по оценкам доклада Центра европейских реформ, эти выплаты в сумме составляли около 60 млрд евро [Barker, 2017], но после апрельского саммита сумма финансовых претензий Европейского Союза возросла до 100 млрд евро [Mortimer, 2017]. По инициативе группы стран (включая Францию и Германию) в Брюсселе пересмотрели расчёты, включив в сумму целый ряд новых статей. И хотя британские власти уже выступили с заявлением, что не намерены платить по этим счетам, очевидно, что долговой вопрос будет одним из серьёзных камней преткновения на предстоящих переговорах.

Наконец, остро вставший вопрос территориальной целостности Великобритании в контексте формирования европейского регионального порядка. Как оказалось, шотландский и ирландский вопросы в политике Великобритании как члена ЕС и как независимого государства стоят по-разному. В 2014 г. в Брюсселе приветствовали результаты референдума и решение Шотландии остаться частью Соединённого Королевства, упомянув, что независимой Шотландии не стоит рассчитывать на членство в ЕС. Теперь же ситуация может измениться. Шотландия, дружно высказавшаяся за сохранение членства в ЕС, теперь высказывается за проведение референдума о выходе из Великобритании и вступление в ЕС в качестве независимого члена. И хотя европейские власти предупредили о необходимости повторного прохождения всей процедуры присоединения Шотландии к ЕС, они не исключили в целом такого развития событий [Rankin, Carrell, 2017]. Несколько иная, но не менее сложная ситуация складывается с Северной Ирландией, граница между которой и независимой Республикой Ирландией в условиях членства Великобритании в ЕС носила формальный характер. Теперь она становится вполне осозаемым рубежом с паспортным контролем и таможенными барьерами, что не может не сказатьсь на и так периодически обостряющейся проблеме ирландского католического меньшинства в Соединённом Королевстве.

Таким образом, выбор формата дальнейшего взаимодействия Великобритании и европейских структур в каком-то смысле сродни поискам квадратуры круга. Непределённости добавляет и общемировая турбулентность, связанная с колеблющейся позицией новой американской администрации в этом вопросе. Британские власти заинтересованы не только в сохранении равноправного и конструктивного партнёрства с Евросоюзом, но и, в первую очередь, в реализации более амбициозного плана – перехода с европейского на глобальный уровень, сделать Великобританию снова мировой державой. В своём выступлении министр обороны Майкл Фэллон [Fallon, 2016] в декабре 2016 г. обозначил три новых региона присутствия британских военных: район Персидского залива, Юго-Восточная Азия и регион Западной Африки, что подтверждает глобальные планы Великобритании. Об этом же говорят планы по обновлению ядерных сил сдерживания морского базирования, строительство двух авианосцев и нескольких патрульных кораблей с новейшей боевой авиацией.

* * *

Британские власти продолжат поиск модели поддержания тесных союзнических отношений с ЕС, выбирая участие лишь в выгодных для них элементах интеграционного проекта, избегая ограничений свободы рук в Северной Атлантике и державной суверенности. Открытым остаётся вопрос, насколько в нынешней международно-политической среде и меняющихся нормативно-институциональных условиях своего бытия в Европе, Великобритании удастся добиться сохранения выгодных договоренностей и на взаимоприемлемых условиях заключить новые соглашения о сотрудничестве. И главное в этом переговорном узле – комплекс экономических условий взаимодействия Лондона и Европейского Союза.

Британская экономика является неотъемлемой частью европейского хозяйственного конгломерата, очень тесно переплетённой с ним на всех уровнях и практически во всех отраслях. Обсуждаются два альтернативных маршрута, т.н. “мягкий” и “жёсткий” брексит. В первом случае Великобритания может пойти по пути Норвегии или Швейцарии и сохранить участие в едином рынке при фактическом следовании большинству предписаний ЕС без членства, что, по мнению многих, маловероятно [Громыко, 2016], поскольку ограничит британский суверенитет намного больше, чем непосредственно членство. В этом случае Соединённое Королевство, фактически применяя законодательство ЕС, не будет иметь возможности принимать участие в его разработке. Второй вариант – Лондон сохранит режим свободной торговли, возможно, с элементами финансового и инвестиционного сотрудничества.

На данный момент британское правительство высказалось в пользу “жёсткого” варианта и не намерено рассматривать “привилегированное партнёрство”, однако окончательно сценарий брексита определится после выборов в парламент.

Как бы ни сложился “развод” Великобритании с Евросоюзом, очевидно, что власти Евросоюза приложат все усилия, чтобы не допустить распространения “вируса” брексита в ЕС, поэтому попытаются сделать условия выхода из Союза максимально невыгодными [Grant, 2016]. Европейский Союз решительно настроен сделать все возможное, чтобы минимизировать ущерб от брексита и заставить британцев заплатить высокую цену за выход из ЕС. Такая позиция в очередной раз была подтверждена на саммите ЕС на Мальте [Speech by President D. Tusk..., 2017].

После выхода Великобритании шансы на дальнейшую консолидацию уменьшаются, а евроскептики, присутствующие в различном соотношении практически во всех странах ЕС, получили дополнительные очки к своей предвыборной платформе. Опасения усиления центробежных сил внутри ЕС сегодня велики как никогда. Результаты референдума, которого вполне можно было избежать и который детерминирован внутриполитической динамикой периферийной для интеграционной логики ЕС страны, породили системные колебания, стабилизировать которые удастся не скоро. Мировая и региональная политика, таким образом, продолжает развиваться в русле нарастания элементов системности [Богатуров, 2017], а, следовательно, потребность в теоретической диагностике и осмысливании её проблем в русле системно-структурной школы международно-политического анализа сегодня подчёркивается самой жизнью.

Список литературы

- Байков, А.А. (2013) "Идеологический компонент в эволюции Евросоюза". *Полис*, №1.
- Байков, А.А. (2012) *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии*. М.: НОФМО-Аспект Пресс.

- Богатуров, А.Д. (2017) *Международные отношения и внешняя политика России*, М.: "Аспект-Пресс".
- Буторина, О.В. (2013) "Европейский Союз после кризиса: упадок или возрождение?" *Вестник МГИМО*, № 4(31).
- Десай, Р., Фриман, А. (2016) *Brexit, Сити и кризис консерватизма*. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/14022/>
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций*. (2016) Под ред. Т.А. Шакleinой. М.: Аспект Пресс, 2016 (2-ое изд.)
- Вег-Проссер, Б. (2016) *Международные последствия референдума о выходе Британии из ЕС*. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/13814/>
- Громыко, Ал.А. (2016) "Новая реальность и европейская безопасность", *Современная Европа*, №5.
- Громыко, Ал.А. (2016) "День, который изменил Европу", *Современная Европа*, №3.
- Кавешников, Н.Ю. (2011) "Гибкая интеграция" в Европейском Союзе" *Международные процессы*, Том 9, №2(26).
- Кавешников, Н.Ю. (2016) "Некоторые последствия Brexit для развития Европейского Союза" *Вестник МГИМО*, №6 (51).
- Маттес Г. Выборы в Великобритании – ещё одно голосование по Brexit. Deutsche Welle, 19 апреля 2017 г. Ссылка: <http://p.dw.com/p/2bUZP>
- Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия*. Ч. I. / Под ред. Ананьевой, Е.В., Бударгина, А.В. М.: Институт Европы РАН, 2016.
- Ситуационные анализы. Выпуск 3: Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз*. / Отв. ред. Т.А.Шаклеина. М.: Издательство МГИМО, 2013.
- Стрежнева, М.В. (2009) "Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления" / *Современная мировая политика: прикладной анализ*. Под ред. А.Д. Богатурова, М.: Аспект Пресс.

References

- Bajkov, A.A. (2013) "Ideologicheskiy komponent v jevoljucii Evrosojuza" Polis, №1.
- Bajkov, A.A. (2012) Sravnitel'naja integracija. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Vostochnoj Azii. M.: NOFMO-Aspekt Press.
- Bogaturov, A.D. (2017) Mezhdunarodnye otnoshenija i vneshnjaja politika Rossii, M.: "Aspekt-Press".
- Butorina, O.V. (2013) "Evropejskij Sojuz posle krizisa: upadok ili vozrozhdenie?" *Vestnik MGIMO*, № 4(31).
- Desai, R., Friman, A. (2016) Brexit, Siti i krizis konservativizma. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valdaj. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/14022/>
- Vvedenie v prikladnoj analiz mezhdunarodnyh situacij*. Pod red. T.A.Shakleinoy. M.: As-pekt Press, 2016 (2-oe izd.)
- Veg-Prosser, B. (2016) *Mezhdunarodnye posledstvija referendumu o vyhode Britanii iz ES*. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valdaj. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/13814/>
- Gromyko, Al.A. (2016) "Novaja real'nost' i evropejskaja bezopasnost'", *Sovremennaja Evropa*, №5.
- Gromyko, Al.A. (2016) "Den', kotoryj izmenil Evropu", *Sovremennaja Evropa*, №3.
- Kaveshnikov, N.Ju. (2011) "Gibkaja integracija" v Evropejskom Sojuze" *Mezhdunarodnye processy*, Tom 9, №2(26).
- Kaveshnikov, N.Ju. (2016) "Nekotorye posledstvija Brexit dlja razvitiya Evropejskogo Sojuza" *Vestnik MGIMO*, №6 (51).
- Mattes G. Vybory v Velikobritaniu – escho odno golosovanie po Breksit. Deutsche Welle, 19 aprelja 2017 g. Sсылка: <http://p.dw.com/p/2bUZP>
- Referendum o chlenstve Britanii v Evrosouzhe: hod, itogi i posledstvija. Ch. I. / Pod red. Anan'evoj, E.V., Budargina, A.V. M.: Institut Evropy RAN, 2016.
- Situacionnye analizy. Vypusk 3: Formirovanie rezhimov v otnoshenii novyh global'nyh vyzovov i ugroz. / Otv. red. T.A.Shaklein. M.: Izdatel'stvo MGIMO, 2013.
- Strezhneva, M.V. (2009) "Integracija i vovlechenie kak instrumenty global'nogo upravlenija" / *Sovremennaja mirovaja politika: prikladnoj analiz*. Pod red. A.D. Bogaturova, M.: Aspekt Press.
- Barker, A. (2017) *The €60 billion Brexit bill: How to disentangle Britain from the EU budget*. Available at: <https://www.cer.org.uk/publications/archive/policy-brief/2017/%E2%82%AC60-billion-Brexit-bill-how-disentangle-britain-eu-budget>
- Fallon, M. (2016) *Britain extends global defense reach* Available at: <https://www.gov.uk/government/news/britain-extends-global-defence-reach>
- From Brussels with love. The multi-billion-euro exit charge that could sink Brexit talks*. The Economist. February, 11, 2017. Available at: <http://www.economist.com/news/21716629-bitter-argument-over>

money-looms-multi-billion-euro-exit-charge-could-sink-

Brexit?cid1=cust/ddnew/n/n/n/2017029n/owned/n/n/nwln/n/n/n/email

Das, S. (2016) *Why Italy's economy is about to collapse*. Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/voices/why-italy-s-economy-is-about-to-collapse-a7091221.html>

Deacon, M. (2016) *The EU referendum: Project Fear is already under way*. Daily Telegraph. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/12120999/The-EU-referendum-Project-Fear-is-already-under-way.html>

Grant, C. (2016) *Why Europe wants a hard Brexit to hurt*. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/oct/07/europe-hard-Brexit-hurt-british-trade-deal>

Henley J. (2017) Marine Le Pen promises liberation from the EU with France-first policies. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/05/marine-le-pen-promises-liberation-from-the-eu-with-france-first-policies>

Mortimer C. (2017) Brexit 'divorce bill' could go up to €100bn after fresh demands from EU member states. The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/Brexit-latest-news-divorce-bill-100bn-eu27-demands-contributions-a7714436.html>

Pasha-Robinson, L. (2017) Marine Le Pen says France should seek to renegotiate EU membership. Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/marine-le-pen-france-renegotiate-eu-membership-european-union-front-national-leader-far-right-french-a7511566.html>

Rankin J., Carrell S. (2017) Independent Scotland 'would have to apply to join EU'. The Guardian. March 14, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/13/independent-scotland-would-have-to-apply-to-join-eu-commission-says>

Speech by President Donald Tusk at the EPP Malta congress 2017, March 30, 2017. Available at: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/03/30-tusk-speech-epp-summit-malta/>

Wahl, P. (2017) "Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU" *Globalizations*. Vol. 14, № 1.

Waltz K. (1979) Theory of International Politics. McGraw Hill. New York.

Zimmerman, H., Dur, A. (2016) (eds.) *Key controversies in European integration*. Palgrave Macmillan, NY.

GREAT BRITAIN'S WITHDRAWAL FROM THE EU AND THE PROSPECTS OF EUROPEAN REGIONAL STRUCTURE STABILITY

Authors. Baykov A., Candidate of Political Science, Vice Rector for Graduate and International Programmes, MGIMO; 'International Trends' journal, Editor-in-Chief. **Address:** prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia. **E-mail:** baykovaa@yandex.ru

Dymova L., postgraduate student, MGIMO. **Address:** prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia. **E-mail:** lyana.dymova@gmail.com

Abstract. The article deals with the results of the referendum on British exit from the European Union, its implications for the EU and international order. London withdrawal from the European integration project is the culmination of the complex crisis on the European continent. The idea of integration as a constant development towards common good has been challenged. Prior to this, the probability of any state abandoning the EU had never been considered. Today the EU faces a threat of Brexit phenomenon spreading across the community. The viability of the European integration project is possible only in case of political and institutional transformation, involving more flexible approaches to goals and formats of integration. However, the partial deconstruction of the integration initiatives and weakened consolidation within the EU makes the group vulnerable in the face of current economic, migration and security challenges. British withdrawal, in addition, changes the structure of European politics, significantly shifting its internal balance of power. It is obvious that Brexit puts a number of hard issues for the European and the international community. The essence of the European policy in the medium term will consist in the pursuit of a new regional balance. Growing centrifugal forces within the European Union reduce the chances of further consolidation within the integration group and generate massive fluctuations inside the system. This makes urgent the search for qualitatively new conceptual design of the European regional structure.

Key words: European Union, Great Britain, Brexit, European integration.

УДК 327

Лида ОГАНИСЯН

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ США И ЕС В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются стратегические культуры Соединённых Штатов и Евросоюза с точки зрения их влияния на формирование внешней политики. Проблема исследуется на примере политики США и ЕС на Ближнем Востоке и в Северной Африке в связи с особенностями их стратегических культур. Сделан вывод о том, что несмотря на значительные отличия стратегических культур и вытекающих из этого разных подходах к разрешению проблем, конфликтов и кризисов в арабском мире, подходы Вашингтона и Брюсселя в регионе способствовали дестабилизации Ближнего Востока и Северной Африки, превращению региона в источник угроз для международного сообщества.

Ключевые слова: Евросоюз, США, Ближний Восток, стратегическая культура, “арабская весна”.

События последних лет на Ближнем Востоке и в Северной Африке привели к дестабилизации региона. Не разрешены конфликты в Ливии, Йемене и Сирии, увеличивается нестабильность в Ираке и отчасти в Афганистане. Это служит причиной радикализации и милитаризации региона, обострения суннито-шиитского противостояния, усиления миграционного давления на европейские и региональные государства. Одной из причин того, что Ближний Восток оказался в нынешнем состоянии, является стратегическая культура США и ЕС, которая продиктовала их политику и подходы к региону.

Термин “стратегическая культура” был введён американским исследователем Дж. Снайдером во время “холодной войны”, чтобы подчеркнуть различия в советской и американской ядерной доктрине, стратегическом мышлении, принятии военно-политических решений влиятельными политиками [Snyder, 1977: 8–9]. После работ Снайдера изучение стратегической культуры государства для понимания его политики стало популярным направлением среди исследователей. Американский ученый К. Грей определил стратегическую культуру как способ мышления в отношении силы, который вытекает из исторического опыта государства, его традиций, геостратегических факторов, национального характера [Gray, 1981: 35–37].

Частью стратегической культуры как Соединённых Штатов, так и Евросоюза является видение себя в качестве “трансформационной силы”. Американцы счита-

ют, что система ценностей, сформировавшаяся в США, универсальна и является единственно верной, поэтому нужно её распространять (при необходимости силой). Это ведёт к непониманию других культур, что свойственно американскому обществу и менее характерно для европейцев, на чью политику значительное влияние оказал фактор колониализма. Распространение европейских ценностей, демократических стандартов является важной чертой политики Брюсселя в Средиземноморье. Однако ЕС действует, как правило, не методами жёсткого давления, а примером, делая акцент на свою привлекательность.

Исследования стратегической культуры начались в 1970-е гг. В период биполярного противостояния угроза применения ядерного оружия минимизировала роль других факторов, влияющих на подходы к использованию силы [Иванов, 2007: 110]. В период “холодной войны” американская стратегия национальной безопасности и европейская стратегия были относительно статичными. Серьёзные изменения произошли после распада СССР. Адаптация уже к новой однополярной системе международных отношений, где США были единственной супердержавой, оказала значительное влияние на американскую стратегическую культуру. Вашингтон сделал ставку на укрепление своей глобальной гегемонии. Кроме того, необходимость обеспечения безопасности Европы потеряла свою остроту, вследствие чего снизился и интерес к региону [Meyer, 2004: 10].

С одной стороны, американцы упрекали европейцев в слабости, требовали от них большей самостоятельности для обеспечения собственной безопасности, особенно в 1990-х гг., когда в бывшей Югославии стало очевидно, что европейцы не способны действовать самостоятельно. Уже в начале 1990-х гг. с подписанием Маастрихтского договора общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) стала одним из направлений деятельности ЕС. В рамках ОВПБ предусматривалось развитие политического сотрудничества европейских государств и согласованное осуществление совместных внешнеполитических действий [Мацепуро, 2012: 256–260]. С развитием Евросоюза на рубеже 1990 – 2000-х гг. Брюссель пытался реформировать и ОВПБ, включив туда военную составляющую, чтобы превратиться в активного глобального игрока [Данилов, 2013]. Однако, с другой стороны, инициативы ЕС по созданию общего военно-политического потенциала вызывали опасения Вашингтона. Так, с началом войны в Ираке в 2003 г., когда трансатлантическому сообществу не удалось выступить единым блоком, на заседании Совета Североатлантического альянса представитель США Н. Бернс открыто заявил, что развитие ОВПБ представляет собой “самую существенную угрозу для будущего НАТО” [Мацепуро, 2012: 258].

Именно иракская война 2003 г. стала следующим важным моментом в укреплении концепции стратегической культуры. Она продемонстрировала, что “необходимость принятия во внимание фактора культуры вообще и стратегической культуры в частности становится всё более насущной и неотъемлемой частью эффективного применения военной силы” [Иванов, 2007: 111]. Тогда, в 2003 г., вышла книга Р. Кейгана, который одним из первых отметил различия в стратегических культурах США и Европы. Книга начиналась словами: “Пора прекратить притворяться, что американцы и европейцы разделяют взгляды на мир” [Kagan, 2003: 3]. Перефразируя название известной книги Дж. Грея “Мужчины с Марса, женщины с Венеры”, Р. Кейган писал, что эти акторы настолько различны, что их можно сравнить с представителями разных планет: США – Марса, а ЕС – Венеры [Kagan, 2003: 3]. В

то время как США не боятся применять “жёсткую силу”, pragmatично относятся к международному праву, стремятся быстро справиться со всеми кризисными явлениями и при необходимости готовы сделать это в одностороннем порядке, ЕС, напротив, выступает за решение проблем преимущественно мягкими методами и в многостороннем формате [Kagan, 2003: 4–5]. И, наконец, главное отличие: если в политике Вашингтона большим приоритетом является внешнеполитический аспект, стратегическая культура нацелена на обеспечение глобального лидерства США, то в европейской стратегической культуре, несмотря на стремление ЕС играть более весомую роль на международной арене, центральное место занимают проблемы внутренние, региональные [Милаева, Сиушкин, 2012: 20].

Что касается Евросоюза, то разногласия, вызванные иракским кризисом, послужили толчком для формирования общеевропейской стратегической культуры. Одни хотели бы дистанцироваться от политики Вашингтона, другие – гармонизировать европейские приоритеты с американскими для сохранения единства трансатлантического сообщества [Бископ, 2009: 107]. По мнению С. Бископа, независимо от мотивации, иракский кризис “сделал возможным осуществление решающего шага – начала стратегических переговоров внутри ЕС с целью перевести политическую практику в стратегию” [Бископ, 2009: 107]. Результатом этих переговоров стало принятие в 2003 г. Европейской стратегии безопасности (ЕСБ), которая явилась первым документом, где излагались цели и методы ЕС в области безопасности [A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy, 2003]. В ЕСБ указывалось, что, обладая серьёзным экономическим и политическим потенциалом, ЕС неизбежно становится глобальным актором.布鲁塞尔 должен развивать военно-политический потенциал, чтобы не только обеспечивать безопасность в Европе и соседних регионах, но при необходимости быть готовым разделить ответственность за международную безопасность. Хотя ЕС не исключал использования военных методов, они должны использоваться в крайнем случае и при реальной необходимости.

Н. Арбатова полагает, что “каждый новый кризис в международных отношениях являлся подтверждением существующего разрыва между экономическим весом ЕС и его ограниченными возможностями противостоять новым угрозам, порождая евроскептицизм. Вместе с тем каждый новый кризис способствовал продвижению и развитию ОВПБ и попыткам придать ЕС военное измерение” [Арбатова, 2003: 65], уменьшить зависимость от Вашингтона, во взглядах с которым он не всегда сходился.

Таким образом, если в период “холодной войны” Запад олицетворял либеральный демократический мир и противостоял советскому блоку, то после распада СССР проявились противоречия внутри западного сообщества. Иракский кризис, оказавшись критической точкой этого процесса, развёл США и ЕС, определив специфику их политики в постбиполярный период. Но следует признать, что напряжение в трансатлантических отношениях, выход на поверхность различий в их стратегических культурах в целом и на Ближнем Востоке в частности начался не в 2003 г., а значительно раньше.

Разногласия между евроатлантическими партнёрами в ретроспективе

Ещё в 1940-е гг. с приходом США на Ближний Восток американские и европейские интересы столкнулись. В этот период в арабском мире национально-

освободительные движения, которые поддерживал Вашингтон, перешли в активную фазу, европейцы оказались не в состоянии контролировать эти процессы. Соединённые Штаты, а также СССР, планомерно вытесняли Великобританию и Францию из региона, а во время Сuezского кризиса 1956 г. процесс достиг кульминации. Кризис показал неспособность бывших колониальных держав управлять ближневосточными процессами. Европейцы отошли на второй план, а развитие международных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке ознаменовалось борьбой за региональное доминирование между СССР и США [Хаас, 2006].

Однако и в bipolarный период интересы американцев и европейцев не раз расходились, особенно вокруг арабо-израильской проблемы. Отношения с Израилем – ближневосточным союзником США – не были приоритетом для европейцев. Последние признали Израиль и поддерживали с ним экономические связи, однако в спорных вопросах нередко принимали сторону арабов. Особенно ярко это проявилось в ходе “октябрьской войны” 1973 г., когда государства–члены ОПЕК приняли решение о сокращении поставок нефти в государства, поддерживающие Тель-Авив. Из-за последовавшего экономического кризиса под ударом оказалась не только экономика ряда европейских стран, но и евроинтеграция. В соответствии с Меморандумом Комиссии Европейского содружества 1973 г., был определён курс на укрепление отношений с Африкой и Средиземноморьем [Трофимова, 2011: 11]. Что касается США, то после “нефтяных шоков” одной из приоритетных целей их ближневосточной политики стало обеспечение свободного доступа к нефтяным ресурсам и пресечение попыток какой-либо “враждебной державы” установить контроль над месторождениями и путями транспортировки нефти.

В 1980-е гг. американская политика в регионе была нацелена на устранение там советского влияния, поэтому те авторитарные режимы, не ориентированные на Советский Союз, поддерживались. Европейцы также устанавливали дружеские отношения с диктаторскими режимами руководствуясь соображениями энергетической безопасности. С распадом СССР США стали единственной державой, доминирующей в регионе, а европейские государства продолжали развивать сотрудничество с арабскими странами, с которыми их объединяла долгая история взаимодействия, торгово-экономические связи.

Волна демократизации рубежа 1980–1990-х гг. не коснулась Ближнего Востока, и главной причиной тому была война в Алжире, послужившая суровым предупреждением всем в регионе. Авторитарные режимы здесь укреплялись и контролировали исламистские движения. В этот период вмешательство внешних игроков в дела арабских стран носило эпизодический характер, как, например, вторжение в Ирак в 1991 г., когда американцы нанесли удар по режиму С. Хусейна, но не уничтожили его [Лукьянов, 2015].

В постбиполярный период основными целями и приоритетами политики США и европейских государств в регионе были обеспечение энергетической безопасности, разрешение арабо-израильского конфликта, недопущение распространения ОМУ, борьба с терроризмом и радикализмом, а также демократизация региона. Поддержание стабильности и обеспечение собственной энергетической безопасности часто осуществлялось в ущерб демократизации. Однако общность целевых установок США и Европы не подкреплялась общностью методов их реализации, что было обусловлено различием их стратегических культур.

Можно выделить ряд черт, которые отличают европейскую политику в регионе от американской. Во-первых, географическая близость делает европейцев более

чувствительными к вопросам безопасности и стабильности в регионе, проблемы которого транслируются на Европу. Во-вторых, Европа в значительной степени зависит от импорта углеводородов из стран региона, что требует обеспечения бесперебойности поставок и стабильности цен. В-третьих, с 1990-х гг. возросла сила “арабских улиц”, т.е. арабы, живущие в государствах ЕС, пытаются влиять на ближневосточную политику европейских правительств [Archick, 2005: 6].

Кроме того, в отличие от американской стратегической культуры европейская гетерогенна. Проблема гетерогенности усложняет принятие внешнеполитических решений. Важность активной военной политики подчёркивают Франция и Великобритания, которые стремятся создать прочные военные структуры, хотят транслировать свою стратегическую культуру на европейский уровень, при этом выступают за партнёрство с США и сотрудничество в рамках НАТО. В случае необходимости франко-британский tandem готов принять военные меры самостоятельно, как это было в Ливии в 2011 г. Германия крайне осторожна в вопросах применения силы, резко выступает за многосторонность. Она скорее склоняется к проведению операций в рамках НАТО, чем ЕС, хотя в целом поддерживает объединение оборонных потенциалов государств–членов Евросоюза. Страны ЦВЕ считают, что необходимо тесно сотрудничать с США, действовать в рамках НАТО. Другие государства, такие как Швеция, придерживаются нейтралитета [Biava, Drent, Herd, 2011: 5–7]. Таким образом, гетерогенность внутри ЕС демонстрирует, что европейская стратегическая культура не занимает место национальных культур, она постепенно формируется, перенимая и пытаясь институализировать их нормы и ценности [Meyer, 2004: 6–7].

Главный недостаток гетерогенности заключается в том, что ЕС нередко бывает не способен выступить единым блоком по внешнеполитическим вопросам. Тогда общеевропейская стратегическая культура отходит на второй план, а страны–члены ЕС действуют исходя из своих национальных интересов. Но можно отметить и преимущество гетерогенности – это заложенный в ЕСБ комплексный подход к проблеме безопасности, согласно которому Евросоюз должен действовать, исходя из своих преимуществ в качестве невоенной силы, использовать широкий набор дипломатических, политических и гуманитарных инструментов. По мнению М. Норхейм–Мартинсена, идея комплексного подхода гармонично вписывается в стратегическую культуру ЕС, отражает его ценности, подчёркивает вторичный характер военного фактора во внешней политике Брюсселя [Norheim-Martinsen, 2011: 534–535]. Но европейская стратегическая культура ещё недостаточно прочная, сталкиваясь с кризисными ситуациями, она часто демонстрирует слабость и нерешительность, что не позволяет ЕС быстро и эффективно ответить на внешние вызовы.

“Арабский вызов” стратегическим культурам США и ЕС

События “арабской весны” являются, на наш взгляд, свидетельством того, что и американская, и европейская политика на Ближнем Востоке и в Северной Африке потерпели неудачу. Продиктованная особенностями стратегических культур, она стала одной из причин взрыва в регионе. Попытка ускоренной демократизации извне привела к военному вторжению в Ирак, что явилось реализацией американского проекта “Большого Ближнего Востока”. По мнению администрации США, деспотические и автаркические режимы в регионе угрожали региональной и международной безопасности. Следовательно, на США возлагалась ответственность за

их “перевоспитание” в демократических традициях. Ирак должен был стать “витриной демократии” в арабском мире. К установлению такой демократии стали бы стремиться и остальные арабские страны. Это позволило бы США избежать распространения антиамериканизма, а также уменьшить угрозу терроризма [Мирский, 2007: 14].

Но вышло так, что ввод американских войск в Ирак привёл к подъёму джихадизма [Наумкин, 2015]. В конечном итоге и военная операция в Ираке, и план “Большого Ближнего Востока” не достигли своих целей. При этом многие эксперты считают, что многолетние попытки США и ЕС демократизировать Ближний Восток и Северную Африку, распространить западные ценности, образ жизни и образование, содействовать созданию гражданского общества, косвенно привели к событиям начала 2010-х гг. [Шумилин, 2015].

“Арабская весна” разрушила устройство региона, которое с небольшими изменениями существовало с середины XX в. В итоге умеренные авторитарные режимы рухнули, освободив дорогу центробежным силам внутри государств: этническим, конфессиональным и племенным группам, различным салафитским течениям (в том числе радикальным). Одни стремятся сохранить устройство национальных государств со времен Сайкс-Пико, другие желают пересмотреть региональный порядок и даже границы национальных государств, как, например, террористическая группировка “Исламское государство”. В любом случае на “новом” Ближнем Востоке позиции Запада больше не будут прежними. Вмешиваясь в дела арабских стран, навязывая свою систему ценностей и модель развития, США и европейские государства сами способствовали снижению привлекательности западных идеологий.

Оценивая позицию Брюсселя в связи с “арабской весной”, можно отметить, что изначально ЕС пренебрёг основами своей стратегической культуры, общеевропейские интересы уступили место амбициям отдельных государств-членов, когда, например, они начали военную кампанию в Ливии, строили свою политику в отношении режима Б. Асада в Сирии [Пьерини, 2017]. Очевидно, что Евросоюз в большей степени остаётся экономическим объединением. Не случайно, его членам относительно быстро удалось договориться и начать реализацию проектов помощи государствам, пострадавшим в ходе “арабской весны”, нацеленных на их социально-экономическое и политическое развитие. Однако в условиях ухудшения ситуации на Ближнем Востоке ЕС пересмотрел свою роль в качестве “трансформационной силы”. Хотя Брюссель не отказывается от экспорта либеральных ценностей и демократии, но региональные события заставили его признать ограниченность такого подхода, не учитывающего особенности арабских государств и потенциальные последствия для Европы. Поэтому приоритетом политики ЕС стала стабилизация, а поддержка демократизации должна осуществляться только в тех странах, которые выражают готовность реформироваться [European External Action Service, 2016].

Что касается Соединённых Штатов, то курс, проводимый администрацией Обамы, вполне соответствовал американской стратегической культуре и отвечал внутренним интересам США. По сути, президент не отказался ни от идеи американской исключительности, ни от лидерства США в мире, ни от применения военной силы¹. В условиях “разворота в Азию”, внутриполитических и экономических проблем в

¹ При Б. Обаме велись воздушные миссии или операции спецназа в Ираке и Сирии, Ливии и Йемене, вывод войск из Афганистана был отменён.

США, возрастающей активности в Леванте администрация Обамы пыталась сбросить на европейцев проблемы Магриба и выражала недовольство, когда те оказались не в состоянии их разрешить [Pollack, 2016: 5]. Вашингтон, руководствуясь идеей “лидерства из-за спины”, стремился облегчить обеспечение глобальной и региональной безопасности и сократить расходы. Вместе с тем, Соединённые Штаты также не отказались и от идеи смены режимов и демократизации, о чём свидетельствует текст стратегии национальной безопасности: “Мы продолжим продвигать реформы в авторитарных странах, в которых не происходит полноценный демократический транзит” [Громыко, 2015: 4].

В любом случае “арабская весна” показала, что европейцы и особенно американцы должны проводить свою внешнюю политику, исходя не только лишь из своих стратегических культур, но также учитывая особенности других обществ и государств, иначе они обречены сталкиваться с негативными последствиями своей политики, будь то миграционные кризисы, террористические атаки или иные антизападные действия.

Список литературы

- Арбатова, Н.К. (2003) Новая стратегия безопасности ЕС: (Российский взгляд на “документ Соланы”). *Современная Европа*. № 4. С. 60–67.
- Бископ, С. (2009) Основы обновлённой Европейской стратегии безопасности. *Аналитические материалы*. №2. С. 105–120.
- Громыко, Ал.А. (2015) О стратегическом мышлении. *Аналитическая записка*. ИЕ РАН. №30.
- Данилов, Д.И. (2013) ЕС на пути к европейской обороне. *Российский совет по международным делам*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1295#top (дата обращения: 8.05.2016).
- Иванов, О. (2007) Американская стратегическая культура и война в Ираке. *Обозреватель-Observer*. №5. С. 109–118.
- Лукьянов, Ф. (2015) Расставание с будущим. *Россия в глобальной политике*. URL: <http://globalaffairs.ru/redcol/Rasstavanie-s-buduschim-17757> (дата обращения: 15.05.2016).
- Мацепуро, Д. М. (2012) Трансатлантические отношения: в поисках сбалансированного сотрудничества / Д. М. Мацепуро, А. В. Жидков // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4/2. С. 256–260.
- Милаева, О.В., Сиушкин, А.Е. (2012) Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002–2010 гг.). *Общественные науки. Политика и право*. №3. С. 19–28.
- Мирский, Г.И. (2007) Большой Ближний и Средний Восток. Круглый стол в Институте Африки РАН. *Азия и Африка сегодня*. №12.
- Наумкин В.В. (2015) Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма. *Российский совет по международным делам*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=636#top-content (дата обращения: 20.05.2016).
- Пьерини, М. (2017) Есть ли у ЕС роль в сирийском конфликте? *Московский центр Карнеги*.
- Трофимова, О.Е. (2011) Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМО РАН.
- Хаас, Р. (2006) Новый Ближний Восток. *Россия в глобальной политике*. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7755 (дата обращения: 7.05.2016).
- Шумилин, А.И. (2015) Политика США на Ближнем Востоке в контексте “арабской весны”. М.
- References**
- Arbatova, N.K. (2003) Novaya strategiya bezopasnosti ES: (Rossijskij vzglyad na “dokument Solany”). *Sovremennaya Evropa*. № 4. S. 60–67.
- Biskop, S. (2009) Osnovy obnovlennoj Evropejskoj strategii bezopasnosti. *Analiticheskie materialy*. №2. S. 105–120.
- Danilov, D.I. (2013) ES na puti k evropejskoj oborone. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1295#top (data obrashcheniya: 8.05.2016).
- Gromyko, Al.A. (2015) O strategicheskem myshlenii. *Analiticheskaya zapiska*. IE RAN. №30.

- Ivanov, O. (2007) Amerikanskaya strategicheskaya kul'tura i vojna v Irake. *Obozrevatel'-Observer*. №5. S. 109–118.
- Luk'yanov, F. (2015) Rasstavanie s budushchim // Rossiya v global'noj politike. URL: <http://globalaffairs.ru/redcol/Rasstavanie-s-buduschim-17757> (data obrashcheniya: 15.05.2016).
- Macepuro, D. M. (2012) Transatlanticheskie otnosheniya: v poiskah sbalansirovannogo sotrudnichestva / D. M. Macepuro, A. V. ZHidkov // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4/2. S. 256–260.
- Milaeva, O.V., Siushkin, A.E. (2012) Sravnitel'nyj analiz strategicheskoy kul'tury SSHA i Evrosoyuza (na materialah strategij bezopasnosti 2002–2010 gg.). *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*. №3. S. 19–28.
- Mirskij, G.I. (2007) Bol'shoj Blizhnij i Srednjij Vostok. Kruglyj stol v Institute Afriki RAN. *Aziya i Afrika segodnya*. №12.
- Naumkin V.V. (2015) Krizis na Blizhnem Vostoke: vneshee vmeshatel'stvo i razgul ehkstremizma. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6362#top-content (data obrashcheniya: 20.05.2016).
- Trofimova, O.E. (2011) EHvolyuciya sredizemnomorskoy politiki Evrosoyuza: put' ot sotrudnichestva k integraci. M.: IMEMO RAN.
- Haas, R. (2006) Novyj Blizhnij Vostok. Rossiya v global'noj politike. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7755 (data obrashcheniya: 7.05.2016).
- Archick, K. (2005) European Views and Policies Toward the Middle East. *Congressional Research Service*. P. 1–29.
- Biava, A., Drent, M., Herd, G.P. (2011) Characterizing the European Union's Strategic Culture: An Analytical Framework. *Journal of Common Market Studies*. P. 1–22.
- European Council, A Secure Europe in a Better World: European Security Strategy (2003).
- European External Action Service, Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016).
- Gray, S. C. (1981) National Style in Strategy: The American Example. *International Security*. Vol. 6, № 2. P. 21–47.
- Kagan, R. (2003) Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. NY: Alfred A. Knopf.
- Meyer, O. C. (2004) Theorising European strategic culture: Between convergence and the persistence of national diversity. *Centre for European Policy Studies*. P. 1–24.
- Norheim-Martinsen, p. M. (2011) EU Strategic Culture: When the Means Becomes the End. *Contemporary Security Policy*. P. 524–541.
- Pollack, K. (2016) Security and Public Order. The Atlantic Council, Brookings.
- P'erini, M. (2017) Est' li u ES rol' v sirijskom konflikte? Moskovskij centr Karnegi.
- SHumilin, A.I. (2015) Politika SSHA na Blizhnem Vostoke v kontekste "arabskoj vesny". M.
- Snyder, J.L. (1977) The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Strategic cultures in the US and the EU's Mediterranean policies

Author. Oganisyan L., Postgraduate student, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University. **Address:** 1 Leninskije Gory, Moscow 119991, Russia. **E-mail:** lidaoganisyan@gmail.com

Abstract. The article examines the US and the EU strategic cultures, which have significant influence on the formation of their foreign policy. Based on the characteristics of these actors' strategic cultures, the author looks into the American and European policy in the Middle East and North Africa. On the one hand, the events in the Arab world have shown that their methods of resolving problems, conflicts and crises are often different. One of the reasons for that is the difference in American and European strategic cultures. On the other hand, the current situation allows to draw a conclusion that the approaches of Washington and Brussels to the region have made a considerable negative contribution to the destabilization of the Middle East and North Africa, which in recent years has been a major source of threats to the entire international community.

Keywords: EU, USA, Middle East, strategic culture, "Arab spring".

УДК 341.232.7

Павел СПИРИДОНОВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье оценивается актуальное состояние внешней культурной деятельности ЕС. С этой целью анализируется её эволюция, место в системе разделения предметов ведения ЕС и его членов, институциональная основа. В “лиссабонской редакции” учредительных договоров Союза, усилившей внешнеполитические компетенции ЕС, культурное сотрудничество с третьими странами по-прежнему рассматривается в качестве “внешнего аспекта” компетенции ЕС в сфере культуры. Союз до сих пор не располагает специализированным органом, ответственным за внешние культурные связи. В 1990-е гг. культурные программы первого поколения частично вышли за рамки объединения; тогда же культурный компонент появился во внешних региональных программах ЕС. С тех пор внешняя культурная деятельность оставалась на пересечении компетенций ЕС в сфере культуры, внешней политики и поддержки в развитии. В настоящий момент существование внешней культурной деятельности ЕС – неоспоримый факт, а формирование общей политики находится в активной фазе. Вслед за концептуальным осмыслением разработки стратегического подхода ЕС к международным культурным отношениям завершается первая стадия его имплементации.

Ключевые слова: ЕС, культура, международное сотрудничество, внешняя политика, поддержка в развитии.

Становление ЕС как единого игрока на международной арене, с одной стороны, и повышение роли культуры в трансформации всемирного социума – с другой, обуславливает необходимость определения состояния и статуса деятельности Союза по развитию отношений с третьими странами в области культуры. Не будучи частью исходного базиса Сообщества, культура с развитием объединения стала элементом интеграционной стратегии ЕС, а культурная политика оформилась в субсидиарную компетенцию Союза [Европейская..., 2011: 386]. Её формулирование обеспечивает профильная структура Европейской комиссии – Генеральный директорат по образованию и культуре ЕАС, а реализацию – Исполнительное агентство по образованию, культуре и аудиовизуальным средствам ЕАСЕА. Что касается внешней культурной политики ЕС, то её содержание и существование в качестве обособленной сферы деятельности ЕС вызывает много вопросов.

Договор о функционировании ЕС, осуществляя разграничение предметов ведения между объединением и его членами, в рамках “внутренней” компетенции Союза в области культуры предусматривает, среди прочего, содействие сотрудничеству с

третьями странами. При этом, часть пятая “Внешняя деятельность Союза” непосредственно не затрагивает вопросов культурного сотрудничества [Consolidated version of TFEU, 2012]. Договор о ЕС, в свою очередь, фиксирует исходные принципы и цели объединения во всех областях международных отношений, указывая на их применимость равно к Общей внешней политике и политике безопасности, направлениям внешней активности Союза, регулируемым частью пятой Договора о функционировании ЕС, и “внешним аспектам других направлений деятельности Союза” [Consolidated version of TEU, 2012: 28–29]. Таким образом, основополагающие договоры не придают внешней культурной политике самостоятельного значения. Не будучи эксплицитно исключёнными из внешнеполитической деятельности, культурные связи с третьими странами рассматриваются в качестве “внешних аспектов” культурной политики Союза, которые (аспекты) должны при этом соответствовать общим принципам и целям внешней деятельности ЕС.

Подобное положение представляется закономерным, учитывая, что содержательно внешняя культурная деятельность развивалась как элемент культурной политики и внешней активности ЕС. Первая довольно поздно оформилась в компетенцию ЕС. Более 20 лет прошло с начала совместных обсуждений вопросов культуры руководителями стран–членов ЕЭС в конце 1960-х гг., прежде чем культурная политика получила официальный юридический статус. Ещё шесть лет понадобилось, чтобы в системном варианте сформулировать её принципы [Водопьянова, 2008: 116–117]. В 1990-е гг. культурные программы первого поколения (“Калейдоскоп”, “Ариан” и “Рафаэль”), будучи ориентированными на организацию культурного сотрудничества внутри Сообщества, географически вышли за рамки объединения, допустив участие операторов из третьих стран, имевших договоры о сотрудничестве или ассоциации с объединением (стран Центральной и Восточной Европы, Мальты и Кипра), стран–членов европейской экономической зоны. “Рафаэль” также предусматривал возможность сотрудничества с некоторыми странами Латинской Америки и новыми независимыми государствами на пространстве бывшего СССР, более того, развитие сотрудничества с третьими странами было одной из задач программы.

Принцип ограниченного и обусловленного участия третьих стран был воспринят в последующих культурных программах ЕС (“Культура 2000”, “Культура”). Актуальная программа “Креативная Европа” (2014–2020) открыта для обусловленного участия присоединяющихся стран, официальных и потенциальных кандидатов, стран–членов Европейской ассоциации свободной торговли и стран политики европейского соседства. К концу 2015 г. 11 европейских государств выполнили условия, предъявляемые к не являющимся членами ЕС странам, претендующим на полное или частичное участие в программе [Eligibility..., 2015]. Кроме того, программа допускает культурное сотрудничество с другими странами на основе совместного вклада в реализацию целей программы.

В 1990-е гг. формируется и культурное измерение внешней деятельности Сообщества. Последняя к тому моменту была частично опосредована системой двусторонних соглашений Сообщества с третьими странами об ассоциации, партнёрстве и сотрудничестве и в известной степени регионально структурирована многосторонними соглашениями (Ломейские конвенции со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ), Соглашение о сотрудничестве со странами АСЕАН 1980 г.), при этом процесс находился в стадии развития [Franck, 2007]. На этом фоне положения о культурном сотрудничестве стали частью новых региональных стратегий Сообщества и последующих соглашений (Барселонская декларация 1995 г., учредившая Евро-средиземноморское партнёрство, рамочное межрегиональное соглашение 1995 г. о сотрудничестве со странами Общего рынка Юж-

ной Америки, Бангкокское соглашение 1996 г. с десятью азиатскими странами, Котонское соглашение 2000 г. с АКТ) [Европейская..., 2011].

Тогда же к Европейскому фонду развития (ЕФР), через который финансировалось (и продолжает финансироваться) сотрудничество с АКТ, прибавились новые региональные финансовые инструменты в бюджете Сообщества – программа технической поддержки стран СНГ TACIS (1991–2006) и программа поддержки экономических и социальных реформ в рамках Евро-средиземноморского партнёрства MEDA (1995–2006). Программой TACIS были поддержаны, среди прочих, проекты по развитию культурной инфраструктуры. В рамках MEDA впервые запущены культурные программы EUROMED HERITAGE (1998–2013) и EUROMED AUDIOVISUAL (2000–2014).

“Усталость от расширения”, с одной стороны, и желание перезапустить барселонский процесс, – с другой, в 2003 г. привели к запуску общей в отношении шести стран постсоветского пространства и десяти государств Средиземноморья Европейской политики соседства [Европейский..., 2012]. Механизм её реализации, Инструмент европейского соседства и партнёрства (2007–2013), заменил TACIS и MEDA. На период 2007–2013 гг. были также введены Инструмент сотрудничества в целях поддержки развития DCI и Инструмент сотрудничества с индустриальными странами. При выраженной региональной организации на уровне глобальных инструментов финансирование внешней активности ЕС в 2007 г. определялось 35 регламентами и осуществлялось по примерно 90 бюджетным линиям [Helly, 2012: 19].

Последнее поколение внешних инструментов ЕС (2014–2020), в целом повторяя региональную схему предыдущего (Инструмент европейского соседства ENI, DCI, Инструмент партнёрства PI, действующий в отношении стратегических партнёров Союза), также скрывает под собой множество программ, тематических и региональных, в том числе, имеющих культурный компонент или непосредственно ориентированных на обеспечение культурного сотрудничества (программа ЕС и Восточного партнёрства “Культура и креативность” (2015–2017); развитие публичной дипломатии, включая культурную, заявлено как одна из целей PI).

В институциональном плане ЕС не располагает специализированным органом или подразделением, ответственным за внешние культурные связи в совокупности. В процесс регулирования и реализации культурного сотрудничества с третьими странами так или иначе вовлечены различные институты и органы Союза: Европарламент и Совет – в рамках нормотворчества, профильные генеральные дирекtorаты Еврокомиссии по образованию и культуре ЕАС, международному сотрудничеству и развитию DEVCO, политике расширения и соседства NEAR. Если для ЕАС, деятельность которого ограничивается внутренним пространством ЕС и “стабильными соседними странами”, межкультурное сотрудничество является приоритетом, то для DEVCO и NEAR культура имеет значение лишь как часть общей стратегии искоренения бедности и создания стабильного внешнего окружения соответственно [Lisack, 2014: 16]. На исполнительском уровне в реализацию внешней культурной деятельности включены также агентство EACEA и Служба инструментов внешней политики FPI.

Дефицит внешней культурной деятельности был осознан ещё во второй половине 2000-х гг. Результатом длительных консультаций на протяжении 2006 г. стало Коммюнике Еврокомиссии 2007 г. “Европейская культурная повестка в эпоху глобализации”. Впоследствии утвержденный резолюцией Совета документ назвал продвижение культуры во внешних сношениях в числе трёх стратегических целей европейской культурной повестки [Resolution № 2007/C 287/01, 2007: 2]. Повестка продемонстрировала одновременно и растущее внимание к внешней культурной

деятельности, и амбивалентность её положения: с одной стороны, указанная деятельность рассматривается в духе основополагающих договоров — как часть культурной политики, основные ориентиры которой зафиксировал документ, с другой — она должна стать жизненно важным элементом внешней политики ЕС, стоящей на пороге перемен.

Подписанный 13 декабря 2007 г. Лиссабонский договор укрепил компетенции Союза в области внешней политики, но не стал шагом в развитии внешней культурной политики ЕС. Договор, в частности, предусмотрел создание Европейской службы внешнеполитической деятельности EEAS в подчинении Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности [Treaty of Lisbon, 2007]. С 2011 г. единая европейская дипломатическая служба реализует функции в области внешней политики, обороны и безопасности, прежде разделённые между Генеральным директоратом внешних сношений Еврокомиссии и Генеральным директоратом Совета ЕС. Базовый документ о принципах организации и деятельности EEAS, однако, не специфицировал задачи и функции службы в области международных культурных связей с третьими странами и не предусмотрел особого должностного лица или профильного подразделения в указанной сфере [Council Decision..., 2010].

На этот недостаток в 2011 г. указал Европарламент. Резолюция 2010/2161(INI) “О культурном измерении внешних сношений ЕС” предложила ввести в штат EEAS должности культурного профиля, создать специализированный координационный отдел, произвести обучение и повышение квалификации сотрудников EEAS по вопросам культуры и информационных технологий. Кроме того, Резолюция призвала EEAS и Комиссию координировать расширение культурного измерения внешней политики ЕС, настойчиво и систематически включать культурные аспекты в международные отношения, а также указала на “фрагментированность внешних культурных программ и проектов, препятствующую стратегическому и эффективному использованию культурных ресурсов ЕС” [Resolution № 2010/2161(INI), 2012: 139–140].

С 2011 г. частью EEAS стали представительства ЕС, бывшие представительства Еврокомиссии, в третьих странах. При этом, они продолжают поддерживать связи с Комиссией и получать от неё инструкции [Council Decision..., 2010: 34]. Тем самым, представительства обеспечивают местную поддержку генеральным директоратам, в том числе EAC, DEVCO и NEAR, и реализацию их компетенций в третьих странах. Через представительства EEAS оценивает возможность участия стран в программах ЕС и в соответствующих случаях содействует такому участию [Lisack, 2014: 16–17]. Именно от вовлечённости работников представительства обычно зависит уровень участия ЕС в культурных инициативах в конкретной стране [Galeazzi, Helly, 2016: 2]. По состоянию на 2012 г. многие представительства имели в штате специальных сотрудников, в ведении которых находилась реализация культурных проектов, но не на условиях полного рабочего времени и не всегда располагающих необходимой квалификацией [Helly, 2012: 26].

Кроме того, в 2006 г. в Брюсселе было создано объединение институтов культуры стран ЕС, действующих за пределами своих государств – EUNIC. EUNIC насчитывает 34 члена и имеет более 80 национальных кластеров по всему миру. Национальные кластеры организованы по тому же принципу, что головной уровень EUNIC: они объединяют на добровольной основе институты культурного присутствия стран ЕС, работающие в конкретной стране [About..., 2016]. Ни место дислокации головного объединения, ни состав его членов не должны вводить в заблуждение, EUNIC не относится к системе органов Союза, но выступает в качестве его партнёра.

При этом, отношения между ЕС и EUNIC характеризуются сочетанием сотрудничества и конкуренции [Helly, 2012: 11]. В этой связи, создание EUNIC как параллельной органам Союза структуры является, на наш взгляд, дополнительным индикатором дефицита собственной культурной деятельности Союза в третьих странах.

Упомянутая Резолюция 2010/2161(INI) также определила необходимость разработки общей стратегии культуры в отношениях ЕС с третьими странами [Resolution № 2010/2161(INI), 2012]. С этой целью под руководством Еврокомиссии и в сотрудничестве с EUNIC была запущена подготовительная программа “Культура во внешних сношениях ЕС” (2011–2014), центральное место в которой заняло одноименное исследование, охватившее 54 страны (включая 28 государств–членов ЕС). Итоговый отчёт исследования, раскрывающий потенциал внедрения культуры в международные отношения ЕС, был представлен в апреле 2014 г., основные выводы программы в марте 2015 г. – на совместном заседании комиссий Европарламента по культуре и образованию и по иностранным делам в присутствии представителей Еврокомиссии и EEAS [Preparatory action..., 2016].

Об ускорении процесса развития внешней культурной политики в 2015 г. свидетельствует целый ряд фактов. В развитие программы “Культура во внешних сношениях ЕС” опубликовано заказанное службой FPI исследование о восприятии ЕС в десяти странах. В рамках председательства Люксембурга в ЕС создана неформальная группа специалистов и организована конференция экспертов по вопросам “Культуры и развития”. Вслед за ней Совет принял “Заключение по культуре во внешних сношениях ЕС с фокусом на роль культуры в сотрудничестве в целях развития”. В директорате DEVCO культура стала неформальным “позитивным приоритетом” после пребывания на протяжении нескольких лет в ранге негативного, директорат заказал исследование возможностей поддержки культуры в рамках тематической программы “Глобальные общественные блага и вызовы” (инструмент DCI). В начале 2016 г. запущена платформа “Культурная дипломатия” (двуухлетний проект Еврокомиссии и консорциума во главе с Институтом Гёте, финансируемый через РИ). Наконец, в июне 2016 г. представлено совместное коммюнике Еврокомиссии и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности “Стратегия международных культурных связей” [Galeazzi, Helly, 2016: 3–4].

Документ предлагает три столпа стратегии: принципы деятельности ЕС в сфере международных культурных отношений, основные направления деятельности по развитию культурного сотрудничества с третьими странами и стратегический подход к культурной дипломатии, основанный на продвинутом сотрудничестве между институтами ЕС, государствами–членами, национальными культурными институтами, частными и государственными учреждениями культуры. При том, что один из принципов предполагает развитие культурного сотрудничества в рамках существующей схемы инструментов и программ ЕС, речь идёт не только о программе “Креативная Европа”, инструментах ENI, РИ и DCI, ЕФР, но и о европейском инструменте содействия демократии и правам человека, инструменте поддержания стабильности и мира, программе “Горизонт 2020” и др. Стратегия предусматривает более полную интеграцию культуры во внешнюю деятельность, предполагая продвижение культуры как мотора устойчивого экономического и социального развития, как средства поддержания мира и предотвращения насилия, принимает во внимание культурный потенциал международного научного и образовательного сотрудничества [Joint..., 2016].

Стратегия – первый совместный документ EEAS и Комиссии в рассматриваемой сфере. Её принятие – серьёзный шаг в развитии внешней культурной политики ЕС – свидетельствует (наряду с учреждением в 2014 г. поста старшего советника по культуре в кабинете генерального секретаря EEAS) о том, что EEAS приняла не

только эстафету от Комиссии и парламента, но, возможно, и роль мотора в продвижении культуры во внешней деятельности ЕС, что соответствует духу Лиссабона и должно “обеспечить цельность внешней деятельности Союза” на основе эффективного комплексного использования всех доступных ресурсов и инструментов [Европейский..., 2012: 260].

Совместные усилия EEAS и Комиссии были отмечены на заседании Совета 23 мая 2017 г. В принятом в развитие и со ссылкой на стратегию заключении Совет в качестве следующего шага рекомендовал активировать Группу друзей председательства. Эта специализированная рабочая группа Совета при поддержке EEAS и Комиссии должна продолжить осмысление стратегических целей, принципов и приоритетов ЕС в международных культурных отношениях, определить сферы эффективного приложения совместных усилий Союза для включения в интегрированную пошаговую дорожную карту. Странам-членам, Комиссии и EEAS предложено на основе обмена и анализа передового опыта наметить пилотные проекты в третьих странах [Council conclusions..., 2017].

Таким образом, в настоящий момент общая внешняя культурная политика ЕС остаётся результатом институциональной конвергенции и пересечения компетенций ЕС в сфере культуры, внешней политики и поддержки в развитии. Тот факт, что первые две строятся на межгосударственной основе, налагает ограничения на перспективы становления внешней культурной политики. При сохранении слабых сторон на концептуальном, институциональном и оперативном уровне, её формирование – процесс в развитии, темпы которого заметно ускорились в последние годы. За прошедшее десятилетие пройдены этапы фиксации проблемы в официальном дискурсе и подготовительной научной экспертизы, подходит к концу первая имплементационная фаза.

Список литературы

- Водопьянова Е.В. Культурная политика Европейского Союза и вызовы времени. *Современная Европа*. 2008. № 4(36).
- Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
- Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012.
- About the European Union National Institutes for Culture. URL: <http://www.eunic-online.eu/?q=content/who-we-are> (дата обращения: 02.03.2016).
- Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. № C 326.
- Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ. 26.10.2012. № C. 326.
- Council conclusions on an EU strategic approach to international cultural relations. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7935-2017-INIT/en/pdf> (дата обращения: 14.06.2017).
- Council Decision № 2010/427/EU establishing the organisation and functioning of the European External Action Service of 26.07.2010 // OJ. 03.08.2010. № L 201.
- Eligibility of organisations from non-EU countries. Version of 01.12.2015. URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/01122015-eligible-countries_en.pdf (дата обращения: 20.02.2016).
- Franck C. L'émergence d'un acteur global: expansion géographique et renforcement institutionnel de l'action extérieure de l'Union européenne // Politique européenne. 2007. № 22.
- Galeazzi G., Helly D. Culture in EU development policies and external action // ECDPM Briefing note. 2016. № 92.
- Helly D. More Cultural Europe in the World. Brussels: More Europe, 2012.
- Joint Communication to the European Parliament and the Council: Towards an EU strategy for international cultural relations. Brussels. 8.06.2016.
- Lisack G. European external cultural relations: Paving new ways? Brussels: More Europe, 2014.
- Preparatory Action on Culture in the EU's External Relations. URL: <http://cultureinexternalrelations.eu> (дата обращения: 20.02.2016).
- Resolution № 2007/C 287/01 of the Council on a European Agenda for Culture of 16.11.2007 // OJ. 29.11. 2007. № C 287.

Resolution № 2010/2161(INI) of the European Parliament on the cultural dimensions of the EU's external actions of 12.05. 2011 // OJ. 07.12.2012. № C 377 E.

Treaty of Lisbon of 13.12.2007 // OJ. 17.12.2007. № C 306.

References

- Butorina, O.V. (ed.) (2011), *Europejskaya integraciya: uchebnik [European integration: textbook]*, Drevlaya literatura, Moscow, Russia.
- Consolidated version of the Treaty on European Union (2012), *Official Journal of the European Union*, no. C 326, 26 October, pp. 13-45.
- Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (2012), *OJ*, no. C 326, 26 October, pp. 47-199.
- Council Decision № 2010/427/EU establishing the organisation and functioning of the European External Action Service of 26.07.2010 (2010). *OJ*, no. L 201, 3 August, pp. 30-40.
- Franck, C. (2007). "L'émergence d'un acteur global: expansion géographique et renforcement institutionnel de l'action extérieure de l'Union européenne", *Politique européenne*, no. 22, pp. 15-33.
- Galeazzi, G. and Helly, D. (2016), "Culture in EU development policies and external action", ECDPM Briefing note, no. 92, pp. 1-16.
- Helly, D. (2012). More Cultural Europe in the World. More Europe, Brussels, Belgium.
- Joint Communication to the European Parliament and the Council: Towards an EU strategy for international cultural relations (2016). Brussels. 8 June.
- Lisack, G. (2014). European external cultural relations: Paving new ways? More Europe, Brussels, Belgium.
- Potemkina, O.Yu., Kaveshnikov N.Yu. and Kondrateva N.B. (ed.) (2012). *Europevskiy Sovuz v XXI veke: vremya ispytanii [The European Union in the 21st century: a time of trials]*. Ves Mir, Moscow, Russia.
- Preparatory Action on Culture in the EU's External Relations (2016), "About", available at: <http://cultureinexternalrelations.eu> (Accessed 20 Feb. 2016).
- Resolution № 2007/C 287/01 of the Council on a European Agenda for Culture of 16.11.2007 (2007), *OJ*, no. C 287, 29 November, pp. 1-4.
- Resolution № 2010/2161(INI) of the European Parliament on the Cultural Dimensions of the EU's External Actions of 12.05.2011 (2012). *OJ*, no. C 377 E. 7 December, pp. 135-141.
- The official website of the Education, Audiovisual and Culture Executive Agency (2015). "Eligibility of organisations from non-EU countries. Version of 01.12.2015". available at: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/01122015-eligible-countries_en.pdf (Accessed 20 Feb. 2016).
- The official website of the Council of the EU and the European Council (2017). "Council conclusions on an EU strategic approach to international cultural relations". available at: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7935-2017-INIT/en/pdf> (Accessed 14 Jun. 2017).
- The official website of the European Union National Institutes for Culture (2016), "About us", available at: <http://www.eunic-online.eu/?q=content/who-we-are> (Accessed 2 Mar. 2016).
- Treaty of Lisbon of 13.12.2007 (2007). *OJ*, no. C 306, 17 December, pp. 1-146.
- Vodopianova, E.V. (2008). "The European Union cultural policy and modern challenges", *Contemporary Europe*, no. 4 (36), pp. 112-123.

THE EUROPEAN UNION: TOWARDS COMMON EXTERNAL CULTURAL POLICY

Author. Spiridonov P., graduate student, Penza State University. **Address:** 40, Krasnaya street, Penza, Russia, 440026. **E-mail:** pavelspiridonofficial@gmail.com

Abstract. The article analyzes the current state of the EU's external cultural policy. Its place in the system of the Union's competences as well as in the institutional structure is evaluated, followed by the evaluation of the EU's external cultural action. Under the Treaties of the European Union in their Lisbon version, which has significantly strengthened EU's external competences, cultural cooperation with third countries is still considered to be an external aspect of EU policy in the sphere of culture. There is no single EU body in charge of external cultural relations. In the 1990s the first generation of Community programmes in the sphere of culture went beyond the EEC boundaries. At the same time cultural policy entered some external regional programmes. Since then the EU's external cultural action has stayed at the cross-road of cultural, foreign and development policies. However, it is a work in progress. In 2007 the process aimed to enhance the role of culture in the EU's external relations was pushed forward by the Commission and the Council and in the last few years it has accelerated dramatically. After the conceptual stage it is the first implementation phase that is coming to an end with the elaboration of the EU strategic approach to international cultural relations.

Keywords: EU, culture, international relations, external action, development cooperation.

СФЕРА ЭКОНОМИКИ

УДК 330.3, 327.8

Екатерина ЭНТИНА,
Наталья КОНОВАЛОВА

ПЕРЕХОДНЫЕ ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ “ГРЕЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ” (на примере Черногории)

Аннотация. В статье раскрывается суть политэкономического феномена “греческой болезни” как рамочного для анализа экономических и политических процессов в переходных обществах. Авторы статьи обосновывают точку зрения, что если переживающему переходный период государству предоставлены экономические и политические ресурсы без создания условий для их эффективного использования, включая соответствующие механизмы, то такое государство подвергается угрозе дестабилизации. На основе анализа послевоенной истории Греции сформулированы экономические и политические критерии для определения эффективности использования поступающих ресурсов. Авторы показывают, что из-за зависимости экономического роста от потребления, слабости производственного сектора, а также нерационального распределения внешних заимствований, греческое государство оказалось неспособно преодолеть кризис самостоятельно. Особое внимание в статье уделено принятию Греции в НАТО и ЕЭС по стратегическим соображениям, что не способствовало укоренению в стране демократических порядков и основ рыночной экономики. Выявленные закономерности применимы для анализа ситуации не только в Греции, но и в Черногории – другой балканской стране, которая сопоставима с Грецией по ряду значимых показателей. Парадигма “греческой болезни” легла в основу прогноза будущего экономического и политического развития Черногории, в том числе корректировки её внешнеполитической ориентации.

Ключевые слова: “греческая болезнь”, переходные общества, НАТО, Европейский Союз, Греция, Черногория.

В экономической литературе подробно описан феномен “голландской болезни”. Суть этого явления заключается в том, что богатые природными ресурсами экономики при непродуманной политике экспорта и в отсутствие макроэкономического позиционирования сталкиваются с такими трудностями, как ухудшение качества институтов, высокий уровень коррупции, ослабление производственного сектора и др.

В свою очередь, наблюдение за политическими и экономическими процессами в Греции в послевоенный период позволяет констатировать наличие “греческой

© Энтина Екатерина Геннадьевна – к.п.н., доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Москва, Моховая ул., 11-3. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Коновалова Наталья Александровна – младший научный сотрудник ИНИОН РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2. **E-mail:** konovalova.n.a@my.mgimo.ru

болезни”. Нами она квалифицируется, скорее, как политэкономический, нежели чисто макроэкономический феномен. В частности, мы усматриваем зависимость между тем, что государство, переживающее переходный период и не имеющее надлежащего институционального климата, становясь реципиентом финансовых вливаний и политических бонусов, сталкивается в будущем с экономической и/или внутриполитической нестабильностью. В случае Греции промежуточным звеном между тем и другим стало воспроизведение модели экономического роста, базирующейся на внутреннем потреблении в отсутствие значимого экспортно-ориентированного производства, что привело к росту внешнего долга и дефицита платёжного баланса.

На основе анализа ситуация в Греции можно попытаться определить критерии возникающего в описанной выше ситуации дисбаланса поступающей извне помощи и возможности её эффективного использования в переходном обществе. В финансово-экономической сфере, на наш взгляд, эти индикаторы таковы: объём внешнего долга относительно ВВП; соотношение ПИИ в реальный сектор экономики и спекулятивных вливаний; степень сбалансированности структуры экономики; состояние платёжного баланса; появление “пузырей” в различных отраслях экономики. Что касается показателей неустойчивости в политической сфере, то можно выделить, во-первых, принятие государства в привилегированные международные объединения, несмотря на его несоответствие критериям членства; во-вторых, поддержка политического режима данного государства внешними игроками, несмотря на его неустойчивость. Создаётся ситуация, при которой государство начинает всё больше полагаться на внешние ресурсы, а не на собственный потенциал развития, вследствие чего нарастает его зависимость от иностранных экономических и политических субъектов.

При подобных предпосылках в переходном обществе могут развиваться некоторые неблагоприятные тенденции. Например, государство оказывается уязвимо перед лицом экономических шоков, преодолеть которые при значительных дисбалансах национальной экономики возможно лишь путём усиления зависимости от внешних игроков. Эффективность распределения государственных средств неуклонно снижается, а структурная перестройка экономики тормозится, как и при симптомах “голландской болезни” [Прудникова, 2009]. Ресурсная рента, как и непомерные экономические вливания, могут “ослеплять” правительства, подталкивают к тому, чтобы направлять ресурсы на сохранение статус-кво, вместо того чтобы инициировать перемены [Ross, 1999]. Как следствие, механизм принятия решений становится менее транспарентным, распространяется коррупция, что влечёт за собой нарастание политической нестабильности в стране. Всё это может иметь пагубные последствия именно для переходных обществ, поскольку традиция политического участия в них не столь укоренена и откат к авторитарным методам управления более вероятен. В дополнение к этому, осуществление структурных реформ требует политической воли, а политики, пришедшие к власти на фоне слома прежних порядков, нередко в гораздо большей степени озабочены переделом собственности и укреплением собственной власти, чем проведением реформ. Таким образом, переходные общества оказываются более подвержены риску деградации институтов.

Не стоит упускать из виду и материальный аспект преобразований: именно обществам, осуществляющим переход к другой социально-экономической и политической модели, требуется финансовая и техническая помощь внешних игроков, равно как и их политическая протекция. Иными словами, стоящие на пороге радикальных трансформаций государства нуждаются не только в займах и инвестициях,

но и в повышении своего статуса за счёт присоединения к престижным международным объединениям, а также в помощи в институциональном строительстве, которое бы обеспечивало эффективный контроль над характером потребления. Следовательно, финансовые вливания при слабости институтов и преждевременное членство в международных "клубах" представляют опасность именно для переходных обществ.

Выявленные закономерности находят подтверждение в исследованиях зарубежных и отечественных специалистов. Например, высказывается мнение о том, что в Греции сформировалась уникальная экономическая модель, основной чертой которой является рост при отсутствии развития [Pedaliu, 2016]. Иными словами, даже демонстрируя рост по основным показателям за счёт притока иностранных инвестиций и привлечения зарубежных заемов, без структурных трансформаций экономика не развивается. Политическая элита страны предпочитает либо расходовать средства на нужды потребления, либо, при благоприятной конъюнктуре реализовывать краткосрочные задачи по снижению наиболее неэффективных расходов [Квашнин, 2016]. Такая политика ведёт в порочный круг – за ростом задолженности следуют меры жёсткой экономии, которые приводят к рецессии и обнищанию населения [Pedaliu, 2016].

Термин "греческая болезнь" может быть использован для анализа экономических и политических процессов не только в Греции, но и в других переходных обществах, особенно в балканском регионе. Попробуем сопоставить греческий и черногорский опыт проведения реформ в переходный период на фоне нарастания их финансовой зависимости от внешних игроков и присоединения к евроатлантическим структурам.

Экономическое и политическое развитие Греции в послевоенный период

С середины 1940-х годов, после ликвидации фашистской диктатуры и в ходе гражданской войны (1944–1949 гг.) в Греции была восстановлена монархия. В 1947 г. США в соответствии с "доктриной Трумэна" выделили Греции солидную экономическую помощь. В 1952 г. Греция стала членом НАТО. Альянс стремился ограничить советское присутствие в Средиземноморье. То есть страна, переживавшая политическую трансформацию и восстанавливавшая свою экономику, получила финансовую помощь извне, а также присоединилась к мощному военно-политическому объединению.

Негативные последствия подобного положения проявились не сразу. Напротив, благодаря американской поддержке стало возможным "греческое экономическое чудо": наблюдался рост уровня жизни; увеличивалась численность среднего класса; экономика демонстрировала высокие темпы роста, рост ВВП в отдельные годы превышал 9% [GDP Growth...]. Экономический рост достигался в основном за счёт внутреннего потребления, а экспортный потенциал страны оставался скромным. Индустриализация затронула лишь лёгкую промышленность, а роль двигателей экономического развития отводилась финансовому сектору и торговле недвижимостью. Такая траектория экономического развития Греции была выгодна не столько ей самой, сколько экспортным гигантам вроде Германии, приток ликвидности которых во многом генерировался за счёт разрастания дефицита в Греции и подобных ей странах периферии [Schmidt, 2011: 73].

Что касается вступления в НАТО, то оно, вопреки ожиданиям, сняло далеко не все внешние угрозы. Конфликты с Турцией периодически обострялись, едва не обернувшись войной. Вследствие греко-турецкой "вялотекущей гонки вооружений" Греции приходится поддерживать расходы на оборону (в % ВВП) на уровне в

два раза выше, чем в среднем в ЕС [Zotti, 2013]. Некоторые экономисты полагают, что у Греции сейчас не было бы задолженности, если бы эти средства поступали на нужды экономического развития, а не на военные цели [Pedaliu, 2016]. Политическая цена для греков также оказалась высокой. Ещё до прихода к власти военной хунты политический режим в стране далеко не был демократическим, что, однако, мало беспокоило европейские демократии и США. Даже после государственного переворота 1964 г. США и НАТО оказывали поддержку военной хунте, принимая, по видимому, во внимание её нарочито антикоммунистическую риторику.

В экономическом плане “чёрные полковники”, пытаясь создать лояльный режиму социальный слой, не только способствовали укреплению отношений типа “патрон–клиенты”, но и наращивали объём сомнительных финансовых заимствований. Экономическая политика военной хунты не имела бы для Греции таких тяжёлых последствий, если бы не нефтяной шок 1973 г. Как бы то ни было, после падения режима в 1974 г. инфляция в Греции составляла около 30%, и по решению главы Банка Греции Кс. Золотаса с ней стали бороться посредством получения новых займов [Pedaliu, 2016:61]. Перед страной стояли задачи по демократизации и переходу к рыночной экономике для вступления в ЕЭС. Греция снова вступила в переходный период:

Греция была принята в ЕЭС в 1981 г., несмотря на то, что страна очевидно не соответствовала экономическим стандартам объединения. Были национализированы многие банки и проблемные предприятия, управление экономикой становилось всё более централизованным, вход на греческий рынок для зарубежных компаний затруднялся, усилилось влияние профсоюзов, которые срастались с политическими партиями. Помимо этатизма, протекционизма и клиентелизма, греческая экономика страдала и от популизма. Лояльность граждан правительство обеспечивало за счёт увеличения их социальной поддержки, не разрабатывая при этом адекватной системы налогообложения [Pedaliu, 2016].

Уже добившись присоединения Греции к ЕЭС на выгодных для страны условиях, сменяющие друг друга правительства так и не инициировали реформ, которые способствовали бы адаптации Греции к общеевропейским нормам. В результате к началу 1990-х гг. структурное расхождение между греческой и другими европейскими экономиками достигло 6%, к началу 2000-х показатель структурного сближения не превышал 1,14% [Bitros, 2013:12].

В предкризисные годы руководство страны, озабоченное перспективами своего переизбрания, откладывало болезненные реформы. Бюджетные средства расходовались на текущие нужды. Греческие инвесторы предпочитали зарубежные страны (например, соседние Албанию и Македонию) [Зеликсон, 2015]. В условиях деиндустриализации и падающей конкурентоспособности стал расти импорт.

В силу специфики структуры греческой экономики – вклад сектора услуг в ВПП находился на уровне 79,1% – уравновесить стоимость импорта за счёт эксппорта не представлялось возможным [Services...]. В итоге усугубился дефицит платёжного баланса, составивший в 2008 г. около 51,3 млрд долл., то есть порядка 14,5% ВВП [Current account...]. Помимо этого, существенным вызовом для страны стало образование “пузыря” на рынке недвижимости. Конечно, в 2005–2007 гг. во всей еврозоне наблюдался оптимизм по поводу роста цен на недвижимость, выражавшийся в кредитном буме [Zavrl, Klijajic, 2010]. Однако Греция оказалась в менее благоприятной ситуации, чем остальные европейские экономики.

Дело в том, что в периоды бумов, когда темпы прироста задолженности частных лиц повышаются, объёмы государственных заимствований должны снижаться для придания экономике устойчивости. Долг же греческого правительства (в % ВВП),

напротив, к 2008 г. составил 109,4% при общем внешнем долге в 150% [General Government...; Greece External...]. Кроме того, на фоне дисбалансов в экономике, которые не внушали доверия серьёзным инвесторам, финансовые вливания носили в основном спекулятивный характер.

Возникает вопрос, почему в предкризисный период Греция могла игнорировать стандарты ЕС? Во-первых, в ЕС полагали, что Греция по сравнению с масштабом экономики всего объединения в целом “слишком мала, чтобы иметь значение” [Bitros, 2013:7]. Во-вторых, существовало опасение, что повышенное давление Брюсселя на Грецию могло вызвать подъём евроскептицизма и обернуться выходом страны из ЕС. В-третьих, несмотря на все недостатки греческой экономической модели, она до определённого времени способствовала повышению уровня жизни населения. Например, с 1974 г. по 1982 г. благосостояние греков выросло на 58–68%, продолжая повышаться до конца 1980-х гг. [Gottschalk et al., 1997].

Таким образом, вследствие несбалансированных финансовых вливаний и “разбухания” непроизводственных секторов в стране, переживающей переходный период, сокращаются возможности противодействия неблагоприятным тенденциям. Политические авансы создают иллюзию абсолютной защищённости от внутренних и внешних рисков. Внутриполитическое положение в стране всё больше ставится в зависимость от внешних сил. А усилия по стабилизации с их стороны требуют политической воли и объективности при оценке ситуации, которых может не быть по целому ряду причин. Итак, как видно на примере Греции, имеется взаимосвязь между изначальными диспропорциональными вливаниями экономических и политических ресурсов и дальнейшей дестабилизацией в стране.

Феномен “греческой болезни” применительно к Черногории

Описанный феномен “греческой болезни” может быть использован и для описания положения в других странах. В частности, такие балканские страны, как Греция и Черногория, сопоставимы по ряду показателей. Как Греция, так и Черногория располагают выходом к морю и обладают развитой портовой инфраструктурой. Китай, например, налаживает с ними активные связи, рассчитывая превратить их порты – Пирей и Бар соответственно – в перевалочные пункты при доставке своих грузов в Европу.

Что касается геополитического положения Греции и Черногории, наличие в них военной портовой инфраструктуры позволяет осуществлять контроль над восточным Средиземноморьем и оперативно реагировать на кризисы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Североатлантический альянс был заинтересован во вступлении Греции и прилагал усилия для того, чтобы ускорить процесс присоединения Черногории.

Так же как когда-то принятие Греции в ЕЭС мотивировалось конфронтацией с советским блоком, продвижение Черногории по пути обретения членства в НАТО происходит на фоне обострения отношений между Россией и Западом. Не исключено, что помимо демонстрации своей жизнеспособности евроатлантические структуры не прочь ослабить позиции России на Балканах, заручившись лояльностью её традиционного союзника – Черногории.

Другим важным фактором, позволяющим сравнивать Черногорию с Грецией, является схожая ментальность их народов, которая определяет особенности организации экономических отношений и применения правовых практик. Отмечается, что в Греции и Черногории распространены коррупция и уклонение от уплаты налогов. Высока задолженность по потребительским кредитам, велик дефицит платёжного баланса [Zeneli, 2012].

Черногорию, как и Грецию в период её присоединения к НАТО и ЕЭС, можно охарактеризовать как переходное общество. Переходный период в первой был не менее драматичен, чем во второй. После распада СФРЮ Черногория вместе с Сербией провозгласили Союзную Республику Югославию (СРЮ), экономическое развитие которой было затруднено и замедлено целым рядом обстоятельств. После выхода из состава государственного содружества Сербии и Черногории в 2006 году, который был ускорен в том числе вследствие самостоятельной ориентации Черногории на сближение с НАТО и ЕС, страна наконец приступила к реформам по демократизации и укреплению рыночной экономики.

Итак, между Грецией и Черногорией имеются сходства по ряду существенных параметров, на основании чего уместно рассмотреть экономические и политические процессы в современной Черногории через призму “греческой болезни”. В этом контексте отличительными чертами черногорской экономики являются экономический рост за счёт наращивания потребления, финансирование расходов посредством заимствований на внешнем рынке, преобладание финансовых вложений в непроизводственный сектор, тенденция к появлению “пузырей”.

Рассмотрим, как указанные дисбалансы провоцируют кризис черногорской экономики. Изначально недостаток во внутренних финансовых ресурсах привёл к тому, что черногорцы стали широко полагаться на иностранный капитал. Соответственно, средства вкладывались в те отрасли, которые казались привлекательными для инвесторов, а заметных национальных проектов, которые компенсировали бы возникавшие диспропорции и поддерживали бы черногорское производство, не реализовывалось. При этом частные лица расходовали на потребление не только весь личный доход, но и банковские кредиты, что сводило на нет перспективу финансирования серьёзных проектов за счёт аккумулирования ресурсов на национальном финансовом рынке.

В итоге в предкризисный период распределение инвестиций по секторам сложилось в пользу недвижимости, туризма, строительства и финансовых услуг, тогда как обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых страдали от недоинвестирования [Bacović, 2014]. В 2007 г. из всех вложенных в черногорскую экономику средств 49% приходилось на недвижимость [Fabris, Mitrović, 2012:137], а сумма выданных кредитов по сравнению с предшествующим годом удвоилась, что свидетельствовало о возникновении “пузырей” на рынках недвижимости и капитала, лопнувших в конце 2008 г. [Vučinić, 2015].

Деградация производственной базы усугублялась ещё и тем, что в предкризисные 2005–2008 гг. темпы прироста заработной платы в Черногории существенно превышали темпы прироста ВВП. В итоге уже в 2007 г. дефицит платёжного баланса Черногории был самым крупным из всех западно-балканских государств – на уровне 40% ВВП [Current Account...]. Причём самостоятельно совладать с ним страна не могла: её экономический рост зависел от притока иностранного капитала, внешних займов и высокого уровня внутреннего потребления [Fabris, Mitrović, 2012]. Вследствие этого финансирование дефицита осуществлялось благодаря получению новых займов на внешнем рынке и выпуску евробондов.

Тем не менее, несмотря на проблемы с задолженностью Черногории, её инвестиционная привлекательность и солидный объём накопленных ПИИ могли бы служить “подушкой безопасности” в начале кризиса. Действительно, в 2008 г. Черногория была лидером среди стран своего региона по объёму ПИИ на душу населения за год; крепки были и её позиции по объёму накопленных иностранных инвестиций на душу населения [Efthymiopoulos, Zeneli, 2015]. Однако кризис ударил по Черногории больше, чем по другим экономикам региона: если в 2007 г. её ВВП

демонстрировал темпы прироста в 10,7%, то в 2009 г. они составили 5,7% [Vučinić, 2015: 75].

При этом выбор антикризисных мер оказался не столь велик. Были сокращены расходы на содержание государственных органов, заморожена индексация пенсий, были повышены налоги [Vučinić, 2015]. Но, как отмечают исследователи, “подобные экономические проблемы для Черногории гораздо опаснее, чем для других переходных экономик”, поскольку страна не может извлекать выгоду из изменения обменного курса [Fabris, Mitrović, 2012:140]. После того, как страна в 2002 г. в одностороннем порядке ввела в оборот евро, она лишилась таких инструментов монетарной политики, как денежная эмиссия или возможность управлять обменным курсом, не получив при этом никаких гарантий от ЕЦБ. В случае банкротства черногорских банков их вкладчики не могут обратиться к нему за компенсацией, равно как и сама Черногория – за пополнением запаса ликвидных средств.

Черногорское правительство было вынуждено прибегнуть к привычным методам долгового финансирования и привлекать новые инвестиции, чтобы на фоне антикризисных мер предотвратить скатывание экономики в затяжную рецессию. В итоге государственный долг Черногории вырос с 27,5% ВВП в 2007 г. до почти 58% в 2013 г. [Vučinić, 2015:75]. Из-за новых вложений в черногорскую экономику возникли те же риски, что и прежде. В 2009 г. более 70% всех инвестиций направлялось в банковскую сферу, что могло привести к формированию очередного “пузыря” [Fabris, Mitrović, 2012]. Динамика кризисных явлений в черногорской экономике свидетельствует о наличии многих черт “греческой болезни”.

Что касается политических авансов, как и в случае с Грецией, речь идёт о продвижении Черногории по пути интеграции в НАТО и ЕС, к чему последние её заметно поощряли. Так, в декабре 2015 г. Черногория получила приглашение присоединиться к НАТО, хотя многие предписания Альянса были выполнены лишь на бумаге. Если по его настоянию Черногория приняла на себя обязательства увеличить расходы на оборону и осуществить реформы в сфере безопасности, то на ситуацию с верховенством закона в стране и уровнем общественной поддержки евроатлантической интеграции объединению пришлось закрыть глаза, вступление Черногории в альянс состоялось.

У ЕС основные претензии связаны со свободой слова, коррупцией и организованной преступностью [Montenegro 2016...]. Отмечаются также рост государственного долга, зависимость банковского сектора от зарубежных финансовых средств, экспортно-импортные дисбалансы [Montenegro 2016...]. Однако во время визита в Черногорию в марте 2017 г. Ф. Могерини назвала достигнутые результаты “фантастическими” и заявила, что вступление Черногории в ЕС – это реалистичная перспектива для нынешнего поколения политиков [Mogherini...].

Ф. Могерини выступала в обстановке блокирования парламентских заседаний депутатами от оппозиции в связи с обвинениями в адрес правящей партии ДПС в нарушениях на парламентских выборах, а также на фоне отсутствия единства в обществе по поводу вступления в НАТО. Подобные заявления и действия, на наш взгляд, говорят о том, что движение Черногории к вступлению в ЕС и в НАТО искусственно форсировалось и является политическим авансом.

Перспективы развития Черногории сквозь призму “греческой болезни”

Исходя из описанных выше тенденций, можно сформулировать ряд предположений о будущем Черногории. Что касается сферы безопасности, едва ли членство в НАТО повысит уровень защищённости страны. Нападение со стороны какого бы то ни было государства не представляет для неё угрозы из-за специфики регио-

нальной архитектуры безопасности. В отношении борьбы с терроризмом у страны имеется подразделение для отслеживания исполнителей терактов, в том числе посредством наблюдения за их активностью в Интернете. Эффективное противодействие вызовам в информационной сфере являлось обязательным требованием ещё до вступления Черногории в Альянс, так что возможности усиления её кибербороны за счёт членства в объединении несущественны.

Примечательно, что основной проблемой безопасности для Черногории в 2015 г. были забастовки и беспорядки, справляться с которыми призваны национальные силы правопорядка [Henderson, 2015]. Вероятность “суворенного дефолта”, проявившаяся в 2016 г., едва ли уменьшается благодаря членству в военно-политическом блоке [Terrorism..., 2016]. Напротив, обязательство Черногории повысить военные расходы отвлечёт ресурсы от социально-экономических нужд. В данной ситуации уместно сослаться на опыт Греции. Вступив в НАТО, страна не смогла обезопасить себя от угрозы со стороны Турции, а из-за её расходов на оборону задолженность перед иностранными кредиторами только увеличивалась.

Положение усугубляется также и тем, что реформы часто не доводятся до конца из-за популистских расчётов политиков и фактическом отсутствии системы сдержек и противовесов [Bertelsmann..., 2016]. Одной из причин этого является клиентелистская, как и в Греции, природа отношений между политиками и бюрократическим аппаратом. Лояльность тех или иных лиц в ходе выборов вознаграждается посредством престижных назначений или распределения материальных благ в их пользу [Bertelsmann..., 2016]. Соответственно, можно предположить, что реформы по укреплению институтов и повышению транспарентности при назначении на государственную службу будут и дальше тормозиться.

При этом, несмотря на саботаж многих преобразований, черногорское руководство может рассчитывать на поддержку западного сообщества. Не стоит, правда, забывать об отказе Европейского Союза выступить посредником на переговорах между черногорской оппозицией и правительством в разгар массовых выступлений осенью 2015 г. Пренебрежение состоянием общественных настроений может привести к ещё более радикальным антинатовским и антиамериканским настроениям.

В Черногории на фоне вероятного нарастания антинатовских настроений заметный крен в её внешней политике в сторону сотрудничества с западными странами в ущерб партнёрству с Россией может впоследствии сбалансироваться. По аналогии с Грецией, членство которой в ЕС и НАТО не только не мешает ей наращивать связи с Россией и Китаем, но даже подталкивает её к сближению с незападными партнёрами, Черногория также может восстановить многие контакты [Zotti, 2013]. Причём позитивные сдвиги возможны не только в гуманитарной и экономической сфере, но даже в военной. Например, членство Греции в НАТО не помешало ей закупать военную технику в России с конца 1990-х гг., так что к настоящему моменту Россия входит в пятёрку крупнейших поставщиков вооружений в Грецию, судя по стоимости приобретённой техники [SIPRI...].

Из этого следует, что даже на фоне антироссийских санкций само по себе членство в европейских и евроатлантических структурах не является препятствием для поддержания взаимовыгодных отношений с Россией. Можно ожидать, что по мере укрепления международных позиций Черногории, которой больше не придётся демонстрировать лояльность НАТО посредством антироссийских демаршей, и у неё появится достаточное пространство для маневра, чтобы дополнить свой евроатлантический вектор развития и другими связями, в том числе с РФ.

Таким образом, применив концепт “греческой болезни” для анализа экономических и политических процессов в Черногории, оказалось возможным не только вы-

явить общие закономерности в развитии двух стран, но и сформулировать тенденции будущего развития Черногории. Так, членство в НАТО не сможет существенно повысить уровень безопасности в стране, однако отвлечёт ресурсы от нужд экономической стабилизации. Кроме того, при доминировании клиентелистского типа отношений между политическими партиями и их избирателями сложно ожидать улучшения качества государственных институтов и открытия доступа во власть для широких слоёв граждан, что замедлит полноценный переход Черногории к демократии. Европейские и евроатлантические структуры не будут, однако, особенно акцентировать внимание на недоработках черногорского руководства, зато продолжат игнорировать запрос гражданского общества на перемены. С течением времени безоговорочное следование Черногории в фарватере западных стран, вероятно, будет сбалансировано за счёт сотрудничества с незападными партнёрами, что может способствовать и нормализации отношений с РФ.

Список литературы

- Глинкина С.П., Лобанов М.М. Проблемы внешнеэкономического сотрудничества России и республик бывшей Югославии в ХХІв. // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015, № 12. С. 55–75.
- Зеликсон Д.И. (2015) Прямые инвестиции Греции на Западных Балканах. *Современная Европа*. №3 (63). С. 71–79.
- Квашнин Ю.Д. (2016) Кризис в Греции через призму развития человеческого капитала. *Современная Европа*. №5 (71). С. 91–102.
- Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения Молдавии и ЕС в 1998–2012 гг. *Вестник МГИМО-Университета*, 2012, № 6 (27). С. 26–33.
- Кириллов В.Б., Буланникова Ю.А. Международные отношения и внешняя политика Балканских стран: 1856–2014. М.: МГИМО-Университет, 2015. 340 с.
- Прудникова О.А. (2009) Проблема “проклятия природных ресурсов” и её влияние на экономический рост. *Вестник*. № 2(26). С. 28–31.

References

- Glinkina S.P., Lobanov M.M. Problemy vneshejekonomiceskogo sotrudnichestva Rossii i respublik byvshej Jugoslavii v XXIv. // Rossijskij vneshejekonomiceskij vestnik. 2015, № 12. S. 55–75.
- Kirillov V.B., Putincev I.S. Otnoshenija Moldavii i ES v 1998–2012 gg. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012, № 6 (27). S. 26–33.
- Kirillov V.B., Bulannikova Ju.A. Mezdunarodnye otnoshenija i vneshnjaja politika Balkanskih stran: 1856–2014. M.: MGIMO-Universitet, 2015. 340 s.
- Kvashnin YU.D. (2016) Krizis v Grecii cherez prizmu razvitiya chelovecheskogo kapitala. *Sovremennaya Evropa*. №5 (71). S. 91–102.
- Prudnikova O.A. (2009) Problema “proklyatiya prirodnih resursov” i eyo vliyanie na ekonomicheskiy rost. *Vestnik*. № 2(26). S. 28–31.
- Zelikson D.I. (2015) Pryamye investicii Grecii na Zapadnyh Balkanah. *Sovremennaya Evropa*. №3 (63). S. 71–79.
- Aon Risk Solutions, “Terrorism and Political Violence Risk Map 2016”, available at: <http://www.aon.com/terrorismmap/default.jsp> (Accessed 12 February 2017)
- Bacovic M. (2014) Demand Driven Growth in Small Open, Import Dependent Economy. *Economics*. Vol. 2. № 1. P. 1–10.
- Bertelsmann Stiftung, BTI 2016 — Montenegro Country Report. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2016.
- Bitros G. C. (2013) European Union Failures in Greece and Some Possible Explanations // *MPRA*. 2013. Current Account Balance (BoP, current US\$) // World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BN.CAB.XOKA.CD?end=2015&name_desc=true&start=2004&view=chart (дата обращения: 10.02.2017)
- CEIC, “Greece External Debt: % of Nominal GDP”, available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/greece/external-debt--of-nominal-gdp> (Accessed 10 February 2017)
- Eurostat, “General Government External Debt – Annual Data”, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina225&plugin=1> (Accessed 10 February 2017)
- Fabris N., Mitrovic M. (2012) Critical Overview of Montenegro’s Growth Model. *East-West Journal of Economics and Business*. Vol. 15. № 1-2. P. 129–150.
- GDP Growth (annual %) // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2015&locations=GR&start=1960&view=chart> (дата обращения: 10.02.2017)

- General Government External Debt – Annual Data // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina225&plugin=1> (дата обращения: 10.02.2017)
- Greece External Debt: % of Nominal GDP // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/greece/external-debt--of-nominal-gdp> (дата обращения: 10.02.2017)
- Gottschalk P., Gustafsson B., Palmer E., eds. (1997) Changing Patterns in Distribution of Economic Welfare. Cambridge University Press.
- Henderson N. (2015) 2015 Terrorism and Political Violence Risk Map – A Guide // Aon Risk Solutions.
- Miller T. J., Cleverley J. M. (2011) Greece’s Struggle to Escape the Past: A View from Inside. *Mediterranean Quarterly*. Vol. 22. № 4. pp. 46–61.
- Mogherini to Half-Empty Parliament: Opposition Refused my Invitation // CDM. 2017. URL: www.cdm.me/english/mogherini-half-empty-parliament-opposition-refused-invitation/ (дата обращения: 04.05.2017)
- Montenegro 2016 Report. Commission Staff Working Document. Brussels. 2016. URL: ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_report_montenegro.pdf (дата обращения: 04.05.2017)
- Pedaliu E.G.H. Greece and the Crisis: A Historical Perspective (2016) // CIDOB. P. 57–71.
- Ross M.L. (1999) The Political Economy of the Resource Curse // *World Politics*. № 51. P. 297–322.
- Services, etc., Value Added (% of GDP) // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS?locations=GR&view=chart> (дата обращения: 10.02.2017)
- SIPRI Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 10.02.2017)
- Schmidt I. (2011) European Capitalism: Varieties of Crisis // *Alternate Routes – A Journal of Critical Research*. Vol. 22. P. 71–86.
- Terrorism and Political Violence Risk Map 2016 // Aon Risk Solutions. URL: <http://www.aon.com/terrorismmap/default.jsp> (дата обращения: 12.02.2017)
- Vučinić M. (2015) Financial stability – Comparative Analysis: Montenegro, Serbia and the Netherlands. *Journal of Central Banking Theory and Practice*. Vol. 4. № 1. P. 63–93.
- World Bank, “Current Account Balance (BoP, current US\$)”, available at: http://data.worldbank.org/indicator/BN.CAB.XOKA.CD?end=2015&name_desc=true&start=2004&view=chart (Accessed 10 February 2017)
- World Bank, “Services, etc., Value Added (% of GDP)”, available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS?locations=GR&view=chart> (Accessed 10 February 2017)
- Zavrl D., Klijajic M. (2010) An Institutional Dynamics Model of the Euro Zone crisis: Greece as an Illustrative Example. The 2010 International Conference of the System Dynamics Society, Proceedings, System Dynamics Society. Seoul. P. 1–18.
- Zeneli V. (2012) The Global Economic Crisis and South East Europe: Consequences and Challenges for the Region / 24th Workshop of the Study Group “Regional Stability in South East Europe”. Vienna. P. 47–63.
- Zotti A. (2013) The Crisis of the Periphery. Greece and EU Foreign Policy. *ISPI Analysis*. № 160.

Transition societies through the “Greek disease” prism: example of Montenegro

Authors. Entina E., Candidate of Political Science, Associate Professor at National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), Senior Researcher at Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Konovalova N., Junior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, **Address:** 15-2, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218. **E-mail:** konovalova.n.a@my.mgimo.ru

Abstract. The article addresses a “Greek disease”, which is a political economy phenomenon providing a framework for analyzing economic and political processes in transition societies. The authors assume that if external forces procure economic resources and political bonuses for a transition state in the absence of mechanisms for their efficient distribution, such a state is vulnerable for destabilization. To evaluate the resources application efficiency, the authors formulate a range of economic and political criteria based on the post-war Greek history. They show that its consumption-driven economic growth, weak manufacturing sector, and irrational distribution of finances received from abroad have resulted in the Greek inability to overcome the crisis without external support. The authors pay a particular attention to the fact that Greece was accepted into the EEC and NATO for strategic reasons while democratic and market reforms stalled. The revealed patterns are relevant for analyzing the situation not only in Greece, but also in another Balkan country – Montenegro, which is comparable to Greece in a number of aspects. The “Greek disease” paradigm allows to predict future economic and political developments in Montenegro, including changes in its foreign policy.

Key words: “Greek disease”, transition societies, NATO, European Union, Greece, Montenegro.

УДК: 327.8

Мария ЧИЖЕВСКАЯ

РЕЖИМ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: ИНТЕРЕСЫ И ОПАСЕНИЯ ЕС И ЯПОНИИ

Аннотация. Отношения между ЕС и Японией – это сюжет, который редко привлекает повышенное внимание как в Европе, так и в самой Японии. Но теперь положение дел резко изменилось: вопрос возможного заключения японо-европейского договора о свободной торговле неожиданно приобрёл мировое звучание. Главными импульсами, придавшими переговорам высокую значимость в глазах обеих сторон, стали односторонний выход США из соглашения о Транс-Тихоокеанском партнёрстве, замораживание договора о Транс-Атлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве и решение о выходе Великобритании из ЕС. Однако, несмотря на то что оба партнёра решительно настроены довести дело до конца, последним серьёзным препятствием для заключения договора остаются тарифы на импорт в Японию сельскохозяйственной продукции из ЕС.

Ключевые слова: ЕС, Япония, японо-европейские отношения, договор о свободной торговле.

Факторы, сделавшие возможным открытие переговоров между ЕС и Японией

Доминантой отношений между ЕС и Японией сегодня, как и в течение всего послевоенного периода, является экономика. В начале 2000-х гг. они представляли друг для друга крупнейших торговых партнёров, однако в последние годы ситуация постепенно, но неуклонно меняется. За период с 2005 по 2015 г. доля Японии в импорте ЕС уменьшилась с 6,3 до 3,5%, в экспорте – с 4,2 до 3,2%. Доля ЕС в импорте Японии за тот же период уменьшилась с 11,4 до 11%, в экспорте – с 14,6 до 10,6%. Если для Японии ЕС находится на третьей строчке по общему объёму внешнеторгового оборота, то Япония для ЕС – лишь на седьмом [European Commission, 2016b; International Monetary Fund].

Объяснить переориентацию торговых потоков на других партнёров можно двумя общемировыми тенденциями. Первая – увеличение доли развивающихся стран в мировом экспорте за счёт их более динамичного экономического развития в сравнении с развитыми экономиками [Sunesen et al., 2009: 6]. Как следствие, и ЕС, и Япония перенаправляют свои торговые потоки на ближайшие развивающиеся страны. Для ЕС это, в первую очередь, Турция и Российская Федерация, для Японии – Китай и Южная Корея [Носов, 2015: 293–294]. Вторая тенденция – переориентация торговли на страны и регионы, с которыми заключены соглашения о преференциальных условиях торговли [Smeets, 2015: 58].

Заключение двусторонних и региональных договоров на преференциальных условиях стало популярным инструментом в сфере мировой торговли в ответ на

отсутствие прогресса в ходе Дохийского раунда переговоров в рамках Всемирной Торговой Организации (ВТО) [Benz, Yalcin, 2015: 935]. Дохийский раунд стартовал в 2001 г., и до сих пор странам-членам ВТО не удалось договориться ни по одному многостороннему соглашению. Поэтому правительства, не дожидаясь результатов проблемных переговоров в рамках ВТО, отдают предпочтение двусторонним или региональным договорам.

Ещё один процесс, на фоне которого свободная торговля между ЕС и Японией востребована и даже необходима, – это достаточно медленное восстановление национальных экономик после мирового финансового кризиса. Обе экономики страдают от высокого и продолжающегося роста государственного долга, который ограничивает возможности реализации масштабных программ стимуляции [Benz, Yalcin, 2015: 936]. В этой ситуации стимулирование внешней торговли является логичным и ожидаемым шагом для каждой из сторон.

Официально идея подписания японо-европейского договора о свободной торговле/экономическом партнёрстве (ДСТ/ДЭП)¹ была впервыезвучена на двустороннем саммите в мае 2011 г. [European Council, 2011]. Официальное открытие переговоров состоялось в марте 2013 г. [European Commission, 2013]

Ещё одним важным фактором, оказавшим существенное влияние на решение о начале переговоров, стало заключение ЕС договора о свободной торговле с Республикой Корея, вступившего в силу в 2011 г. [Nelson, 2012: 340]. Корейские компании являются прямыми соперниками японских, особенно в секторах производства автомобилей и электроники. Поэтому известие о заключении ДСТ между ЕС и Южной Кореей буквально всколыхнуло японские деловые круги и создало подходящий момент для прорыва в японо-европейских экономических отношениях.

Ход переговоров: с какими проблемами пришлось столкнуться

Назвать японо-европейский переговорный процесс лёгким вряд ли возможно. На сегодняшний день состоялось 18 раундов переговоров, последний из которых прошёл в Токио в апреле 2017 г. Переговоры ведутся по нескольким рабочим группам, которые разрабатывают вопросы торговли товарами и услугами, инвестиций, нетарифных мер, таможенных пошлин, санитарных и фитосанитарных мер, регулирования государственных закупок, интеллектуальной собственности и т.д. [European Commission, 2017]:

Изначально стороны установили срок подписания договора на конец 2015 г., однако он был сорван. Новый срок был установлен на конец 2016 г. Приверженность идеи во что бы то ни стало прийти к соглашению к концу 2016 г. лидеры и Японии, и ЕС не раз подтверждали на совместных встречах [Blenkinsop, 2016; European Commission, 2016a; MOFA of Japan, 2016a]. Однако и к этому сроку достичь соглашения не удалось. Стороны до сих пор находятся на стадии переговоров, новым сроком объявлен 2017 г. [The Mainichi, 2016].

Основным камнем преткновения на последних раундах переговоров стал вопрос о тарифах на импорт европейской сельскохозяйственной продукции в Японию – в первую очередь сыров, свинины и говядины [The Japan News, 2016].

¹ По поводу названия договора между двумя сторонами до сих пор нет согласия. Европейская сторона традиционно использует для своих договоров название Договор о свободной торговле (англ. Free Trade Agreement), японская сторона – Договор об экономическом партнерстве (англ. Economic Partnership Agreement). Для удобства мы в дальнейшем будем использовать одно название – Договор о свободной торговле, ДСТ.

Надо подчеркнуть, что в торговых взаимоотношениях Японии и ЕС как крупных экономических держав с развитой рыночной экономикой, пользующихся режимом наибольшего благоприятствования в рамках ВТО, сами по себе торговые тарифы относительно невысоки, кроме чувствительных секторов, каким является сельское хозяйство.

Таблица. Тарифы ЕС и Японии в 2015 г.

Продуктовые группы	Тарифы Японии, %			Тарифы ЕС, %		
	Средний	Максимальный	Без пошлины	Средний	Максимальный	Без пошлины
Продукция животноводства	13,1	309	45,7	16,9	111	20,6
Молочная продукция	92,1	502	0	35,5	105	0
Фрукты, овощи, растения	9,0	229	19,6	9,9	146	22,6
Кофе, чай	13,2	122	22,2	6,0	19	27,1
Злаки	54,1	595	8,2	15,7	62	6,3
Продукция химической промышленности	2,3	7	37,4	4,6	7	20,0
Неэлектрические машины	0,0	0	100,0	1,7	10	26,5
Электрические машины	0,2	5	95,5	2,4	14	31,5
Транспортное оборудование	0,0	0	100,0	4,1	22	15,7
Другие промышленные товары	1,1	8	77,0	2,5	14	25,7

Источник: International Trade Centre, 2015: 75, 94.

В сфере импорта промышленных товаров у Японии отсутствуют пошлины на неэлектрические машины и транспорт, низкие пошлины на электронику – 5%. В ЕС цифры выше, но их также можно назвать умеренными – в среднем 1,7, 2,4 и 4,1% соответственно. Очевидно, что тарифы в этой области не являются препятствием развитию торговли. Однако на сельскохозяйственную продукцию тарифы в Японии значительно выше, чем в ЕС: если в ЕС максимальный тариф на импорт молочной продукции составляет 105%, то в Японии – более 500%.

Максимальные уступки, на которые может пойти Япония, – это условия, согласованные ею при вступлении в транстихоокеанское партнёрство (ТТП) [Japan

Today, 2016]¹. Проблема заключается в том, что европейские переговорщики требуют от Японии ещё большего снижения тарифов. По импорту, например, пасты из ЕС сторонам удалось договориться [Nikkei, 2016b]. А вот вопрос о тарифах на импорт сыров является настолько острым для японской стороны, что многие месяцы переговоров не дают компромиссного результата. ЕС требует, чтобы Япония обнулила пошлины на импорт камамбера, моцареллы и других видов европейских сыров, которые сегодня составляют 22,4–40% их стоимости [Nakatogawa, 2017]. В ответ европейские партнёры готовы пойти на отмену 10%-ной пошлины на импорт японских автомобилей и сокращение пошлины на импорт автозапчастей [Nikkei, 2016a].

Японское министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства, курирующее соответствующие вопросы в рамках переговоров, заняло крайне жёсткую позицию, опасаясь ухудшения положения фермеров вследствие наплыва импортной молочной продукции из ЕС. Сами японские фермеры признают, что не в состоянии конкурировать с сильнейшим аграрным сектором Европы: средний размер фермерского хозяйства в Японии примерно в семь раз меньше европейского, себестоимость производства высокая, а занятость крайне низкая – всего 2,1 млн человек, большая часть которых находится в преклонном возрасте [Nakamoto, 2017]. Однако сельское население является важной частью электората правящей Либерально-демократической партии. Главным лоббистом его интересов выступает влиятельная организация Japan Agriculture², объединяющая более 10 млн человек через сеть банковских и страховых учреждений [Там же]. Благодаря деятельности этой организации интересы фермеров чётко доводятся до властных структур и не могут ими игнорироваться.

Масла в огонь “сырного” спора между ЕС и Японией подлили последние законодательные изменения с обеих сторон. В ноябре 2016 г. в Японии отменили монополию сельскохозяйственных кооперативов на продажу сырого молока, чтобы предоставить больше свободы фермерам по установлению отпускных цен и организации сбыта [Prime minister..., 2016]. Эта реформа направлена на развитие внутреннего производства молочных продуктов и курируется лично премьер-министром Абэ. Таким образом, у министерства сельского хозяйства были ограничены возможности в осуществлении маневров на переговорах с ЕС, так как они не могут одной рукой поощрять молочное производство, а другой – существенно усложнять конкурентную среду.

ЕС ещё раньше ввёл нововведения в организацию работы молочной отрасли. В 2015 г. была отменена система квот на производство сырого молока, которая существовала для предотвращения перепроизводства [European Council, 2015]. Снятие лимита имело целью расширить экспортные поставки молочной продукции. Однако, с введением санкций в отношении России и ответных санкций с её стороны, европейские фермеры потеряли важный экспортный рынок. Задача европейских политиков теперь – обеспечить свой агропромышленный комплекс новым ёмким рынком сбыта. Наиболее вероятный кандидат на эту роль – Япония, и сами японцы это понимают, однако не готовы к такому сценарию [Nakatogawa, 2017].

Новый поворот в ходе переговоров: “фактор Трампа”

¹ Тарифы, согласованные Японией в ходе переговоров о вступлении в ТПП, см. здесь: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/treaty/pdfs/tpp/en/2-D_Japan_Tariff_Elimination_Schedule.pdf.

² Подробнее о ней см. <https://org.ja-group.jp>.

Переговоры могли бы зайти в тупик ввиду непримиримости позиций каждой из сторон и сковывающих их обстоятельств, однако неожиданно появился ещё один фактор, который вывел значение японо-европейского торгового соглашения на новый уровень. Избранный 8 ноября 2016 г. президент США Дональд Трамп в одном из первых официальных заявлений после избрания на пост пообещал, что сразу после вступления в должность подпишет указ о выходе США из соглашения о ТТП, и 23 января 2017 г. выполнил своё обещание [White house, 2017]¹. Односторонний выход США из торгового соглашения, которое считалось осью американской торговой политики в регионе, поставил вопрос о будущем свободной торговли в рамках крупных торговых блоков. С избранием Трампа на пост президента соглашение о Транс-Атлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве между ЕС и США также было заморожено [Bloomberg, 2016].

В этой ситуации и Японии, и ЕС крайне важно добиться подписания, а затем ратификации двустороннего договора о свободной торговле, чтобы продемонстрировать всему миру, что идея свободной торговли по-прежнему актуальна и востребована. По словам Сесилии Мальмстрём, комиссара ЕС по вопросам торговли, заключение договора между Японией и ЕС – это “возможность для нас обоих показать, что открывать свои рынки партнёрам на достойных условиях по-прежнему выгодно” [Stearns, 2016].

Необходимо отметить ещё два фактора, которые оказывают влияние на ход японо-европейских переговоров в его финальной стадии. Речь идёт, во-первых, о голосовании Великобритании за выход из Европейского Союза в июле 2016 г., известный как Brexit (сокр. от англ. British exit). Выход Великобритании порождает у японских правящих и деловых кругов большую неопределённость, поскольку нет ясности, на каких условиях страна выйдет из единого европейского рынка и какова будет новая деловая среда для крупных японских инвесторов [MOFA of Japan, 2016b]. Поэтому и Японии, и ЕС в новом составе из 27 стран, важно заключить всеобъемлющий договор, который бы предусматривал не только выгодные условия торговли, но и гарантии для инвесторов [Mucci, 2016].

Вторым фактором является пристальное общественное внимание граждан Европейского Союза к международным договорам, которые подписывает объединение. Протестные акции в Бельгии в связи с подписанием аналогичного договора о свободной торговле с Канадой, которые чуть не привели к срыву подписания договора, вызвали немалое беспокойство у японских партнёров, опасающихся повторения этой ситуации [Beesley, 2016]. В случае с Канадой, протесты вызывали чрезмерное, по мнению протестантов, наделение иностранных инвесторов полномочиями, вплоть до подачи исков в суд на правительства стран–получателей инвестиций в рамках создаваемой судебной системы защиты инвестиций. Японо-европейский договор о свободной торговле аналогичным образом предполагает создание такой системы, в необходимости которой японская сторона сомневается [Там же]. Сложности, с которыми ЕС столкнулся при обсуждении торгового договора с США и при подписании – с Канадой, делают договор с Японией, экономика которой в три раза больше канадской, ещё более желанным для ЕС, чтобы “сохранить лицо” и удержать статус главного адвоката свободной торговли в мире.

Ещё одним вопросом, по которому стороны пока не пришли к соглашению, является вопрос о защите личных данных потребителей. Европейские стандарты в этой области значительно выше, чем в Японии. Поэтому департамент торговли ЕС сталкивается с серьёзным сопротивлением законодателей европейского парламента и чиновников из управления по юстиции и правам потребителей Европейской комиссии [Mucci et al., 2016]. Япония пытается добиться того, чтобы за ней был за-

креплен привилегированный статус по уровню защиты конфиденциальной информации, которым сегодня обладает лишь ограниченное количество стран¹, однако пока вопрос остаётся открытым.

Заключение

Представить весь спектр интересов ЕС и Японии и сложностей, с которыми они сталкиваются в ходе переговоров о заключении ДСТ, можно в виде таблицы.

Интересы и опасения ЕС и Японии при проведении переговоров о заключении ДСТ²

	Япония	ЕС
Экономические интересы	<ul style="list-style-type: none"> – упразднение высоких тарифов на промышленные товары (например, 10% на импорт автомобилей, до 14% на электрические машины); – усовершенствование нормативно-правовой основы деятельности японских компаний в ЕС. 	<ul style="list-style-type: none"> – расширение доступа европейской сельскохозяйственной продукции на японский рынок – облегчение НТМ, с которыми сталкиваются европейские экспортёры; – доступ к участию в государственных закупках, в частности, в секторах железных дорог и городского транспорта.
Политические интересы	<ul style="list-style-type: none"> – создать торговый блок с одним из своих крупнейших торговых партнёров на фоне решения Президента США Дональда Трампа выйти из договора о ТТП; – обеспечить гарантии своим инвесторам в ЕС в условиях, когда их статус в Великобритании оказался под вопросом после выхода страны из состава объединения. 	<ul style="list-style-type: none"> – “сохранить лицо” на фоне проблем с подписанием торгового договора с Канадой и замораживания переговоров о создании трансатлантического партнёрства с США; – предъявить миру успешный договор о свободной торговле на фоне выхода Великобритании из единого европейского рынка;
	<ul style="list-style-type: none"> – продемонстрировать, что идея свободной торговли в мире по-прежнему актуальна и востребована. 	
Опасения	<ul style="list-style-type: none"> – ухудшение положения фермеров вследствие наплыва импортной молочной продукции из ЕС. 	<ul style="list-style-type: none"> – ужесточение конкуренции в автомобильном секторе вследствие уменьшения стоимости японских автомобилей и запчастей на рынке ЕС; – возможные утечки личных данных потребителей при обмене информацией с японскими компаниями.

* * *

¹ В частности, ЕС, США, Аргентина, Канада, Новая Зеландия.

² При создании таблицы использованы материалы Министерства иностранных дел Японии. Отчёт доступен по ссылке: <http://www.mofa.go.jp/files/000013835.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).

Насыщенность переговоров противоречивыми интересами, с одной стороны, и общими большими экономическими и политическими целями – с другой, делает затруднительным прогноз относительно исхода переговоров. Состоявшийся в марте визит премьер-министра Японии в Брюссель, от которого ожидался прорыв в вопросе заключения договора [Nakamoto, 2017], не принес новых результатов, кроме привычных заявлений о необходимости скорейшего подписания соглашения [MOFA of Japan, 2017]. В настоящее время стороны намерены завершить переговоры до конца 2017 года [Blenkinsop, 2017]. Произойдёт ли это, зависит от политической воли японских правящих кругов, нужной, чтобы достичь компромисса между внутренними и внешними приоритетами, а также способности европейской стороны частично поступиться своими интересами, чтобы добиться желаемого обеими сторонами результата.

Список литературы

Носов М.Г. (2015) ЕС – Япония. / Европейский Союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. Москва: Весь Мир.

References

- Nosov M.G. (2015) ES – Yaponiya. / *Evropejskij Soyuz v poiskakh globalnoj roli: politika, ekonomika, bezopasnost*. Al. A. Gromyko, M.G. Nosov (eds.). Moskva: Ves' mir.
- Beesley A. Brussels ‘close’ to free-trade deal with Japan. 2016. URL: <https://www.ft.com/content/c46efa8c-ba20-11e6-8b45-b8b81dd5d080> (20.12.2016).
- Benz S., Yalcin E. Productivity Versus Employment: Quantifying the Economic Effects of an EU-Japan Free Trade Agreement // World Economy, June 2015, Vol. 38 (6).
- Blenkinsop P. EU's Juncker says confident can seal Japan trade deal by year end. 2016. May, 3. URL: <http://www.reuters.com/article/us-japan-europe-eu-idUSKCN0XU1QE> (08.02.2017).
- Blenkinsop P. EU pushes for 2017 conclusion to Japan free trade talks. 2017. February, 20. URL: <http://uk.reuters.com/article/uk-eu-trade-japan-idUKKBN15Z1SM> (12.05.2017).
- Bloomberg. EU Sees Trump Freezing Talks on Trans-Atlantic Trade Pact. 2016. November, 11. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-11-11/eu-s-malmstrom-signals-free-trade-talks-with-u-s-to-be-frozen> (20.12.2016).
- European Commission. Joint statement by the President of the European Commission, José Manuel Barroso, the President of the European Council, Herman Van Rompuy, and the Prime Minister of Japan, Shinzo Abe, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-276_en.htm (07.02.2017).
- European Commission. Joint Statement on the Japan-EU Economic Partnership Agreement/Free Trade Agreement, Ise-Shima. 2016a. May 26. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-16-1925_en.htm (08.02.2017).
- European Commission. Trade in Goods with Japan, 2016b. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113403.pdf (07.02.2016).
- European Commission. Report of the 18th EU-Japan FTA/EPA negotiating round, 2017. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/april/tradoc_155506.pdf (12.05.2017).
- European Council. 20th EU-Japan Summit Joint Press Statement, 2011. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/122305.pdf (07.02.2017).
- European Council. The end of milk quotas. 2015. URL: https://ec.europa.eu/agriculture/milk-quota-end_en (07.02.2017).
- Fleming J. EU-Korea deal pushes Japan to negotiate. URL: <https://www.euractiv.com/section/trade-society/news/eu-korea-deal-pushes-japan-to-negotiate> (07.02.2017).
- International Monetary Fund, Direction of Trade Statistics. URL: <http://data.imf.org> (07.02.2017).
- International Trade Centre. World Tariff Profiles. Country profiles Part A.2. 2015. URL: <http://www.intracen.org/publication/World-Tariff-Profiles-2015> (16.12.2016).
- The Japan News. EU urges Japan to remove cheese tariffs. 2016. URL: <http://the-japan-news.com/news/article/0003403150> (22.12.2016).
- Japan Today. EU urges Japan to scrap tariffs on more farm products. 2016. December, 19. URL: [\(19.12.2016\).](https://www.japantoday.com/category/politics/view/eu-urges-japan-to-scrap-tariffs-on-more-farm-products)
- The Mainichi. Japan, EU to seek free trade agreement in 2017: EU negotiator. 2016. December, 17. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161217/p2g/00m/0bu/055000c> (08.02.2017).

- MOFA of Japan. G20 Hangzhou Summit – Individual Sessions. 2016a. September, 5. URL: mofa.go.jp/ecm/ec/page3e_000584.html#section3 (08.02.2017).
- MOFA of Japan. Japan's Message to the United Kingdom and the European Union. 2016b. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000185466.pdf> (20.12.2016).
- MOFA of Japan. Japan-EU Leaders Meeting. 2017. March, 21. URL: http://www.mofa.go.jp/erp/ep/page1e_000143.html (12.05.2017).
- Mucci A. Brexit revives stalled Japan-EU trade deal. 2016. September, 27. URL: <http://www.politico.eu/article/japan-eu-trade-deal-brexit-auto-industry> (08.02.2017).
- Mucci A., Cerilus L. and Burhard H. Data fight emerges as last big hurdle to EU-Japan trade deal. 2016. URL: <http://www.politico.eu/article/eu-japan-trade-deal-caught-up-in-data-flow-row-cecilia-malmstrom> (20.12.2016).
- Nakamoto M. Fate of EU trade deal hangs on Japan's elderly farmers. 2017. January, 26. URL: <http://www.politico.eu/article/fate-of-eu-trade-deal-hangs-on-japans-elderly-farmers> (03.02.2017).
- Nakatogawa M. Japan, EU in sharp dispute over cheese. 2017. February 1. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-EU-in-sharp-dispute-over-cheese?page=1> (08.02.2017).
- Nelson P.A. The Lisbon Treaty effect: toward a new EU-Japan economic and trade partnership? // Japan Forum. September 2012, Vol. 24, Issue 3.
- Nikkei. EU leans toward nixing 80% of Japanese autoparts tariffs. 2016a. December, 14. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/EU-leans-toward-nixing-80-of-Japanese-autoparts-tariffs> (19.12.2016).
- Nikkei. Japan bows to pasta tariff cuts in EU trade negotiations. 2016b. December, 13. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Economy/Japan-bows-to-pasta-tariff-cuts-in-EU-trade-negotiations> (19.12.2016).
- Prime minister of Japan and his cabinet official website. Regulatory Reform Promotion Council. 2016. November 7. URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201611/07article2.html (08.02.2017).
- Smeets D. A free trade agreement between the EU and Japan – what is to be expected? // Asia Europe Journal, March 2015, v. 13, iss. 1.
- Stearns J. EU Takes on Trump in Final Push for Free-Trade Pact With Japan. 2016. December, 12. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-12/eu-takes-on-trump-in-final-push-for-free-trade-pact-with-japan> (20.12.2016).
- Sunesen E, Francois J. and Thelle M. Assessment of barriers to trade and investment between the EU and Japan. Final report. Copenhagen, 2009. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2010/february/tradoc_145772.pdf (07.02.2017).
- The White House. Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement. 2017. January 23. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific> (07.02.2017).

Free trade zone: interests and concerns of the EU and Japan

Author. Chizhevskaya M., graduate student of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences).
Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** maria.chizhevskaya@yandex.ru

Abstract. Relations between the EU and Japan is a topic that rarely attracts much attention in Europe, Japan and beyond. But now the situation is different: a case of possible conclusion of the EU – Japan free trade agreement has gained global significance. The main reasons, which brought the negotiations high on the agenda for both partners, are unilateral withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Agreement, freezing of the Transatlantic Trade and Investment Partnership Agreement and the decision of the United Kingdom to leave the EU. However, despite the fact that both parties are determined to successfully conclude the negotiations, the last big hurdle on their way is high import tariffs on the EU agricultural products imported to Japan. The article focuses on the analysis of the reasons for the launch of talks, their progress and current state of negotiations between the EU and Japan. The outcome is hard to predict. The article explores main factors, which allow to assess combination of advantages and risks for both sides.

Key words: European Union, Japan, EU-Japan relations, free trade agreement.

УДК 339

Алексей ВОЛКОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ДАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья посвящена экономическим отношениям России и Дании в последние годы, которые можно рассматривать как часть экономических отношений России и Европейского союза. Изменение отношений между Россией и ЕС оказало своё непосредственное воздействие на российско-датские отношения. В статье анализируются внешнеторговые отношения между двумя странами, взаимные прямые иностранные инвестиции и воздействие на них ухудшения экономических и политических отношений на фоне антироссийских санкций и контрсанкций. Рассматриваются изменения в структуре экспорта и импорта. Особое внимание уделяется экспорту нефти в Данию. Отличительная особенность датских инвестиций в России заключается в том, что их большая часть вкладывается в реальный сектор экономики страны. Приведены примеры наиболее важных датских капиталовложений в России. Неустойчивый курс рубля и “война санкций” негативно сказались на двусторонних связях. Делается прогноз относительно дальнейшего развития взаимных отношений. В статье большое внимание уделено сопоставлению разных статистических источников. Если не указано иное, использовались материалы торгового представительства России в Дании и средств массовой информации этой страны.

Ключевые слова: Россия, Дания, внешняя торговля, экспорт, импорт, иностранные инвестиции, санкции.

Традиционно объём экономических отношений между Данией и Россией был не слишком большим. А в результате резкого ухудшения отношений России и ЕС, которое выразилось во введении летом 2014 г. взаимных экономических санкций, объём внешней торговли России и Дании заметно сократился. Новизна статьи состоит не только в свежей картине связей между Российской Федерацией и Данией, но и в концептуализации проблемы не слишком интенсивных двусторонних связей (например, в сравнении с Финляндией и Швецией).

Статьи по российско-датской внешней торговле в отечественной литературе единичны. Гораздо чаще встречаются статьи по внешней торговле России с други-

© Волков Алексей Михайлович – кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики европейских стран Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. *Адрес:* 117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. *E-mail:* volkov@imemo.ru.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00097 “Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС”) в Институте мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

ми северными странами – Швецией (см., например, [Волков (2015)]) или Финляндией (см., например, [Волков (2016)]). Поэтому стоит подробнее рассмотреть причины этого и состояние отношений за последние годы.

Вообще о Дании у нас пишут мало. Монографий по экономике Дании, изданных в XXI веке, трудно припомнить (за исключением комплексной монографии, изданной Институтом Европы РАН в страновой серии [Северная Европа … (2008)]. Да и статей немного. Причин этого, на мой взгляд, несколько.

Дания занимает первые места по различным индексам благосостояния и благополучия. Малое количество проблем в Дании не привлекает внимания российских исследователей. Например, даже проблемы с миграцией последних лет практически обошли Данию стороной: большая часть мигрантов осталась в Германии, а часть проследовала в соседнюю Швецию.

Дания – малая страна – член ЕС. Новости из ЕС прежде всего интересны российскому читателю из Брюсселя или крупнейших стран – членов, прежде всего Германии. Малые страны Европы в основном следуют в фарватере генеральной линии ЕС и мало чем отличаются друг от друга.

Дания – северная страна. В России более интересны отношения с Финляндией и Швецией, а затем уже с Данией, Норвегией и Исландией.

Наконец, Дания – страна Балтийского региона, наш сосед, хотя и на другом ее конце, по Балтике. Так, представители Уппсальской школы в своих трудах пишут об эффекте соседства, поэтапности коммерческого освоения территории (см., например, [Johanson (1977)]) как важнейших факторах развития экономических отношений. Но для этого необходима информация о коммерческих партнерах, а также работа над имиджем страны. В таком журнале, как “Балтийский регион” (Калининград), было опубликованы результаты исследований [Клемешев (2016)] статей по зарубежным странам за рассматриваемый период, где из 46 статей на Данию приходится лишь одна (как на Бельгию или Испанию). Кроме того, представитель Дании не входит даже в редакционный совет. В книге по Балтийскому региону, изданной в Калининграде [Гутник, Клемешев (2006)], Дания вообще проходит как фоновая страна.

К этому следует добавить относительно небольшой размер даже крупнейших датских фирм с их нишевой специализацией, практическое отсутствие резких колебаний экономической конъюнктуры, собственную добычу нефти (что сокращает наш экспорт) и значительное использование возобновляемых источников энергии (прежде всего ветряных электростанций), что сокращает потребности Дании в энергоносителях.

Внешняя торговля

После мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. объём внешней торговли между Россией и Данией превысил докризисный уровень уже в 2011 г. Однако затем он перестал расти, а с 2013 г. он стал колебаться как в ту, так и в другую сторону.

По данным таможенной статистики России, в 2015 г. объём товарооборота российско-датской торговли составил 2 818,4 млн долл., снизившись на 37,5% по сравнению с показателями 2014 г., при этом российский экспорт в Данию сократился на 33,0%, а российский импорт из Дании – на 45,5% (см. табл. 1), что намного больше по сравнению со многими другими странами ЕС.

Таблица 1. Российско-датская торговля в 2009–2015 гг. (в млн долл.)

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Товарооборот	3168,5	3267,0	3949,3	3884,4	3658,6	4 507,0	2 818,4
Российский экспорт	1795,6	1564,3	1896,0	1841,7	1480,2	2 902,1	1 943,9
Российский импорт	1372,9	1702,7	2053,3	2042,7	2178,4	1 604,9	874,5
Сальдо	422,7	-138,4	-157,3	-201,0	-698,2	1 297,2	1 069,5

Источник: по данным таможенной статистики России и Центрального банка России.

Данные таможенной статистики России свидетельствуют о сохранении в целом структуры российского экспорта в Данию в 2015 году.

Несмотря на значительное сокращение объёма российского экспорта удельный вес основных товарных групп “Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки” и “Чёрные металлы” практически не изменился и составил 78,3% и 12,1% соответственно.

По данным ФТС России, в 2015 году произошли изменения в структуре российского импорта из Дании, связанные с резким сокращением (на 96,3%) объёмов поставок товаров группы “Молочная продукция” (доля в общем объёме импорта сократилась с 5,7 до 0,4%). Также сократился импорт товаров группы “Мясо и пищевые мясные субпродукты” (на 95,2%). Было также отмечено снижение объёмов импорта товаров из Дании в России по всем значимым товарным группам.

Наибольший удельный вес пришёлся на группу “Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства, их части” (24,5%), объём импорта которой сократился на 53,0%. Также сократился импорт товаров групп: “Фармацевтическая продукция” и “Прочие химические продукты”.

Среди крупнейших российских компаний, работающих на датском рынке, следует выделить ОАО “Газпром” (датским партнёром является DONG Energy A/S), ОАО “Новолипецкий металлургический комбинат” (DanSteel A/S), ОАО “Лукойл” (O.W.Bunkers), ОАО “Объединенные тракторные заводы” (Silvatek Skovmaskiner A/S), ОАО “Совкомфлот” (DFDS), ОАО “АЭРОФЛОТ – Российские авиалинии” (SAS).

По данным Управления статистики Дании, в 2015 г. товарооборот с Россией сократился на 13,9% по сравнению с 2014 г., при этом датский импорт увеличился на 24,4%, а датский экспорт сократился на 46,2% (см. табл. 2).

Анализ данных датской статистики товарной номенклатуры свидетельствует об изменении структуры датского импорта из России в 2015 году.

Почти вдвое (на 98,2%) возросли объёмы датского импорта товаров традиционно ведущей группы “Нефть, нефтепродукты и аналогичные материалы” и удельный вес данной группы вырос с 39,3 до 55,6%. Существенно сократились российские поставки товаров групп “Железо и сталь” (на 4,1%) и “Уголь, кокс и брикеты” (на 24,4%). Их удельный вес составил соответственно 16,9% и 5,7%.

За 2015 г. в структуре датского экспорта в Россию также произошли некоторые изменения.

Наибольший удельный вес в датском экспорте в рассматриваемом периоде пришёлся на группу “Промышленное оборудование и детали машин” – 14,5%, при этом сокращение объёма поставок составило 46,3%. Экспорт группы “Химические

Таблица 2. Датско-российская торговля в 2009–2015 гг. (в млн долл.)

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Товарооборот	2433,8	2893,6	4461,9	3308,7	4775,1	2 604,73	2 242,08
Датский экспорт	1546,7	1726,5	2249,4	2021,0	2108,3	1 414,61	761,61
Датский импорт	887,1	1167,1	2212,5	1287,7	2666,8	1 190,12	1 480,47
Сальдо	659,6	559,4	36,9	733,3	-558,6	224,5	-718,9

Источник: по данным Управления статистики Дании.

вещества и продукты” сократился на 11,2%, группы “Оборудование, предназначенное для специальных отраслей производства” – на 37,9%, группы “Медицинская и фармацевтическая продукция” – на 38,9%, и группы “Профессиональные, научные и контрольно-измерительные приборы” – на 5,7%. Удельный вес составил 12,6, 8,8, 8,3 и 6,7% соответственно.

Экспорт товаров группы “Мясо и мясопродукты”, традиционно занимавшей в структуре экспорта ведущие позиции, сократился на 91,0% по сравнению с 2014 годом. Доля данной группы снизилась с 2,7 до 0,4%. На 95,7% снизился экспорт товаров группы “Молочные продукты и яйца птицы”, удельный вес снизился с 5,9 до 0,4%.

Существуют различные причины расхождения данных Управления статистики Дании и Росстата. “Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки” являются той товарной группой, по которой проходит основное расхождение между датскими и российскими статистическими данными. В частности, нефть отгружается из России по контрактам с Нидерландами, где действует нефтяная биржа в Роттердаме. В процессе транспортировки груза идут торги на бирже в Роттердаме, в результате которых российская нефть, изначально направленная по контрактам с компаниями, зарегистрированными в Нидерландах, может быть перепродана датским дилерам и доставлена в конечном итоге в Данию, где таможенные органы фиксируют ее как российскую. Таким образом, российские таможенные органы фиксируют поставки российской нефти в Нидерланды, в то время как датские – ее российское происхождение. Кроме того, российская статистика могла зафиксировать их с задержкой. Во-вторых, существует различие в методиках подсчета таможенными органами Дании и России: датская статистика выделяет в отдельную группу товаров природный газ, а по российской методологии он включен в группу минерального топлива. Датская статистика не учитывает российский газ, идущий транзитом через Данию в Великобританию по газопроводу “Северный поток”. Российские таможенные органы могут учитывать транзитные поставки газа в Великобританию по промежуточному пункту назначения как экспорт в Данию. В-третьих, данные датской статистики публикуются в датских кронах и разница статистических показателей накапливается при пересчете данных, выраженных в датских кронах, в доллары США [По материалам торгпредства ...]. Например, средний курс доллара США к датской кроне согласно Национальному банку Дании в 2014 г. составил 1 USD = 5,62 DKK., в 2015 г. – 1 USD = 6,73 DKK.

Так, по данным датской статистики, в 2015 году российский экспорт нефти и нефтепродуктов в Данию составил 882,2 млн долл., увеличившись на 98,2%, а по данным российской статистики, экспорт, напротив, сократился на 33,8%, составив

1521,9 млн долл. При этом следует отметить, что по итогам 2014 г. расхождение по данной товарной группе между российской и датской статистикой составляло 330,6%, или 1 765,8 млн долл. в денежном выражении.

Датские инвестиции в экономику России

Существует не слишком много работ, где затрагиваются датские инвестиции в Россию (см., например, [Кузнецов (2007)], [Кузнецов (2009)], [Хавронин (2010)] или [Кузнецов, Трофимова (2008)]). Намного больше работ по другим северным странам, в которых непосредственно рассматриваются инвестиции в Россию из Швеции (см., например, [Волков (2005)], [Волков (2006)], [Волков (2008)] или [Волков (2015)]), из Финляндии (см., например, [Бурнаева (2006)], [Бурнаева (2008) или Волков (2016)]) или из Норвегии (см., например, [Юданов, Воронов (2006)]). Однако эти работы в основном написаны довольно давно. Поэтому рассмотрим эти инвестиции по состоянию за последние годы.

По данным Национального банка Дании, накопленные на конец 2013 г. датские инвестиции в Россию составили 25,1 млрд датских крон (4,7 млрд долл.) в различных формах (акции, облигации, прямые инвестиции).

По данным Росстата, на конец 2014 г. накопленные датские прямые инвестиции в РФ составили 970,3 млн долл., на конец 2013 г. – 789,3 млн долл. (см. табл. 3), в том числе 693,5 млн долл. – прямые, 2,2 млн долл. – портфельные, 93,6 млн долл. – прочие инвестиции. В 2013 г. из Дании в экономику России было направлено 63,3 млн долл. прямых инвестиций, портфельных инвестиций – 0,2 млн долл., прочие инвестиции составили 70,9 млн долл. [Центральный банк РФ].

Таблица 3. Динамика инвестиций из Дании в Россию (в млн долл.)

Наименование	2009	2010	2011	2012	2013
Накоплено инвестиций на начало отчетного периода	809,7	773,4	879,1	743,9	841,9
Поступило инвестиций и инвестиционных доходов	227,2	167,6	290,0	364,5	134,4
Изъято (погашено) инвестиций	290,6	124,2	360,0	187,8	181,5
Переоценка, прочие изменения активов и обязательств	-1,2	-3,4	-47,3	-55,5	-5,5
Накоплено на конец отчётного периода	745,1	813,4	761,8	865,1	789,3

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Данные ЦБ РФ по прямым инвестициям на 1 октября 2015 г. показывают, что датских прямых инвестиций в России было накоплено на сумму 517 млн долл., а на 1 июля 2015 г. – вообще 602 млн [Центральный банк РФ], что при этом они сильно отличаются от данных Росстата.

Инвестиции направлялись в основном в обрабатывающие производства (68,7%), оптовую и розничную торговлю (10,1%), сельское хозяйство (8,7%), финансовую деятельность (5,1%), операции с недвижимым имуществом (3,8%).

В настоящее время около 200 датских компаний имеют представительства и отделения в России, примерно 40 из них основали свое собственное производство на

территории России. Отличительной чертой датских инвесторов в России является то, что большая часть датских капиталовложений осуществляется в реальном секторе экономики России и сопровождается внедрением передовых технологий, новых для российского рынка товаров, высокоеффективных производств в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, а также созданием дополнительных рабочих мест в России.

Среди наиболее заметных датских инвестиционных проектов, реализуемых в России в последнее время, можно выделить следующие [По материалам торгпредства ...].

Концерн “Carlsberg” имеет в России десять заводов. По заявлению генерального директора концерна, “Carlsberg” зарабатывает в России большие деньги, и Россия является невероятно важным для компании рынком. Однако бизнес “Carlsberg” сильно зависит от состояния российского рынка пива. В конце 2014 г. в связи с сокращением продаж пива “Carlsberg” решил временно прекратить производство на пивоваренных заводах в Челябинске и Красноярске. Общие производственные мощности сократились на 13% с 50,5 до 44 млн. гектолитров пива. Деятельность пивоваренного завода “Балтика” в Санкт-Петербурге (крупнейшее предприятие “Carlsberg” в России) стала менее конкурентоспособной из-за высоких транспортных расходов. В конце 2015 г. концерн “Carlsberg” сократил 2 тыс. рабочих мест в России, поскольку, по словам главы компании, продажи на российском рынке в 2015 г. снизились на 18% по сравнению с 2014 г.

В апреле 2015 г. в Калужской области начал работать высокотехнологичный завод по производству инсулина датской фармацевтической компании “Novo Nordisk A/S”. Объем инвестиций составил 100 млн долл., создано свыше 225 рабочих мест. Кроме России, у фирмы есть производственные предприятия в Дании, Бразилии, Китае, Франции и США.

В 2014 г. вышел на проектную мощность сельскохозяйственный комплекс в Псковской области датской компании “Idavang A/S”. Проект предусматривает развитие растениеводства для создания собственной кормовой базы и возведение свиноводческого комплекса на 99 тыс. свиней в год. Общий объем инвестиций – более 60 млн долл., создано 150 рабочих мест. Производство мяса в 2014 г. составило свыше 12 тыс. т. В 2013 г. компания собрала более 24 тыс. т зерновых с площади 6,7 тыс. га. “Idavang A/S” и “Axzon” являются крупнейшими созданными датчанами в России сельскохозяйственными предприятиями.

В феврале 2014 г. был открыт сыродельный завод в Воронежской области компанией “Молвест” совместно с датским молочным концерном “Arla Foods A/S”. Общие инвестиции сторон в данный проект составили 17 млн долл. Производственная мощность предприятия позволяет принимать 200 т сырья ежедневно с выпуском 20 т сыра.

В марте 2014 г. во Владивостоке был открыт первый в России частный медицинский центр датской компании “Falck A/S”, где создано 125 рабочих мест. Общая стоимость проекта составила около 15 млн евро. В центре осуществляется оказание полного спектра медицинских услуг, включая профилактику, диагностику заболеваний, возможность проведения сложных хирургических операций, послеоперационной реабилитации. Планируется, что всего в России будет создано около 20 подобных центров.

В Псковской области был построен завод по производству современного мультиплевного котельного оборудования – совместный проект российской группы компаний “ТЭТРА Электрик” и датской компании “DanskEnergyTechnologyAps”. Общая стоимость проекта составляет 5,64 млн долл. Предприятие производит энер-

гоэффективное оборудование для тепловых пунктов в России с перспективой выхода на рынок СНГ и ЕС. Завод начал работать в конце 2014 г., а в 2016 г. выйдет на полную мощность производства – 256 котлов.

В октябре 2013 г. было подписано соглашение между “Danfoss A/S” и правительством Нижегородской области о строительстве завода по производству энергосберегающего оборудования компании “Danfoss A/S”, сумма инвестиций составит 18 млн евро. В апреле 2015 г. на базе Казанского государственного энергетического университета открылся научно-технический и консультационный центр “Danfoss A/S”.

Датская компания “Rockwool A/S”, производящая теплоизоляционные материалы из каменной ваты, имеет четыре завода в России. В 2013 г. она заявила о планах инвестировать 9 млн евро в развитие завода в г. Выборге. Средства направлены на приобретение оборудования и расширения производственных мощностей. Кроме того, компания ведёт переговоры с несколькими регионами по вопросу строительства пятого завода в России. В Татарстане эта фирма будет развивать производство каменной ваты.

В 2015 г. вышел на проектную мощность завод по промышленному производству лосося и форели. Объём производства составит около 15 тыс. т рыбы в год. Контракт был заключён между Агентством по рыболовству Калининградской области, ООО “Балтийский лосось” и датскими инвесторами.

В 2009 г. датская группа “H+H International A/S” открыла завод по производству пористого бетона в Ленинградской области. Объём инвестиций составил 50 млн евро. По итогам 2015 г. российское подразделение этой датской группы сохранило свои лидерские позиции на рынке газобетона Северо-Запада и реализовало 325 тыс. куб. м, что на 15% ниже предыдущего года. Доля “H+H International A/S” на региональном рынке газобетона составила 30%.

1 декабря 2015 г. в Ульяновской области был открыт лакокрасочный завод датской компании “Hempel”, который даст более 100 рабочих мест. Объём инвестиций в проект – 25 млн евро, производство – 16 млн л краски в год.

Датская компания “Dinex” работает в России с 2004 г. через дочернюю компанию “Динекс Русь”. В августе 2014 г. в Ленинградской области было扑щено в эксплуатацию собственное производство мощностью 150 тыс. единиц выхлопных систем в год. В 2015 г. компания “Dinex”, производитель глушителей и воздушных фильтров, объявила о закрытии производственного предприятия в Дании по причине высоких издержек. В стране останутся штаб-квартира и конструкторский отдел. Все производство будет осуществляться на заводах в США, Китае, Латвии, Турции и России.

Датская компания “Skamol A/S” осуществляет производство уникальных теплоизоляционных материалов из диатомита в г. Инза Ульяновской области и планирует открыть ещё два завода.

Датский производитель мансардных окон “Velux” имеет завод, открытый в 2009 г. в Ульяновской области.

Среди датских портфельных инвестиций в России наибольший удельный вес российских акций приходится на акции российских энергетических и добывающих компаний.

Российские инвестиции в экономику Дании

По данным Росстата, на конец 2013 г. накопленные российские инвестиции составили 559,3 млн долл. (см. табл. 4), в том числе 514,9 млн долл. – прямые и 44,4 млн долл. – прочие инвестиции. За 2013 г. из России в Данию поступило инвестиций на сумму 1,08 млрд долл., погашено инвестиций на 1,01 млрд долл. Значитель-

ная часть этих средств пришлась на внутренние расчеты компании “Carlsberg” с принадлежащим ей российским предприятием “Балтика”.

Таблица 4. Динамика инвестиций из России в Данию (в млн долл.)

Наименование	2009	2010	2011	2012	2013
Накоплено инвестиций на начало отчетного периода	50,7	117,8	97,9	331,6	481,2
Поступило инвестиций и инвестиционных доходов	153,3	165,8	510,7	414,7	1084,6
Изъято (погашено) инвестиций	90,0	176,9	262,3	296,1	1009,6
Переоценка, прочие изменения активов и обязательств	1,8	0,9	0,4	0,9	3,1
Накоплено на конец отчёточного периода	115,9	107,5	346,7	451,1	559,3

Источник: составлено на основе данных Росстата.

По данным ЦБ РФ на 1 июля 2015 г. было 1,2 млрд долл. накопленных прямых инвестиций из России в Данию, потом затем эта цифра резко сократилась [Центральный банк РФ].

На территории Дании действуют три крупных предприятия с российским капиталом: “NLMK DanSteel”, “Silvatec Skovmaskiner A/S” и “Affitech A/S”.

Наиболее ярким событием взаимного инвестиционного сотрудничества за последние десятилетия было приобретение в 2002 г. Новолипецким металлургическим комбинатом (ОАО “НЛМК”) обанкротившегося металлургического предприятия “NLMK DanSteel”, на котором было возобновлено сталепрокатное производство в Дании на базе поставок российских стальных полуфабрикатов. В 2012 г. компания инвестировала более 100 млн. евро в модернизацию предприятия – установку нового прокатного стана, призванного позволить не только расширить ассортимент выпускаемой продукции, но и обслуживать интересы большого количества отраслей промышленности, включая такие перспективные рынки как строительство оффшорных нефтегазовых платформ и сооружение оффшорных ветроэнергетических установок. Торжественная церемония открытия нового прокатного стана состоялась в апреле 2013 г. в рамках X сессии российско-датского межправительственного совета.

Российское ОАО “Агромашхолдинг” купило в 2006 г. у датского концерна “Dalgas group A/S” 80% акций его дочерней компании “Silvatec Skovmaskiner A/S” – производителя машин и оборудования для лесозаготовок. Объем сделки составил 13,6 млн долл. В апреле 2008 г. ОАО “Агромашхолдинг” (входит в концерн “Тракторные заводы”) приобрело оставшиеся 20% акций “Silvatec Skovmaskiner A/S”, после чего она стала полностью принадлежать ОАО “Агромашхолдинг”. Согласно договоренностям, в России на Онежском тракторном заводе налажено производство форвардеров – перевозчиков лесозаготовок, а также создаются центры по ремонту этих транспортеров и бывших в употреблении харвестеров – машин для рубки стволов, очистки их от коры и сучьев и распиления на сортименты. В 2014 г. компания испытывала определенные трудности в связи с политико-экономической ситуацией. В частности, датские партнеры были вынуждены предоставлять дополнительную документацию вследствие того, что “Тракторные заводы” имеют отно-

шение к Внешэкономбанку, находящемуся в “санкционном списке”. В связи с этим у “Silvatec Skovmaskiner A/S” появился дополнительный риск отказов банков в предоставлении кредитов. Кроме того, компания ожидает сокращение продаж на российском рынке из-за падения курса рубля.

В апреле 2010 г. “Affitech A/S” и компания “НаукТехСтрой Плюс” вступили в стратегический альянс по тестированию и коммерциализации двух противораковых лекарственных средств. Достигнутое соглашение предусматривало выделение компаний “Affitech A/S” инвестиций в размере 170 млн датских крон (31 млн долл.), а также получение ею роялти от продажи этих лекарственных средств. Взамен российский инвестор получил 53,5% акций норвежско-датской фирмы. Инвестиции со стороны российской компании позволили биотехнологической фирме “Affitech A/S” продолжить работу над созданием противораковых лекарственных препаратов, которые предполагается производить на территории России. “Affitech A/S” может стать первой западноевропейской биотехнологической компанией, которая внесет весомый вклад в модернизацию фармацевтической промышленности России. В июне 2011 г. “НаукТехСтрой Плюс” и “Affitech A/S” внесли изменения в соглашение. В соответствии с изменениями права и обязательства переходят от компании “НаукТехСтрой Плюс” к новой российской биотехнологической компании “Международный биотехнологический центр Джинериум” (“IBC Generium”), владельцами которой являются российские предприниматели. В июне 2011 г. “IBC Generium” получила лицензию на использование антираковой разработки AT001/r84. Предоставление лицензии дало возможность российской компании использовать эксклюзивное право на разработку и сбыт препарата на российском рынке и в странах СНГ. “Affitech A/S” сохранил за собой право на продажу продукта в других странах.

В целом активность российских инвесторов пока остается на низком уровне, что обусловлено, в частности, политикой Дании в области налогообложения и высоким уровнем заработной платы.

Влияние санкций на взаимные отношения

В 2015 г. датский экспорт в Россию снизился на 46,2% по сравнению с 2014 г. и на 60,3% по сравнению с 2013 г.

Согласно данным Управления статистики Дании, за 2013 г. из Дании в Россию было поставлено сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, ввоз которых в Россию был запрещен с 7 августа 2014 г., на общую сумму 500,8 млн долл. За 2014 г. было поставлено этой продукции на сумму 194,0 млн долл. Сокращение составило 61,3%. За 2015 г. было поставлено продукции на сумму 57,2 млн долл., что на 70,5% меньше по сравнению с 2014 г. и на 88,6% меньше, чем в 2013 г.

Если в 2013 г. доля поставок сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в общем объёме экспорта составила 26,1%, то в 2014 г. их доля сократилась до 13,7%, а в 2015 г. – до 7,5%.

По данным российской таможенной статистики, экспорт в Россию с Фарерских островов в 2015 г. вырос на 60,3% до 277,2 млн долл. по сравнению с 2014 г. и на 147,8% по сравнению с 2013 г., а экспорт Гренландии в 2015 г. вырос на 136,2% до 58,8 млн долл. и в 41 раз по сравнению с 2013 г. Почти все поставки – рыбы и морепродукты.

Около 340 датских молочных ферм, т.е. 10% хозяйств, находятся на грани банкротства. Причиной этому являются рекордно низкие цены на молоко: в начале 2016 г. цена за литр молока упала на 1 крону по сравнению с предыдущим годом и составила 2,11 датской кроны. Падение стоимости молока было обусловлено введённым

Россией запретом на поставку продовольствия из ЕС, отменой квот внутри ЕС, а также сокращением импорта молочных продуктов Китаем.

В результате российских антисанкционных мер импорт свинины в Россию в 2014 г. сократился на 55%. Сокращение продолжилось и в 2015 г. Из-за российского эмбарго потери только свиноводов в 2014 г. составили около 4 млрд крон (712 млн долл.). Это было вызвано резким сокращением экспорта (в 2013 г. Дания поставляла в Россию 145 тыс. т свинины) и последовавшим снижением закупочных цен на 20% в результате перепроизводства. На этом фоне отлично идут дела у датской фирмы “Idavang A/S”, создавшей крупный свинокомплекс в России в 2008 г. благодаря кредиту Всемирного банка.

В начале 2016 г. авиакомпания SAS решила прекратить полёты на линии Копенгаген – Москва. Причины – продолжающийся экономический кризис в России, а также резкое сокращение спроса на международные перевозки из страны. При этом “Аэрофлот” ежедневно осуществляет два рейса. Однако SAS сохранит прямые перелеты Копенгаген – Санкт-Петербург.

По имеющимся данным, датские бизнесмены не собираются уходить с ёмкого и перспективного российского рынка из-за политических проблем.

Таким образом, внешняя торговля, развивавшаяся довольно неоднозначно, в последние два года сократилась, особенно импорт. В то же время датские инвестиции в российскую экономику в целом увеличивались. Однако объём российских инвестиций в Данию заметно меньше. Неустойчивый курс рубля и “война санкций” 2014–2016 гг. заметно сказались на двусторонних связях.

Список литературы

- Бурнаева Е.М. (2006) Финляндия. Европейские прямые инвестиции в России: коллективная монография. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 155–162.
- Бурнаева Е.М. (2008) Финляндия. ЕС и Россия: от прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству: коллективная монография. М.: “Наука”, 2008. С. 240–260.
- Волков А.М. (2005) Швеция: инвестиционная модель в действии // *Современная Европа*, 2005, № 3. С. 54–62.
- Волков А.М. (2006) Швеция. Европейские прямые инвестиции в России: коллективная монография. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 146–154.
- Волков А.М. (2008) Швеция. ЕС и Россия: от прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству: коллективная монография. М.: “Наука”, 2008. С. 223–239.
- Волков А.М. (2015) Экономические отношения России со Швецией // *Международная экономика*, 2015, № 3. С. 46–52.
- Волков А.М. (2016) Экономические отношения России с Финляндией на современном этапе // *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 2016, № 5. С. 165–181.
- Гутник В.П., Клемешев А.П. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского Союза. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2006.
- Клемешев А.П. Актуальные направления комплексных исследований региона Балтийского моря (по материалам публикаций в журнале “Балтийский регион”) // *Балтийский регион*, 2016, № 3. С. 7–14.
- Кузнецов А.В. (2007) Некоторые особенности датских инвестиций // *Эксперт*, 2007, № 11.
- Кузнецов А.В., Трофимова О.Е. (2008) Прочие страны ЕС. ЕС и Россия: от прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству: коллективная монография. М.: “Наука”, 2008. С. 290–328.
- Кузнецов А.В. (2009) Капиталовложения из ЕС в России: значимые перемены // *Современная Европа*, 2009, № 3. С. 58–72.
- По материалам топрпредства России в Дании (<http://www.rustrade.dk>).
- Российский статистический ежегодник // Росстат. – Публикации за ряд лет (<http://www.gks.ru>).
- Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь мир, 2008.
- Федеральная таможенная служба России (<http://www.customs.ru>).
- Хавронин С.Б. (2010) Инвестиции из Северной Европы в Россию: традиции и перспективы // *Вестник федерального бюджетного учреждения “Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации”*, 2010, № 3. С. 33–39.
- Центральный банк РФ. Экспорт и импорт товаров. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию из-за рубежа в разбивке по странам-инвесторам (<http://www.cbr.ru>).
- Юданов Ю.И., Воронов К.В. (2006) Норвегия. Европейские прямые инвестиции в России: коллективная монография. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 176–193.

References

- Burnaeva E.M. (2006) Finlyandiya. Evropeiskie pryamie investitsii v Rossii: kollektivnaya monografiya. M.: IMEMO RAN, 2006. S. 155–162.
- Burnaeva E.M. (2008) Finlyandiya. ES i Rossiya: ot pryamikh kapitalovlozheniy k investitsionnomu sotrudnichestvu: kollektivnaya monografiya. M.: "Nauka", 2008. S. 240–260.
- Danmarks Statistik (<http://www.dst.dk>)
- Federalnaya tamozhennaya sluzhba Rossii (<http://www.customs.ru>).
- Gutnik V.P., Klemeshev A.P. (2006) Baltijskij region kak poljus ekonomiceskoy integratsii Severo-Zapada Rossijskoj Federatsii i Evropejskogo Sojuza. Kaliningrad: Izdatelstvo RGU im. I. Kanta, 2006.
- Johanson J. (1977) The Internationalization Process of the Firm: A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments: Journal of International Business Studies 8. February 1977, 23–32.
- Khavronin S.B. (2010) Investitsii iz Severnoy Evropi v Rossiyu: traditsii I perspektivi // Vestnik federalnogo byudzhetnogo uchrezhdeniya "Gosudarstvennaya registratsionnaya palata pri Ministerstve yustitsii Rossijskoy Federatsii", 2010, № 3. S. 33–39.
- Klemeshev A.P. (2016) Aktualnie napravlenija kompleksnih issledovanij regiona Baltijskogo morja (po materialam publikatsij v zhurnale "Baltijskij region") // Baltijskij region, 2016, № 3. S. 7–14.
- Kuznetsov A.V. (2007) Nekotorye osobennosti datskih investitsiy // Ekspert, 2007, № 11.
- Kuznetsov A.V., Trofimova O.E. (2008) Prochие strany ES. ES i Rossiya: ot pryamikh kapitalovlozheniy k investitsionnomu sotrudnichestvu: kollektivnaya monografiya. M.: "Nauka", 2008. S. 290–328.
- Kuznetsov A.V. (2009) Kapitalovlozheniya iz ES v Rossii: znachimie peremeny // Sovremennaya Evropa, 2009, № 3. S. 58–72.
- Po materialam torgpredstva Rossii v Danii (<http://www.rustrade.dk>).
- Rossijskiy statisticheskiy ezhegodnik // Rosstat. – Publikatsii za rjad let (<http://www.gks.ru>).
- Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya. M.: Ves mir, 2008.
- Tsentralnyi bank RF. Eksport i import tovarov. Prjamyie investitsii v Rossijskuyu Federatsiyu iz-za rubezha v razbivke po stranam-investoram (<http://www.cbr.ru>).
- Volkov A.M. (2005) Shvetsiya: investitsionnaya model v deystvii // Sovremennaya Evropa, 2005, № 3. S. 54–62.
- Volkov A.M. (2006) Shvetsiya. Evropeiskie pryamie investitsii v Rossii: kollektivnaya monografiya. M.: IMEMO RAN, 2006. S. 146–154.
- Volkov A.M. (2008) Shvetsiya. ES i Rossiya: ot pryamikh kapitalovlozheniy k investitsionnomu sotrudnichestvu: kollektivnaya monografiya. M.: "Nauka", 2008. S. 223–239.
- Volkov A.M. (2015) Ekonomicheskie otnosheniya Rossii so Shvetsiei // Mezhdunarodnaya ekonomika, 2015, № 3. S. 46–52.
- Volkov A.M. (2016) Ekonomicheskie otnosheniya Rossii s Finlyandiey na sovremenном etape// Vestnik Instituta Ekonomiki Rossijskoy akademii nauk, 2016, № 5. S. 165–181.
- Yudanov Yu.I., Voronov K.V. Norvegiya. Evropeiskie pryamie investitsii v Rossii: kollektivnaya monografiya. M.: IMEMO RAN, 2006. S. 176–193.

Economic Relations between Russia and Denmark nowadays

Author: Volkov A., Candidate of Science in Economics, Head of the Section of Economics of European Countries in the Centre of European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, RAS. **Address:** 23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** volkov@imemo.ru

Abstract. The article is dedicated to economic relations between Russia and Denmark during the last years. Relations between Russia and Denmark can be treated as part of economic relations between Russia and the European Union. Changes in relations between Russia and the European Union has had a direct impact on relations between Russia and Denmark. The article analyzes foreign trade and foreign direct investments between the two countries and the impact of the worsening of their economic and political relations. The article shows the changes in the structure of exports and imports of Russia with Denmark. The Danish investments in Russian economy increased as a whole. Around 200 Danish companies have their representation offices in Russia. Attention is drawn to a fact that the major part of Danish investments are made in the real sector of the Russian economy. There are examples of the most significant Danish investments in Russia. Volatility of rouble and "the war of sanctions" have influenced relations between the two countries. The research explores differences in statistical sources. If nothing else is noted, the materials of the Trade Representation of Russia in Denmark and Danish mass media in this article are used.

Key words: Russia, Denmark, foreign trade, export, import, foreign investments, sanctions.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 327:94:27

Алессандро САЛАКОНЕ

ИТАЛИЯ — “МОСТ” МЕЖДУ БЛОКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. “Оттепель”, начавшаяся в конце пятидесятых годов, послужила для итальянского правящего класса стимулом для подключения Италии к процессам разрядки международной напряжённости на новом этапе посредством “политики присутствия” в основных вопросах того времени. Предприняв попытку способствовать диалогу между блоками во время Берлинского кризиса и остановить эскалацию военного конфликта во время кризиса на Кубе, в середине шестидесятых годов правительство Рима провело три амбициозные посреднические операции, призванные способствовать окончанию войны во Вьетнаме. Попытки осуществить посредничество оказались безрезультатными, но явились свидетельством нового курса итальянской внешней политики (главным проводником которого был Амиторе Фанфани), направленного на то, чтобы верность Североатлантическому договору совместить с активными инициативами на благо мира и диалога между Востоком и Западом.

Ключевые слова: Италия, СССР, Вьетнам, Фанфани, Ла Пира, международная безопасность, холодная война.

Влияние разрядки на внешнюю политику Италии

Начавшаяся в середине пятидесятых годов “разрядка” ознаменовала собой новый этап в международных отношениях, изменений политики Советского Союза в отношении блока западных стран [Zubok, 2007: 94]. В системе связей Москвы с многочисленными странами улучшились и укрепились её отношения с Италией. Они уже не ограничиваясь традиционными каналами контактов между двумя странами через Коммунистическую партию Италии [Bagnato, 2002; Хормач, 2005].

Представители тогдашнего правящего класса Италии, принадлежавшие к Христианско-демократической партии, восприняли мирное сосуществование как возможность сделать Италию полноправной участницей разрядки международной напряжённости [Салаконе, 2015]. Намерение стать мостом между блоками предполагало одобрения Кремля, что требовало улучшения отношений с Москвой. Постепенно Италия и СССР расширяли отношения во всех сферах, начиная с экономической, имевшей первостепенное значение для укрепления политических связей. Не-

© Салаконе Алессандро – научный сотрудник Università degli Studi di Napoli – L’Orientale, сотрудник Института всеобщей истории РАН. **Адрес:** Москва, Ленинский проспект, д. 32 А, 119334. **E-mail:** asalac@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–02677).

смотря на асимметричность отношений между советской державой и Италией¹, итальянским правительствам удалось обеспечить себе такую геополитическую роль, которая содействовала разрядке международной напряжённости и превратила Италию в далеко не второстепенного участника отношений между Востоком и Западом [L’Italia vista dal Cremlino, 2015: 10–11].

Такие важные события того времени, как Берлинский кризис, Карибский кризис и война во Вьетнаме, в которых Италия, даже сохранив неизменными основные направления своей внешней политики, в то же время не отказывалась от попыток сыграть свою посредническую роль в отношениях между Востоком и Западом, продемонстрировали желание Рима присутствовать в решающих международных процессах, проводить “политику присутствия”.

Одним из главнейших проводников этой политики стал Аминторе Фанфани, усмотревший в мирном сосуществовании благоприятную возможность для всех, в том числе для Италии. Он был убежденным сторонником того, чтобы Италия строила экономические, культурные и политические мосты, которые послужили бы каналами связи между блоками [Roccucci, 2015: 38], и ему это в известной степени удалось.

Попробуем реконструировать обстоятельства предпринятой в середине шестидесятых годов попытки итальянских политиков повлиять на разрешение вьетнамского конфликта, для чего они, осуществляя дипломатические усилия, проводили амбициозные посреднические миссии. Хотя эти действия и не привели к желаемым результатам, они тем не менее продемонстрировали твёрдое намерение итальянской стороны активно содействовать разрядке международной напряжённости.

Влияние вьетнамского вопроса на итальянскую политику

С середины шестидесятых годов вьетнамский вопрос был для итальянской внешней политики во многих отношениях “пробным камнем” [Ferraris, 1996: 190–196; Sica, 1991; Nuti, 2003: 259–278; Imperato, 2011: 106–120]. Даже не принимая участия в военных действиях, Италия долго сражалась во вьетнамской войне на внутреннем фронте. В итоге события на азиатском Юго-Востоке повлияли на её политическую жизнь, вызвав к жизни широкий фронт миролюбивых сил, охватывавший все слои итальянского общества. Война во Вьетнаме привела к созданию общего фронта сторонников мира, состоявшего из коммунистов, социалистов, католиков и национал-пацифистов различного культурного происхождения [Romano, 2002: 146–147]. Итальянскому правительству пришлось маневрировать на стыках внешней и внутренней политики, вырабатывая такую позицию, при которой лояльность Соединённым Штатам сочеталась бы с критикой их медлительности в разрешении конфликта и с желанием исполнять посредническую миссию. Делая свой выбор, итальянское правительство должно было учитывать как минимум два фактора: отношение к войне Святого Престола и Итальянской коммунистической партии [Ferraris, 1996: 191].

Святой Престол пробовал проводить беспристрастную посредническую миссию среди участников конфликта, мобилизуя католическую общественность Италии и побуждая её политиков предпринимать дипломатические усилия. Папа Павел VI не

¹ Игра, которую вели между собой Москва и Рим, по своей стратегической значимости была несопоставима с теми гораздо более значительными и весомыми отношениями в главнейших сферах, которые существовали между США и СССР.

был склонен безусловно поддерживать позиции Запада по Вьетнаму, в том числе и потому, что в этой азиатской стране существовала одна из самых многочисленных католических общин в Азии [Mugnaini, 2006: 403]. В этих условиях ватиканские дипломаты предприняли ряд самостоятельных инициатив, в том числе получившее большой резонанс, состоявшееся в октябре 1965 года посещение Павлом VI Организации Объединённых Наций. Цель этого визита состояла в том, чтобы сблизить позиции сторон посредством примах контактов с генеральным секретарём У Таном,, обсудить с ним проблемы Католической Церкви Вьетнама. В ООН Павел VI заявил о новой позиции, которую предполагала занять в международных отношениях Католическая Церковь. Теперь она уже не была стиснута между Востоком и Западом вплоть до почти полного отождествления с последним, но свободно посвящала себя вопросам мира и справедливости, находясь между Севером и Югом. Одним словом, Святой Престол заявлял о себе как о стоящем над блоками субъекте международных отношений и всеми средствами стремился к заключению мирного договора [Riccardi, 1992: 275].

Что касается Итальянской коммунистической партии, то в её внутрипартийных дискуссиях вьетнамский вопрос был первостепенным. Осознавая опасности, которыми была чревата эскалация конфликта, итальянские коммунисты учитывали и то, что индокитайские события могли усилить разногласия между Москвой и Пекином. Кроме того, было очевидно, что итальянские правящие партии занимали иногда диаметрально противоположные позиции, и что вьетнамский вопрос мог бы привести к ослаблению большинства. В связи с этим Итальянская коммунистическая партия решила сделать тему вьетнамской войны поводом для массовой мобилизации, пытаясь сплотить левые силы так, как это произошло во время народных выступлений, организованных в связи с присоединением Италии к Североатлантическому договору или войной в Корее.

Первая попытка посредничества – “операция Ла Пира”

Вьетнамский вопрос обсуждался в итальянском парламенте неоднократно, что свидетельствовало о важности, которую эта тема приобрела и для внутренней политики страны. Участие правительства и особенно министра иностранных дел Фанфани активизировалось в 1965 г. в связи с дальнейшей эскалацией войны. Уже в марте министр сообщил американскому послу в Риме Рейнхарду, что Италия озабочена осложнением положения во Вьетнаме и что в Рим был вызван посол во Вьетнаме Джованни Д’Орланди, чтобы доложить о развитии событий. Именно тогда на основе полученной от посла информации Фанфани попросил польское правительство попытаться выступить посредником в переговорах с Ханоем [Giunipero, 2012: 9-ss].

В ноябре 1965 г. Рим предпринял первую попытку выступить посредником в разрешении конфликта. Вдохновителем этой акции был всё тот же Фанфани, а исполнителем – бывший мэр Флоренции Джорджо Ла Пира, решительный сторонник активного возвращения Италии на международную арену. Эта операция проводилась при посредничестве Итальянской коммунистической партии и при поддержке Святого Престола. Ла Пира, контакты которого с представителями Вьетнама завязались ещё в пятидесятых годах, отправился в Ханой. По пути он сделал длительную десятидневную остановку в Польше, где, по всей видимости, обсудил детали операции с польским министром иностранных дел Рапацким. После этого он про-

был три дня в Москве и два дня – в Пекине¹. Приехав в Ханой, 11 ноября Ла Пира встретился с президентом республики Северный Вьетнам Хо Ши Мином и премьер-министром Ван Донгом, выразившими свою готовность вести переговоры и разрешившими сообщить об этом Соединённым Штатам. Фанфани сообщил об этом президенту США Л. Джонсону в письме, датированном 20 ноября. В нём он писал, что высшие руководители Ханоя выразили “глубокое желание найти мирное решение конфликта” на двух условиях: чтобы на всей территории Вьетнама было объявлено о прекращении боевых действий на суше, на море и в воздухе, и чтобы основой для переговоров стали Женевские соглашения 1954 года, подтверждённые четырьмя пунктами, выдвинутыми Ханоем². В этом письме Фанфани добавлял, что власти Ханоя согласны начать переговоры и без предварительного требования фактического вывода американских войск, и что Хо Ши Мин готов для этого “приехать куда угодно и встретиться с кем угодно”³.

Казалась, что дипломатическая миссия уже принесла свои первые положительные результаты, однако, реакция американской стороны оказалась уклончивой. Государственный секретарь США Раск сообщил Фанфани, что некоторые из предложенных Хо Ши Мином условий были для Соединённых Штатов неприемлемы. В частности, Раск имел в виду те четыре пункта, которые были выдвинуты Ханоем. По мнению Вашингтона, они неправильно толковали суть Женевских соглашений 1954 г.. “Ханой явно настаивает на предварительном заявлении о признании четырёх пунктов, – писал Раск, – что, по всей видимости, противоречит соглашениям, и, кроме того, считает это главным условием для переговоров”⁴. Государственный секретарь заявил, что заявления Хо Ши Мина в реальности не свидетельствовали о подлинном желании начать переговоры без условий. Вашингтон, однако, был заинтересован в дальнейшем зондировании и выражал свою готовность организовать встречу между американскими и итальянскими представителями.

О содержании американского ответа Фанфани сообщил в Ханой⁵. Однако окончательно попытка осуществить посредничество провалилась 17 декабря, когда государственный департамент, после утечки информации, обнародовал сведения об операции и опубликовал переписку между Фанфани, Джонсоном и Раском. Немедленно последовавшая реакция северо-вьетнамских властей заключалась в опровер-

¹ Это явствует из хроники поездки Ла Пира, подготовленной им для журнала “Эспрессо” (номер от 28 ноября 1965 года). См.: *L. Jannuzzi. Me l'ha detto Ho Ci Min. La Pira ci ha raccontato il suo viaggio a Pechino ed a Hanoi.* В: “Espresso”, 28/11/1965.

² Четырьмя пунктами, выдвинутыми Ханоем, были следующие: признание основополагающих национальных прав вьетнамского народа на мир, независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность; до воссоединения Вьетнама, уважать и пунктуально исполнять положения военных статей Женевских соглашений 1954 года; внутренние дела Южного Вьетнама должен решать сам народ Южного Вьетнама, без какого-либо иностранного вмешательства; вопрос о мирном воссоединении Вьетнама должен решать населяющий обе зоны вьетнамский народ также без какого-либо иностранного вмешательства.

³ См. текст письма министра Фанфани президенту Джонсону (из Нью-Йорка, от 20 ноября 1965 года) в Центральном государственном архиве Италии (далее: ЦГАИ). Письма Моро. П. 43. Д. 232.

⁴ См. текст ответа государственного секретаря Раска министру Фанфани. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 232.

⁵ См. личное и конфиденциальное письмо председателя Генеральной Ассамблеи ООН Фанфани президенту Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мину (из Нью-Йорка, от 6 декабря 1965 г.). В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 35. Д. 4.3.

жении самого факта того, что Ханой зондировал возможности проведения переговоров¹. “Правительство Демократической Республики Вьетнам, – говорилось в заявлении вьетнамских властей, – считает своевременным уточнить, что оно никогда и никого не просило передавать американским властям какие-либо сообщения”².

События приобрели широкий резонанс в итальянской печати, что привело к обострению критики. Кроме того, к неудачному исходу операции добавилась полемика, вызванная интервью, которое Ла Пира дал еженедельнику “Боргезе”³. Оно произвело политическую бурю и привело к отставке Фанфани с его министерского поста⁴. По мнению критиков Фанфани, это дело подтвердило склонность тосканского лидера использовать международные вопросы для укрепления своего собственного положения в правительстве [Varsori, 2005: 223] и о двуличии в отношении союзников по Североатлантическому договору. Свои действия Фанфани защищал на заседании комиссии комиссии по иностранным делам, состоявшемся 5 января, а позже, 14 января, доложил о них парламенту, сообщив многие подробности операции [Ginunipero, 2012: 45-ss]⁵. Его доклад поддержал председатель совета министров Альдо Моро, сообщившего депутатам, что в правительстве нет никаких разногласий по вопросам внешней политики, и что оно не намерено порываться со своими союзниками по западному блоку. Моро говорил об имеющемся у Рима понимании позиции США, но выразил надежду, что политика Вашингтона во Вьетнаме станет более сдержанной:

“Понимание означает естественное уважение и должное внимание к самому значительному из наших союзников и друзей, к чистосердечной и великодушной поддержке которого Италия имела возможность прибегать в самые трудные моменты своей истории, особенно после второй мировой войны [...].”⁶

Если, как установил Хершберг, к миротворческой миссии Фанфани Вашингтон отнёсся скептически [Hershberg, 2012: 16–20], то Москва внимательно следила за действиями итальянского правительства. Интерес ещё более возрос, когда на заявление, которое Верховный Совет СССР разослал всем правительствам мира 9 декабря⁷, итальянское правительство ответило формулировкой, которая, хотя и под-

¹ См. заметку об опровержениях и уточнениях северовьетнамцев. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 232.

² См. письмо чрезвычайного и полномочного посла Демократической Республики Вьетнам в Польше, До Пхат Куанга, послу Италии в Варшаве, Энрико Айо, от 18 декабря 1965 года. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 35. Д. 4.3.

³ См.: *La Pira parla in libertà*, интервью, данное Ла Пира Джанне Преда для еженедельника “Боргезе” от 30 декабря 1965 г. В нём Ла Пира обвинил американцев, предсказал скорое падение правительства Моро, назвал Фанфани “итальянским Де Голлем”, способным возглавлять правительства любой окраски и умеющим опираться и на правых, и на коммунистов.

⁴ См. письмо Фанфани, адресованное Моро, от 28 декабря 1965 года. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 232. В тот день Моро отказался принять отставку, но через день, по настоянию Фанфани, был вынужден её принять. См. телеграмму от 29 декабря 1965 г., направленную Альдо Моро Амиторе Фанфани. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 232.

⁵ Во время заседания Фанфани, в числе прочего, заявил о необходимости лишить коммунистов монополии на тему мира.

⁶ См. Парламентский архив палаты депутатов (далее: ПАПД). IV созыв, обсуждения, заседание от 14 января 1966 г.. С. 20151.

⁷ См. заявление Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик об агрессии США во Вьетнам. Москва, Кремль, 9 декабря 1965 г. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 205. С. 182–184.

твёрждая поддержку Соединённых Штатов, признавала справедливость требований Северного Вьетнама¹.

Позицию Кремля и те ожидания, которые по вопросу мирного разрешения вьетнамского конфликта имелись у Москвы в отношении Италии, выразил Суслов, заявив президенту Итальянской Республики Карагату во время беседы, состоявшейся в Квиринальском дворце 1 февраля 1966 г., что в условиях эскалации вьетнамского конфликта Кремль убеждён в неизбежной опасности новой большой войны. В таких условиях Москва призывала Италию содействовать предотвращению дальнейшего расширения существующего конфликта².

О Вьетнаме много говорили и в ходе первого визита министра иностранных дел Громыко в Италию, состоявшегося в апреле 1966 г., после формирования третьего правительства Моро. Визит Громыко послужил поводом для углубления сложного диалога между Востоком и Западом, начиная от вьетнамской проблемы и вопроса о разоружении³. Кремль надеялся, что внешняя политика Италии по вьетнамскому вопросу будет всё больше дистанцироваться от американской⁴. В ходе проходивших в Риме бесед Громыко решительно заявлял о необходимости положить конец американской агрессии. Моро выразил понимание советской позиции и уважение к ней⁵.

В обеих столицах переговоры были признаны успешными. По мнению Фанфани, советский министр изложил свои позиции “осторожно и взвешенно, к тому же продемонстрировав гибкость и постепенность”⁶. В свою очередь, в Кремле оценили тот факт, что итальянцы “в ходе неофициальных бесед не защищали агрессивную политику США во Вьетнаме и высказались за уважение принципа невмешательства в международные отношения”⁷.

В частности, говоря о Фанфани, отмечалось, что он говорил, “что Италия не одобряет американские операции во Вьетнаме – так же, как в своё время она не одобряла действия Соединённых Штатов в Доминиканской Республике”⁸.

¹ См.: записку заместителя министра иностранных дел Джузеппе Луписа председателю совета министров от 4 января 1966 г. К документу прилагается памятная записка, в которой излагается мнение итальянского правительства о положении во Вьетнаме. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 32. Д. 205. С. 169–173.

² См. секретный отчёт о беседе господина президента Республики Джузеппе Карагата с господином Михаилом Андреевичем Сусловым, председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР. Квиринальский дворец, 1 февраля 1966 г. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 32. Д. 205. С. 160–166.

³ См. секретную телеграмму номер 5689 от 11 апреля 1966 г., отправленную Фанфани в Представительство Италии в НАТО и озаглавленную “Визит Громыко в Италию”. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 233. С. 138–139.

⁴ См.: Указания к беседам министра иностранных дел СССР с итальянскими государственными деятелями во время визита в Италию 21–27 апреля 1966 г. [Не позднее 22 апреля 1966 г.] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 3. Л. 26.

⁵ См. отчёт об аудиенции министра иностранных дел СССР Андрея Громыко у председателя совета министров Италии Альдо Моро от 22 апреля 1966 г. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 233. С. 24–31.

⁶ См. секретную телеграмму 6682/С от 27 апреля 1966 г., отправленную Фанфани в Представительство Италии в НАТО и в зарубежные посольства Италии о визите Громыко. В: ЦГАИ. Письма Моро. П. 43. Д. 233. С. 24–31.

⁷ Проект указаний совпослам в ПНР, ЧССР, ВНР, СРР, ГДР, НРБ, СФРЮ и Италии об информации В. Гомулки, А. Новотного, Я. Кадара, Н. Чаушеску, В. Ульбрихта, Т. Живкова, И. Броз Тито, Лонго об итогах визита министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Италию, 10 мая 1966 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 8. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 36.

Одним словом, в итальянской позиции по поводу войны во Вьетнаме советские руководители усмотрели такие элементы, которые, с одной стороны, могли бы привести к расколу в коалиции западных стран и, с другой стороны, способствовали бы заключению мирного соглашения. Фанфани утверждал, что, несмотря на провал “операции Ла Пира”, он не оставил надежды способствовать разрядке напряженности на азиатском Юго-Востоке¹.

Операция “Мэриголд”

В такой обстановке к началу лета 1966 г. сложился план осуществления второй попытки посредничества, известной как операция “Мэриголд”, одним из главных участников которой был итальянский посол в Сайгоне Д’Орланди².

Открытие нового канала диалога стало возможным благодаря тому уважению, которое к итальянскому дипломату испытывал американский посол во Вьетнаме Кэбот Лодж, и инициативе польского представителя Международной комиссии по наблюдению и контролю в Сайгоне, Левандовского. 27 июня последний сообщил Д’Орланди, что руководство Ханоя выразило готовность достичь соглашения с американцами при условии, что переговоры останутся секретными. Однако вьетнамцы были убеждены, что президент Джонсон не намерен участвовать в переговорах, если только этого ему настоятельно не порекомендуют его союзники. Поэтому Левандовский попросил Фанфани “передать предложение непосредственно в Вашингтон, на как можно более высокий уровень” и оказать давление, подталкивая к установлению различных контактов между Ханоем и Вашингтоном [D’Orlandi, 2006: 615–617]³.

Итальянский и польский дипломаты, американский посол достигли значительных результатов, проводя переговоры в строжайшей секретности [Giunipero, 2012: 45]⁴. В ходе переговоров Вашингтон всё больше подчёркивал свою договороспособность. 14 ноября Д’Орланди в секретной записке сообщил Фанфани, что “посол Кэбот Лодж сказал, что его очень радует непринуждённая и дружеская обстановка. В беседе со мной посол Левандовский отметил, что его приятно изумил новый, гораздо более открытый подход Соединённых Штатов”⁵. Да и Москва, “подробно и на самом высоком уровне проинформированная” об операции, ожидала получить

¹ См., например: Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Италии П. М. Медведовского с заместителем министра иностранных дел Италии М. Дзагари. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 283. Л. 141–144. Во время беседы Дзагари объяснил, что Италия стремилась к мирному решению конфликта, занимая позицию, которая очень не нравилась американцам. Кроме того, он добавил, что министр Фанфани искал все возможные каналы для решения вопроса.

² См. секретную телеграмму посла Джованни Д’Орланди к Фанфани от 26 августа 1966 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 38. Д. 3.

³ Из реконструкции событий, сделанной Хершбергом путём сопоставления итальянских, польских и американских источников, явствует, что Левандовский, возможно, не имел особых полномочий ни от своего правительства, ни от Ханоя и что одновременно Д’Орланди направил послание Фанфани. См.: Hershberg, 2012: 139–141.

⁴ “Трёхсторонние совещания” начались в начале июля. В августе 1966 г. произошла утечка информации, и еженедельник “Боргезе” опубликовал слухи об операции “Мэриголд”, что, однако, не имело для неё никаких последствий.

⁵ См. секретную и срочную служебную записку номер 2 от 14 декабря 1966 г., составленную послом в Сайгоне Д’Орланди. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

информацию о ходе переговоров¹. А 1 декабря Д'Орланди писал: “Послезавтра мы придём к удачному решению. Помоги нам Бог!” [D'Orlandi, 2006: 711–716]

Активная секретная переписка между Д'Орланди и Фанфани, продолжавшаяся с конца ноября по начало декабря, отлично иллюстрирует представление итальянской стороны о том, что наступил решающий момент переговоров². И действительно, 3 декабря Д'Орланди сообщал Фанфани, что правительство США приняло за основу для переговоров предложенную Ханоем программу урегулирования конфликта, состоящую из десяти пунктов, и поручило американскому посольству в Варшаве войти в контакт с посольством Северного Вьетнама в Польше³. Однако продолжение переговоров было осложнено возобновлением бомбардировок, которые усилились в декабре и привели к разрушению центральных районов Ханоя⁴. Продолжение боевых действий и ряд других проблем, объяснявшихся взаимным недоверием противников, в конце концов вынудило северо-вьетнамское правительство прервать завязавшиеся контакты с Соединёнными Штатами [Hershberg, 2012: 156–160].

Операция “Мэриголд” закончилась безрезультатно, возможность установления мира во Вьетнаме была утрачена. Американскую позицию Д'Орланди назвал “циничной”, поскольку во время трёхсторонних переговоров налёты американской авиации продолжались, что привело к дальнейшей эскалации конфликта, о последствиях которого нельзя было не знать⁵.

Операция “Кили”

Несмотря на провал трёхсторонних переговоров и явный выбор Соединённых Штатов в пользу других каналов диалога, в следующие месяцы Фанфани продолжал искать возможности [Giunipero, 2012: 100-ss]. Состоявшийся в начале 1967 года визит в Италию председателя Президиума Верховного Совета СССР Подгорного предоставил итальянским дипломатам ещё одну возможность заявить Москве о своих планах. Во время проходивших в Риме бесед Подгорный высоко оценил посреднические усилия итальянского правительства и заявил, что официальное вмешательство Италии могло бы остановить войну. Даже учитывая формальный характер подобных заявлений, всё-таки было очевидно, что Москва намерена поддержать усилия Фанфани, тем более что с точки зрения Кремля они, судя по всему, способствовали расколу западного блока и нарушению его сплочённости⁶.

Позиции Фанфани по Вьетнаму, отмеченные заметной самостоятельностью инициативы, в тот период активно обсуждались. Самым громким эпизодом стала отставка итальянского посла в Вашингтоне Серджио Феноалтеа, ставшей следстви-

¹ См. секретную и срочную служебную записку номер 18 от 2 декабря 1966 г., составленную послом Д'Орланди и адресованную министру. В: Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

² См., например, секретную и срочную служебную записку номер 10 от Д'Орланди к министру, от 1 декабря 1966 г., и секретные срочные служебные записи за номерами 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 от 2 декабря 1966 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

³ См. секретную и сверхсрочную служебную записку номер 27 от Д'Орланди к министру, от 4 декабря 1966 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

⁴ См. секретные и срочные служебные записи за номерами 35, 36, 37 и 38 от посла Д'Орланди к министру, от 9 декабря 1966 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

⁵ См. секретную и срочную служебную записку номер 48 от посла Д'Орланди к министру, от 17 декабря 1966 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17.

⁶ Постановление Политбюро ЦК КПСС “Об информации для руководителей соцстран и компартий Франции и Испании об итогах визита т. Подгорного Н.В. в Италию”. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 71. Л. 50–56.

ем того, что с его точки зрения министр иностранных дел занял чересчур провьетнамскую позицию. Однако Фанфани не отказался от надежды получить возможность для проведения самостоятельных дипломатических действий в азиатском регионе и по-прежнему посвящал в свои планы и советских руководителей, надеясь, что они поддержат переговоры итальянцев с представителями Ханоя.

В ходе официального визита Фанфани в СССР, состоявшегося в мае 1967 г., вьетнамский вопрос, по настоянию министерства иностранных дел Италии, был заявлен в повестке переговоров одним из первых¹. Фанфани дал понять советским руководителям, что в итальянском правительстве не существует единодушия по поводу того, что было бы лучше предпринять для прекращения войны: или выступить с публичным осуждением, или оказывать закулисное давление. Однако кремлёвские руководители убедились в том, что Италия по-настоящему озабочена теми последствиями, к которым может привести продолжение конфликта, – как из-за дестабилизации geopolитического баланса, так и из-за того ущерба, которое это могло бы нанести национальным интересам².

Несмотря на различные оценки деятельности Фанфани в правительственные кругах, он, благодаря непосредственным контактам с вьетнамскими коммунистами, установленным через Итальянскую коммунистическую партию [Galeazzi, 2011: 171], летом 1967 г. вновь попытался предложить итальянское посредничество в переговорах между Соединёнными Штатами и Северным Вьетнамом³. Так началась третья попытка итальянского посредничества, операция “Кили”, которую и на этот раз проводил посол Д’Орланди под руководством министра иностранных дел. Д’Орланди и посол Ханоя в Праге неоднократно встречались, вначале сохраняя свои контакты в строгом секрете. Однако через несколько месяцев выяснилось, что соглашение, к которому они пришли, делало их надежды несбыточными. И действительно, 31 января северовьетнамцы внезапно перешли в широкое и мощное наступление, объектами которого стали почти все столицы провинций Южного Вьетнама и американские базы, на что американцы ответили жесточайшим контрударом, жертвами которого стали свыше десяти тысяч человек. И хотя операция “Кили” не прекратилась, в следующие два месяца стало ясно, что итальянское посредничество ни к чему не приведёт [Giunipero, 2012: 129-ss]. Подтверждением этого стало сделанное в конце марта заявление президента Джонсона, который сказал, что наступление американской армии оказалось победным, но, поскольку война была для Соединённых Штатов огромной обузой, требовалось срочно заключить мирный договор, немедленно начав прямые переговоры с Ханоем. Так завершилась операция “Кили”.

¹ В советских документах, подготовленных для предполагаемых переговоров и одобренных Политбюро, вопрос о Вьетнаме находился на предпоследнем месте, после других тем, — таких, как европейская безопасность и нераспространение ядерного оружия. См.: Постановление Политбюро ЦК КПСС “О памятке к беседам с министром иностранных дел Италии А. Фанфани”, 18 мая 1967 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 87. Л. 127–139.

² Постановление Политбюро ЦК КПСС “Об информации для руководителей соцстран и компартий Италии и Франции, а также правительства Франции о визите министра иностранных дел Италии А. Фанфани в Советский Союз”, 27 мая 1967 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 94. Л. 35, 98–102.

³ См. секретную телеграмму Д’Орланди Фанфани от 26 августа 1967 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17. В документе содержится отчёт о первой миссии посла Д’Орланди в Прагу, в попытке снова предложить послу Ханоя в Праге, Фан Ван Сю, итальянское посредничество в переговорах с Вашингтоном.

Только ли неудача?

Как известно, в мае 1968 г. состоялась конференция по примирению во Вьетнаме, участие в которой итальянских дипломатов было весьма скромным. Кроме того, после начала прямых переговоров между воюющими сторонами содействие Рима становилось всё менее необходимым. Однако в феврале 1968 года Фанфани провёл переговоры с северовьетнамскими представителями, имевшие большое значение для американской администрации¹. Кроме того, следует отметить, что Соединённые Штаты рассматривали Рим в качестве места проведения мирной конференции². Из итальянских источников того периода (особенно из дневников Фанфани и дневников посла Д'Орланди) видно полное разочарование в американском союзнике, тормозившем переговоры из-за своего скептического отношения к правительству Ханоя. Свидетельством этого является то, о чём Фанфани с горечью написал через несколько месяцев, в ноябре 1968 года: “Сегодня объявили о прекращении американских бомбардировок во Вьетнаме. И это через три года после переговоров Хо Ши Мина и Ла Пира и через восемь месяцев после итalo-вьетнамских переговоров в Риме! И теперь мы надеемся, что будут сделаны все необходимые выводы” [Giunipero, 2012: 144].

Учитывая исход вьетнамских событий, можно было бы усомниться в реальном влиянии итальянских попыток посредничества ради достижения мира во Вьетнаме. Феррарис назвал их “ценными жестами доброй воли” [Ferraris, 1996: 195]. Однако анализ действий Италии в этом сложном вопросе свидетельствует о том далеко не второстепенном содействии, которое Рим оказал процессу сближения между Вашингтоном и Ханоем. Операции “Ла Пира”, “Мэриголд” и “Кили” показали, что проводившаяся в то десятилетие внешняя политика Рима была в высшей степени амбициозной и во многих отношениях оригинальной. Отказываясь покорно следовать стратегии США, Италия, тем не менее, их не предавала. Неслучайно, что с точки зрения советских руководителей Италия, как это происходило и в других международных делах, проводила политику, достойную внимания, интереса и поддержки. Действия Рима во Вьетнаме ещё раз подтвердили то представление, которое в последние годы укреплялось в Кремле: позиция Италии, сохранявшей верность Соединённым Штатам, была вполне совместима с расширяющимся сотрудничеством со странами коммунистического блока.

В этом направлении итальянская внешняя политика продолжала довольно последовательно развиваться до конца шестидесятых годов, что сделало Италию страной, способной участвовать в bipolarных процессах разоружения и создания системы международной безопасности.

Список литературы

Салаконе А. (2015) Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал “История”. Выпуск 2 (35).

Хормач И.А. (2005) СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе. М.: ИРИ РАН.

¹ См. секретную телеграмму Фанфани послу Эджидио Ортона от 7 февраля 1968 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 40. Д. 17. Узнав о беседах Фанфани с двумя северовьетнамскими представителями, приезжавшими в Рим и остававшимися там с 4 по 6 февраля, государственный департамент США тайно направил в Рим посла Дэвидсона, чтобы узнать о результате бесед.

² См. сверхсекретную телеграмму министра Фанфани, направленную в представительство Италии в Вашингтон: её содержание полагалось довести до сведения государственного секретаря Раска, от 19 апреля 1968 г. В: ИАСМ. Фонд Фанфани. Р. 1. С. 1. П. 38. Д. 3.

References

- Salakone A. (2015) Mezhdu stolknoveniem i razriadkoj: mnogostoronnost' vneshej politiki Italii i nala-zhivanie otnoshenij s Vostochnym blokom (1947–1960) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istorija”. Vypusk 2 (35).
- Hormach I.A. (2005) SSSR — Italija i blokovoe protivostojanie v Evrope. M.: IRI RAN.
- Bagnato B. (2003) Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso l’Unione Sovietica 1958–1963. Firenze: Leo S. Olschki.
- D’Orlandi G. (2006) Diario vietnamita, 1962–1968. Roma: 30 Giorni.
- Ferraris L.V. (1996) Manuale della politica estera italiana 1947–1993. Roma–Bari: Laterza.
- Galeazzi M. (2011) Il PCI e il movimento dei paesi non allineati 1955–1975. Roma: Franco Angeli.
- Giunipero E. (2012) Il contributo italiano alla pace in Vietnam. Milano: EDUCatt.
- Hershberg J.G. (2012) Marigold: The Lost Chance for Peace in Vietnam. Stanford California: Stanford University Press.
- Imperato F. (2011) Aldo Moro e la pace nella sicurezza. La politica estera del centro-sinistra 1963–68. Bari: Progredit.
- International Perspectives on Vietnam (2000) / Gardner L.C., Gittinger T., eds. College Station: Texas A&M University Press.
- Jannuzzi L. (1965) Me l’ha detto Ho Ci Min. La Pira ci ha raccontato il suo viaggio a Pechino ed a Hanoi // “Espresso”, 28/11/1965.
- L’Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970 (2015) / Bettanin F., Prozumenšikov M., Roccucci A., Salacone A., eds. Roma: Viella.
- La Pira parla in libertà // “Il Borghese”, 30/12/1965.
- Mugnaini M. La diplomazia di Paolo VI di fronte ai problemi della guerra e della pace (2006) // Guerra e pace nell’Italia del Novecento. *Politica estera, cultura politica e correnti dell’opinione pubblica* / Guglia L., Moro R., Nuti L., eds. Bologna: Il Mulino.
- Nuti L. (2003) The Center-Left Government in Italy and the Escalation of the Vietnam War / Daum A.W., Gardner L.C., Mausbach W., eds. America’s War and the World. Vietnam in International and Comparative Perspectives. Cambridge: Cambridge, University Press.
- Riccardi A. (1992) Il Vaticano e Mosca 1940–1990. Roma–Bari: Laterza.
- Roccucci A. (2015) Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca / L’Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970. Roma: Viella.
- Romano S. (2002) Guida alla politica estera italiana. Milano: Rizzoli.
- Sica M. (1991) Marigold non fiori. Il contributo italiano alla pace in Vietnam. Firenze: Ponte alle Grazie.
- Smith R.B. An International History of the Vietnam War. London: MacMillan. 3 voll., 1983–1991.
- Varsori A. (2005) La politica estera italiana negli anni della guerra fredda. Momenti e attori. Padova: Edizioni Libreria Rinoceronte.
- Zubok V. (2007) A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: The University of North Carolina Press / Kindle ed.

ITALY — A“BRIDGE” BETWEEN THE BLOCKS DURING THE VIETNAM WAR

Author. Salakone A., Senior Researcher at “Università degli Studi di Napoli – L-Orientale”, associate of the Institute of General History, Russian Academy of Sciences. **Address:** Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334. **E-mail:** asalac@gmail.com

Abstract. Deténte, which began in the late 1950s, served for the Italian ruling class as an incentive to connect Italy to processes in the new stage of West-East relations through the “politics of presence”. Having attempted to facilitate a dialogue between the blocks during the Berlin crisis and to stop the escalation of the military conflict during the Cuba crisis in the mid-sixties, Rome held three ambitious intermediary operations designed to facilitate the end of the Vietnam War, which had a significant impact on domestic politics. Attempts to carry out mediation were unsuccessful, but they served as an evidence of a new course of the Italian foreign policy. Its main conductor was Amintore Fanfani. The policy was aimed at ensuring that loyalty to the North Atlantic Treaty was combined with active work for the sake of peace and dialogue between East and West.

Key words: Italy, USSR, Vietnam, Fanfani, La Pira, International security, Cold war.

Юрий БОРКО

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ: 1990-е ГОДЫ

Когда Виктор Иванович Мироненко предложил мне поделиться с читателями нашего журнала воспоминаниями о моей жизни в Институте Европы, я, перебирая в памяти то, что в ней запечатлелось, вдруг обнаружил, что лучше всего запомнил первые 10–12 лет моей жизни в институте, то есть 1990-е годы. Почему? Может быть, потому, что для меня всё было внове – новый директор, новый коллектив, новый климат человеческих отношений, новые задачи, которые мне предстояло решать. Может, и потому, что это был период моего наиболее интенсивного участия в жизни и деятельности института. А ещё и потому, что это был период становления Института Европы. Начав в 1989 г. с нуля, его коллектив, во главе с Виталием Владимировичем Журкиным, к концу 1990-х сделал институт головным российским центром изучения всего спектра проблем современной Европы. Конечно, мой рассказ и мои суждения субъективны, и кому-то из “старожилов” 1990-е помнятся иначе.

Желание перейти в Институт Европы у меня возникло, как только я узнал о его создании. Было это в 1988 г. Я уже четверть века занимался исследованием проблем европейской интеграции, и лучшего места, чем новый институт, для продолжения этой работы, на мой взгляд, не было. Более того, у меня к этому времени возникло желание покинуть ИНИОН. Отдел капиталистических стран Европы, США и Канады, который я начал создавать с нуля в начале 70-х годов, за 20 лет вырос в одно из крупнейших научно-информационных подразделений Института – полсотни сотрудников и прикреплённых аспирантов. Они выдавали такой объём научной информации, что почти всё моё время уходило на её чтение и редактирование. Для собственной научной работы его почти не оставалось. Были и другие причины, на которых я задерживаться не буду.

В общем, к середине 1989 г. я пришёл к выводу, что пора уходить, и лучше всего – в Институт Европы. Загвоздка была лишь в том, что меня туда никто не звал. А проявлять инициативу, “напрашиваться” я не хотел. Не знаю, как долго длились бы мои раздумья, но в один прекрасный летний день зазвонил телефон, и в трубке раздался голос: “Юрий Антонович, здравствуйте, это говорит Сергей Караганов. Я хотел бы встретиться с Вами по серьёзному делу”. Мы познакомились ещё в ту пору, когда он работал в Институте США и Канады и готовил для нашего отдела в ИНИОН аналитические обзоры западной литературы по проблемам военно-политической стратегии США и отношениям двух “сверхдержав”. Обзоры, надо сказать, отличные. Сергей Александрович приехал ко мне и передал предложение

© Борко Юрий Антонович – д.э.н., профессор, руководитель Центра европейской документации/информационного центра ЕС ИЕ РАН. Адрес: 125009, Москва, Моховая ул., 11/3. E-mail: yborko@mail.ru

Виталия Владимировича Журкина перейти на работу в Институт Европы. Разговор был непродолжительным: я тут же согласился, оговорившись, что мне потребуется полгода для завершения всех дел в ИНИОН.

В начале осени я отбыл в Западную Европу, вернулся в конце ноября и позвонил Виталию Владимировичу. Мы договорились о встрече, я приехал в назначенный день и час, но встретил меня его заместитель Владимир Никитович Шенаев, с которым мы были знакомы с 60-х годов, когда работали в ИМЭМО. Он сказал, что позвонил Журкин, извинился, что опаздывает, и просит меня дождаться его. Я охнулся: директор и академик извиняется! Вскоре он появился, пригласил меня к себе и задал главный вопрос, что-то вроде: “ну, как, будем работать вместе”? И всё это – заданный в такой свободной форме вопрос, его светлая расстёгнутая куртка и естественная, доброжелательная манера поведения – было для меня в новинку и очень понравилось. Так что на вопрос Виталия Владимировича я ответил незамедлительным “да”, и 2 января 1990 г. появился приказ о моём зачислении в Институт Европы в качестве исполняющего обязанности главного научного сотрудника.

Первый год работы в Институте остался в памяти мозаикой эпизодов и ярких положительных впечатлений. А самым сильным из них был сам Виталий Владимирович. Особенно запомнился мне разговор с ним, который, как я опасался, мог завершиться моим уходом из института. У этого разговора была предыстория. Осенью 1989 г. решил выйти из партии, но остался в ней по призыву Станислава Шаталина, одного из лидеров внутрипартийной оппозиции, намеревавшейся преобразовать КПСС в партию социал-демократического образца. Он призвал сторонников оппозиции поддержать реформистов на предстоящем XXVIII съезде партии. Съезд проходил со 2-го по 13-е июля. Я находился в городе Штутгарте, внимательно следил за его ходом, к концу понял, что партия осталась на прежней идеологической позиции, и мне пора выходить из неё. Билет на рейс Франкфурт-на-Майне – Москва был заказан на 14 июля, я занял своё место в самолёте, взял свежую газету “Правда”, обнаружил в ней список нового состава членов ЦК КПСС и, дойдя до буквы “Ж”, впал в ступор. Там значилось: Журкин Виталий Владимирович. Менять своего решения я не хотел, но так как это могло быть для него нежелательным, я был готов написать заявление об уходе из института по личным мотивам. С этим я и пришёл к Виталию Владимировичу сразу же по приезде в Москву. Я был готов к любому ответу, но только не к тому, что услышал. “Юрий Антонович, – сказал он, – я пригласил Вас в институт не как члена КПСС, а как специалиста по проблемам европейской интеграции. Выйдете ли Вы из партии или останетесь в ней – это Ваше личное дело, хотя я посоветовал бы Вам ещё раз обдумать своё решение. Но, так или иначе, продолжайте работать”. Не могу даже сказать, что поразило меня больше – содержание ответа или то, что Виталий Владимирович ответил мгновенно. Мне по-новому открылся масштаб его личности. Потом это впечатление подтверждалось не раз, и я горжусь тем, что мне довелось работать и общаться с Виталием Владимировичем в течение стольких лет. А из КПСС я вышел через две недели.

Первые два года моей жизни в институте были временем знакомства с новым коллективом, с правилами, служебными и человеческими отношениями, которые отчасти сложились и, вместе с тем, продолжали формироваться уже при мне. Те, кого я знал до прихода в институт, были наперечёт. В. Н. Шенаева и С.А. Караганова я уже упоминал. С Виталием Владимировичем я не раз встречался, участвуя в конференциях, проходивших в Институте США и Канады, где он работал заместителем директора, и, вполне вероятно, на конференциях в ИМЭМО, где можно было

встретить всех учёных-международников. Но знакомство было, как говорится, шапочным. Ещё о двух знакомых сотрудниках института я расскажу позже, а с остальными предстояло познакомиться.

Одно из моих первых впечатлений – молодость научного коллектива. Он был небольшой, примерно 30 человек (без административно-хозяйственных подразделений). Мои сверстники были наперечёт, шестеро или семеро, а остальным – от 26–28 лет до сорока с небольшим. Энергии было – хоть отбавляй, и молодёжь мужского пола в паузах между трудами научными с удовольствием играла в мини-футбол или соревновалась в умении владеть баскетбольным мячом в спортзале, оставшемся в наследство от бывших хозяев. Из сотрудников, кто постарше, назову Владислава Белова, Дмитрия Данилова, Ольгу Буторину, Андрея Цимайло, Вадима Циренщикова; из тех, кто помоложе, – Павла Баева, Михаила Баринова, Аркадия Мошеса, Сергея Медведева, Кирилла Вяткина. С Андреем Цимайло, возглавлявшим Отдел экономической интеграции, у меня сразу установились тесные контакты. Он был очень талантливым исследователем, заканчивал подготовку докторской диссертации по экономике и защитил её в 1992 г., в 32 года! К сожалению, судьба его сложилась трагически. В том же году он перешёл в “Мост-банк” и стал вскоре одним из его руководителей. Когда банк попал в опалу, он, находясь по служебным делам в Лондоне, там и остался. А в 2002 г. скоропостижно скончался, на 43-ем году жизни. Влад Белов и Дима Данилов были кандидатами экономических наук и уже тогда входили в ядро научного коллектива, первый из них вскоре стал руководителем Центра германских исследований, второй – заведующим Отделом европейской безопасности.

Об Аркадии Мошесе, Сергеем Медведеве и Михаиле Баринове я хочу рассказать особо – так, как они запомнились мне в памятные августовские дни 1991-го. 20 августа, на второй день после создания ГКЧП, я вернулся из Петрозаводска в Москву и тут же отправился в Институт. Моховая улица, Манежная площадь и улица Горького (ныне Тверская) были заполнены танками и грузовиками. В кузовах сидели солдаты. Институт был почти пуст, только Виталий Владимирович и несколько сотрудников из аппарата дирекции и хозяйственной части. Заглянув к директору, я узнал от него некоторые подробности путча и возникшей обстановки в Москве. По его словам, в структурах власти и политических кругах царила сумятица, произошел раскол, и каков будет исход событий, пока неясно. Когда я вышел от Журкина, мне встретились Аркадий, Михаил и Сергей. Оказывается, они распространяли среди солдат текст указа Бориса Ельцина. Аркадия даже арестовали, но вскоре отпустили под честное слово, что он не будет заниматься агитацией против новой власти. Они тут же вернулись в институт, отпечатали новую кипу листовок и вновь отправились раздавать их солдатам. Их судьба сложилась по-разному. Аркадий стал известным учёным-международником и в 2006 г. был приглашён в финский Институт международных отношений (Хельсинки), где и работает в настоящее время. О Мише и Сергею я скажу позже.

Из первых институтских мероприятий, в которых я принял участие в 1990–1991 гг. запомнились два заседания. В них участвовало от 20 до 30 человек. На одном с докладом о европейской безопасности в контексте кардинальных перемен в сфере международных отношений выступал Сергей Караганов. Докладчика на втором заседании, посвящённом экономическому положению в Западной Европе, я не помню, но, скорее всего, был кто-то из ведущих экономистов – В.Н. Шенаев, В.М. Кудров или Б.М. Пичугин. Содержание докладов и их обсуждение за давностью лет

забылось, но я хорошо помню, как вёл заседания Виталий Владимирович. Он не вмешивался в ход дискуссии, не прерывал выступления репликами и не комментировал их по ходу; слушал внимательно, делал какие-то записи, а в конце – кратко и чётко суммировал её итоги, то есть, по сути, давал оценку ситуации в той области, которая была предметом обсуждения.

С В.М. Кудровым и Б.М. Пичугиным я был знаком давно. Оба были опытными специалистами, докторами экономических наук. Валентин Михайлович, как и я, работал в 1960-е годы в ИМЭМО, и у нас сложились дружеские отношения. Он тогда опубликовал интереснейшую монографию. Это был первый в послевоенной советской экономической литературе опыт сравнительного анализа специфики и уровня развития экономики шести ведущих капиталистических стран. В ней был систематизирован и представлен в виде таблиц и графиков огромный массив экономической статистики, по сути, опровергавшей концепцию непрерывно углубляющегося общего кризиса капитализма. Шума книга вызвала много, но обошлось.

Встреча с Борисом Михайловичем Пичугиным была неожиданной и дружелюбной, несмотря на то, что при первом нашем знакомстве оказались, как говорится, по разные стороны баррикады. В 1970 г. дирекция ИМЭМО организовала закрытое заседание с целью обсудить, возможна ли альтернатива политике непризнания ЕЭС, которой следовало советское руководство. В обсуждении участвовали представители трёх министерств – иностранных дел, внешней торговли и обороны. Учёные отмечали, что интеграция стала реальностью в Европе, и установление официальных отношений с ЕЭС может быть использовано в экономических и политических интересах СССР. Но эта точка зрения была отвергнута представителями всех трёх министерств, утверждавшими, что признание фактически поощряло бы курс Запада на создание антисоветских альянсов и сужало бы возможности использования межимпериалистических противоречий. Министерство внешней торговли считало, что признание ЕЭС обесценит традиционную тактику игры на экономических противоречиях между странами Запада, рассчитанную на заключение как можно более выгодных торговых контрактов и получение как можно более дешёвых кредитов. Именно эту позицию отстаивал Пичугин, выступавший от имени министерства, а я был одним из его оппонентов. Но в нашем споре мы не перешли границы и мирно попрощались.

В Институт Европы Кудров и Пичугин пришли в 1989 г. и заняли в нём видное положение. Валентин Михайлович возглавил Центр сравнительных исследований мировой экономики. Борис Михайлович был главным научным сотрудником Отдела общеевропейских проблем. Оба участвовали во всех важнейших научных мероприятиях института, были авторами работ, изданных в серии “Доклады Института Европы”. Оба выступали в качестве авторов/соавторов аналитических докладов высшему руководству страны. О Борисе Михайловиче, скончавшемся в 1997 г., в возрасте 75 лет, у меня сохранились самые светлые воспоминания. Мы постоянно общались и сблизились на почве общего научного интереса – анализа экономических отношений СССР/России с Евросоюзом. В нём органично сочетались два качества – высочайший профессионализм и человеческое обаяние. Как исследователя его отличала скрупулёзная точность в отборе и изложении фактов, прежде всего, статистики, объективность их анализа и обоснованность выводов. Это позволило ему скорректировать и даже пересмотреть некоторые взгляды и оценки, сложившиеся в те времена, когда он работал в министерстве, а затем в экономических организациях ООН. В общении с коллегами Борис Михайлович был сдержан, корректен

и доброжелателен, с молодыми сотрудниками был внимателен и всегда готов ответить на их вопросы, дать профессиональный совет.

Неожиданным и приятным открытием была интенсивность международных связей только что возникшего института. Опытные, остеинённые сотрудники часто выезжали за рубеж для участия в конференциях или установления новых научных контактов, миссии и аспиранты – на стажировку. Да и я за год побывал в пяти или шести загранкомандироках – больше, чем за предшествующие 28 лет работы в академических институтах. Особенно запомнилась поездка в Бонн. Я тогда заканчивал пребывание в немецком Институте мира, как вдруг позвонил Виталий Владимирович и спросил, не смогу ли я выступить вместо него на заседании, организованном социал-демократической фракцией Бундестага и посвящённом отношению Советского Союза к европейской интеграции. На следующий день я сидел в экспрессе Штутгарт-Бонн, мчавшийся по левому, низменному берегу Рейна, любуясь его стремительным течением с бурлящими перекатами и гористым правым берегом с его лесами и старыми замками. Тема была хорошо знакома мне. А начал я с того, что у нас сейчас существуют и открыто излагаются разные точки зрения, и что я принадлежу к той группе советских учёных, которые уже давно воспринимают европейскую интеграцию как объективный процесс формирования единого европейского экономического пространства со всеми его плюсами и минусами. Судя по вопросам и реакциям слушателей, мой рассказ о новых тенденциях в советской общественной науке оказался для них неожиданным и был воспринят позитивно.

В 1992 г. условия деятельности Института Европы коренным образом изменились. Вместо Советского Союза – постсоветская Россия и СНГ; вместо социалистической, директивной и огосударствлённой экономики – начавшийся переход к рыночной экономике и свобода частной собственности; вместо монополии КПСС на власть и управление – многопартийная система и конкурентные выборы в национальные и местные представительные органы. Резко сократился бюджет института, а взбесившаяся инфляция – более 2000% в 1992 г. – снизила до нищенского уровня зарплату научных сотрудников. Некоторые покинули институт. Павел Баев в 1992 г. был приглашен стажироваться в норвежский Институт мира (Осло), затем был зачислен в его штат и принял норвежское гражданство. Он недавно приезжал в Москву, и мы были рады встрече.

В общем, потери в научном коллективе были небольшие. И здесь самое время сказать о кадровой политике, которую проводило в 90-е годы руководство института, в первую очередь, Виталий Владимирович. Научный коллектив пополнили крупнейшие специалисты, входившие в элиту отечественного обществоведения: в 1991-м – Николай Александрович Ковальский, в 1992-м – Николай Петрович Шмелёв и Дмитрий Ефимович Фурман, в 1994-м – Игорь Фёдорович Максимычев, в 1996-м – Анатолий Андреевич Красиков, в 1997-м – Юрий Ильич Рубинский. Каждый из них своим приходом расширял сферу научных исследований в институте, открывая в них новые направления и обогащая их методику. Пришли и более молодые, но уже опытные исследователи, кандидаты наук – Елена Викторовна Водопьянова, Ольга Юрьевна Потемкина и другие. Была значительно расширена аспирантура.

Расскажу немного о некоторых “маститых”, с которыми сотрудничал или просто общался чаще, чем с другими. Николай Шмелёв был, кажется, единственным научным сотрудником, который не входил ни в какие подразделения, никем не руководил и никому не подчинялся, свои научные планы согласовывал с Виталием

Владимировичем. В центре его внимания была экономика России в период перехода к рынку. В 1996 г. вышла его монография “Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ”. Храню его дарственный экземпляр с надписью в свойственной ему свободной манере: “Юрию Антоновичу Борко, другу, единомышленнику, партнёру, собеседнику, сопутыльнику и пр. с многодесятлетними симпатиями”. Содержание книги видно из её названия. Шмелёв проанализировал и критично оценил как экономическую политику в период Перестройки, определив его как “годы упущеных возможностей”, так и радикальные, “без наркоза”, реформы Егора Гайдара и его команды. В последнем разделе он изложил своё видение будущих российских реформ. Они остались на бумаге. Россия пошла по иному пути, и это было главной причиной его переживаний и пессимизма в отношении её перспектив. Что касается европейской проблематики, главной сферы научной жизни института, то Шмелёв включился в неё сразу – как член Ученого совета, участник научных конференций, подготовки аналитических докладов и т.д. Его выступления, помимо их конкретного содержания, выделялись и особой, “шмелёвской” манерой изложения своих суждений. Я назвал бы её – “размышления вслух”, неторопливые и ненавязчивые, с подтекстом, в котором звучало: можете соглашаться или нет, но задумайтесь над тем, что я сказал. Этот доверительный тон, взывающий к логике здравого смысла, производил впечатление на аудиторию, особенно на тех, кто слушал его впервые.

Приход Юрия Рубинского в институт стал для меня праздником. Мы были знакомы с 60-х годов, когда работали в ИМЭМО, и уже тогда прониклись взаимной симпатией. Вскоре он уехал сотрудником советского посольства во Франции. В 1985 г., приехав в Париж, я встретился с ним, и он в одно из воскресений устроил мне экскурсию по прекрасному городу, который он знал, вероятно, лучше, чем дававшее большинство парижан. После многолетней дипломатической службы он вернулся в науку, обладая огромными знаниями в области международных отношений. Как учёный Рубинский наделён двумя важнейшими качествами – эрудита и аналитика. Он точен, я сказал бы, скрупулёзен в изложении фактов и, как правило, убедителен в их интерпретации. А сверх того, Юрий Ильич – очень дружелюбный и открытый для общения человек. Типичная картина: как только закончилось научное обсуждение, к нему подходит молодой участник с каким-нибудь вопросом, и “мэтр” подробно и увлечённо рассказывает, что он думает по этому поводу. В институте Рубинский создал Центр французских исследований, который стал одним из лучших в России.

С Дмитрием Фурманом – выдающимся российским философом, историком, религиоведом и политологом – я познакомился в 1993-м, когда он пришёл в Институт Европы. Здесь он взялся за абсолютно новую для него тему, создав Центр изучения постсоветского пространства. В 1990-е и первой половине 2000-ных он выпустил серию сборников статей и документов о характере и динамике перемен в новых независимых государствах – Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Молдове, странах Балтии, Украине. В институте он пользовался всеобщим уважением и авторитетом, в основе которого была отчасти его журналистская деятельность и, ещё больше, сама его личность, его интеллект и нравственный облик. Что касается первого, то, на мой взгляд, в течение 20 с лишним лет, начиная с 1991-го, Дмитрий Фурман был одним из самых эрудированных, глубоких и трезво мыслящих отечественных журналистов. В двух сборниках – “Наши десять лет: политический процесс в России с 1991 по 2001 годы” (М.-СПб.: “Летний сад”, 2001) и “Публицистика “нулевых”” (М.: “Летний сад”, 2011) – представлены более 130 статей, опублико-

ванных почти во всех ведущих газетах и России. Он не оставил журналистику и после того как его настигла тяжелейшая болезнь. Даты двух последних статей – 1 марта и 16 мая 2011 г., дата кончины – 22 июля. И есть что-то символичное в том, что первая из них посвящена Михаилу Сергеевичу Горбачеву, а вторая – Андрею Дмитриевичу Сахарову. К обоим Дмитрий Фурман относился с глубочайшим уважением. А если говорить о его личных качествах, упомянутых выше, я не могу подтвердить их примерами – как он поступил в какой-то ситуации и что сказал по какому-то поводу. Всё это было давно. Но, вот, есть в музыке понятие “абсолютный слух”. Дмитрий Ефимович обладал абсолютным слухом в понимании конкретных событий и общих процессов в общественно-политической жизни, в оценке поступков крупных политических деятелей и обычных людей.

Но вернёмся к началу 90-х годов. Несмотря на все трудности, институт наращивал научную деятельность. В марте 1992 г. был организован симпозиум “Опыт Европейских сообществ и возможности его использования Россией и Содружеством независимых государств”. В нём участвовали более 70 человек – из нашего института В.В. Журкин, Ю.А. Борко, Н.А. Ковальский, Б.М. Пичугин, А.В. Цимайло, большая группа учёных из ИМЭМО, других академических институтов, из МГИМО и МГУ, зарубежные учёные. С одним из докладов выступил глава Представительства Комиссии Европейских сообществ, проф. Майкл Эмерсон. Запомнился его трезвый и критический взгляд на возможности применения опыта ЕЭС: слишком разные условия, разная предыстория, разный баланс сил в ЕЭС и СНГ. Это было для некоторых российских участников симпозиума, как ушат холодной воды. В 1993 г. вышла в свет первая институтская монография “Безопасность будущей Европы”. Её тематика выходила далеко за рамки названия. В ней были проанализированы экономические, социальные, внутри- и внешнеполитические проблемы Европы, отношения Европа-США, Европа-Россия, Европа-Третий мир. В числе авторов были М.В. Баринов, Ю.А. Борко, Д.А. Данилов, П.Е. Кандель, В.М. Кудров, С.А. Медведев, М.А. Неймарк, Б.М. Пичугин, П.Т. Подлесный, А.В. Цимайло. Возглавлял авторский коллектив С.А. Караганов. В 2003 г. вышли первые выпуски в серии “Доклады Института Европы”: №1 – “Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений, перспективы” (Ю.А. Борко – руководитель, М.В. Баринов, И.М. Бусыгина, О.В. Буторина, В.В. Тяжелова), № 2 - материалы упомянутого симпозиума – о возможностях применения опыта европейской интеграции в России и СНГ.

Важнейшее место в работе института заняли внутренние проблемы постсоветской России. В 1992 г. на заседаниях Учёного совета развернулись острые дискуссии по поводу содержания и методов экономической реформы, инициированной Егором Гайдаром, и её социальных последствий. Мне запомнились жаркие споры между В. Шенавым, с одной стороны, В. Кудровым и мной – с другой. Шенав, поддерживая курс на переход к рыночной экономике, резко критиковал избранный Гайдаром вариант реформы; мы с Кудровым оказались единомышленниками и, соглашаясь с некоторыми его критическими замечаниями, в целом защищали экономическую политику Гайдара. Споры продолжались и после того, как правительство возглавил В.С. Черномырдин.

В этой связи уместно напомнить, что в новых условиях многопартийной системы и идейного плюрализма перед институтом встала задача, которая никогда не возникала в советские времена, а именно: как должно позиционировать себя научное учреждение, работающее в области общественных наук? Позиция, которую сформулировал и твёрдо проводил в жизнь В. Журкин, состояла в том, что Инсти-

тут Европы занимается научными исследованиями в пределах своей компетенции, дистанцируясь и от политических партий, независимо от того, находятся ли у власти или в оппозиции, и от официальной позиции правительства. Разумеется, запросы руководства страны и государственных ведомств рассматривались дирекцией как приоритетные, но перед сотрудниками, участвовавшими в подготовке аналитических докладов или справок, ставилась задача объективного анализа заказанной темы исследования. Из тех материалов, в подготовке которых я участвовал, мне запомнился доклад “Помощь Запада России” (1994 г.), с характеристикой и оценкой её содержания, масштабов и эффективности. Он был переведён на английский язык и издан под названием “Whither Western Aid to Russia”. В его подготовке, наряду со мной, участвовали С.А. Караганов (руководитель), В.Б. Белов, И.М. Бусыгина, В.М. Кудров, А.Б. Луковенко, Б.М. Пичугин и Н.П. Шмелёв.

Как ни странно, но мне нечего рассказать о моей работе в качестве заведующего отделом, руководить которым я был назначен в апреле 1991 г. Не помню ни его названия, ни его состава. Единственное, что могу поставить себе в заслугу – приход в институт кандидата исторических наук, опытного специалиста по Югославии и возникшим после её распада государствам Павла Ефимовича Канделя, который до этого работал в Институте международных экономических и политических исследований. Впрочем, руководил я этим отделом недолго. Так случилось, что в 1992 г. начался новый период не только в деятельности всего института, но и моей жизни в нём. В октябре, после ухода Андрея Цимайло, я был избран заведовать Отделом европейской интеграции, а незадолго до этого на учредительной конференции Ассоциации европейских исследований (АЕВИС-Россия) был избран её президентом. Наконец, тогда же в институте, с согласия и при поддержке Еврокомиссии, был создан первый в России Центр документации ЕС (ЦДЕС), руководить которым было поручено мне. Интенсивность моей работы резко возросла. Изменилось и мое положение в институте. Виталий Владимирович в своём очерке об истории института упомянул, что я сразу же по приходе включился в обсуждение стратегии его развития. Вероятно, так оно и было. Но субъективно, впервые я почувствовал и уверился в том, что вхожу в “мозговой центр” института, именно в этом году.

Меньше всего времени у меня занимало руководство Центром. В нем работали два научных сотрудника – Ксения Юрьевна Шарапова и Валентина Васильевна Тяжелова. Они пришли из ИНИОН, где почти 20 лет работали в отделе капиталистических стран Европы, США и Канады. В ЦДЕС они очень быстро создали систему библиографической информации, обрабатывая и классифицируя поток документов и справочных изданий, непрерывно поступавших из ЕС в печатном и электронном виде. ЦДЕС функционировал и как библиотека, доступная не только сотрудникам института, но и любому посетителю, заинтересованному в информации, которой располагал Центр. С 1995 г., когда АЕВИС и Институт Европы приступили к выпуску бюллетеня “Европейский союз: аргументы и факты”, на долю К.Ю. Шараповой и В.В. Тяжеловой выпало также его литературное и техническое редактирование.

Сейчас уже трудно припомнить, как распределялись мои усилия между двумя главными сферами моей работы – отделом европейской интеграции и АЕВИС. Но по времени первое место занимал всё-таки отдел. Количественно он был небольшим: пять научных сотрудников и два лаборанта. Научным ядром отдела (и его украшением!) были два к.э.н. Ирина Михайловна Бусыгина и Ольга Витальевна Буторина – талантливые “трудоголики”, энергичные и честолюбивые.

Что касается Ольги Буториной, то у нас очень быстро установились отношения взаимного доверия и взаимопонимания. Наверное, поэтому и запомнились два разговора с ней. При первой же нашей встрече после моего назначения она спросила, в чем будет заключаться её работа. Я знал, что Буторина пишет монографию по теме диссертации – об экономике Испании, и спросил, сколько нужно времени, чтобы закончить её. Она ответила, что примерно год. “Это и будет Вашим заданием на год”, – сказал я. “Но это моя личная работа, – сказала Ольга. – А что я должна делать в отделе?” Вопрос был понятен, потому что до прихода в институт она работала во внешнеторговой организации, где наука была личным делом сотрудника, чем-то вроде “хобби”. “Ольга Витальевна, – сказал я, – Вы состоитесь как признанный учёный только после того как опубликуете монографию, и это важно не только для Вас, но и для отдела”. Спустя год, когда она отдала рукопись книги в издательство, состоялся наш второй разговор – о выборе темы исследований по проблематике экономической интеграции в Западной Европе. В итоге, мы остановились на теме строительства экономического и валютного союза (ЭВС) и будущей коллективной валюты. Тема была новаторской и перспективной, так как в только что вступившем в силу договоре о Европейском Союзе создание ЭВС было объявлено главной целью нового этапа его развития. Первые статьи О.В. Буториной по этой теме появились уже в середине 1990-х, а в 2002 г. она защитила докторскую диссертацию “Экономический и валютный союз. Международный аспект”. За это же время она прошла путь от с.н.с. до руководителя Сектором экономической интеграции и несколько месяцев замещала меня в должности зав. отделом, пока я проходил длительный курс лечения от рака. Я надеялся на то, что Ольга Витальевна станет моей преемницей, но в 2003 г. она, в силу личных причин, перешла в МГИМО и вернулась в Институт Европы в 2012 г., став вскоре одним из заместителей директора.

Столь же успешной была научная карьера Ирины Марковны Бусыгиной. В 2002 г. она защитила кандидатскую диссертацию “Региональная политика Европейского Союза”, определившую её научную специализацию. В 2004 г. возглавила Сектор региональных и социальных проблем и опубликовала в 1990-е годы целый ряд статей. Мы плодотворно сотрудничали как в отделе, так и в АЕВИС, где она входила в состав правления и не раз участвовала в конференциях, организованных совместно с региональными отделениями. В 1999 г. И.М. Бусыгина перешла в МГИМО, защитила в 2002 г. диссертацию, получив степень доктора политических наук, и ныне возглавляет там Центр региональных политических исследований.

Бессспорно, талантливым исследователем был Михаил Баринов. В упомянутой выше первой институтской монографии ему принадлежит глава “Социальное будущее Западной Европы”. Участвовал он и в подготовке аналитических докладов, направляемых в государственные органы. Он обладал также организаторским талантом и сыграл главную роль в подготовке документов, необходимых для официальной регистрации АЕВИС. К сожалению, в 1999 г. он ушёл из института из-за трудных материальных обстоятельств и занялся предпринимательством. Ещё один научный сотрудник, Игорь Бороздин, благодаря своей памяти был просто кладезем фактов. Он, как никто, донимал докладчиков дотошными вопросами и уличал их в неточностях. Но с систематизацией фактов дело у него обстояло хуже, и править его тексты приходилось постоянно. В 1999 г. мы с ним расстались.

В отдел за эти годы пришли новые сотрудники: в 1993-м – д.э.н. В.Г. Шемятенков, к.и.н. М.В. Каргалова и выпускник исторического факультета МГУ А.И. Тэвдой-Бурмули, в 1994-м – к.и.н. О.Ю. Потемкина. Появились аспиранты: Сергей Медведев, Наталья Мирошниченко (ныне Кондратьева), Слава Быховский и Нико-

лай Кавешников. Первым из них в 1995 г. защитил диссертацию на соискание к.и.н. С. Медведев с интереснейшей темой “Европейский проект и европейская политика Папы Римского Иоанна Павла II”. Талантливый молодой учёный с активной жизненной позицией. Но вскоре он получил грант в Финляндии, задержался там на несколько лет и в наш институт уже не вернулся. С Владимиром Георгиевичем я познакомился в 1989-м в Брюсселе, где он находился как глава представительства СССР в Европейском сообществе. Он был приветлив и естествен, никакой дистанции между статусным дипломатом и учёным. К тому же, я не предполагал, что он не только хорошо осведомлен о том, что происходит в Сообществе (он был обязан это знать), но и говорит со мной на одном языке, когда речь идёт об экономической интеграции. Загадка выяснилась после того как я узнал, что он окончил аспирантуру ИМЭМО и защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую, по экономике. В Институт Европы он пришел после двухлетней научной и преподавательской работы в Гентском университете. Наше сотрудничество в отделе продолжалось 10 лет, и Шемятенков внёс значительный вклад в его работу. В частности, он активно участвовал в подготовке первой монографии отдела – “XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых государств” (1998), в качестве автора и члена редакции, вместе со мной и Журкиным. В 2002 г. В.Г. Шемятенков вышел из состава отдела, возглавив Центр проблем современной Европы, а в 2008 г. покинул наш институт.

В 1990-е годы Отдел подготовил ряд изданий, в которых тогда остро нуждались многочисленные государственные органы, субъекты внешнеторговых отношений, ученые и вузовские преподаватели. Были изданы два тома переведенных на русский язык базовых договоров ЕС с 1951 по 1992 гг., и том документов, касающихся отношений между ЕС и СССР. В 1996 г. по инициативе О.В. Буториной издали справочник “Европейский Союз”, содержащий всестороннюю информацию о его истории, институтах и процедурах принятия решений, направлениях деятельности, отношениях с главными партнёрами в мире и т.д. Всё это издали тиражом в 2 000 экземпляров. В 2001 г. отдел выпустил в свет ещё одну монографию – “Европейский Союз на пороге XXI века” (М.: УРСС, 2001). В авторский коллектив входили семь сотрудников нашего отдела: В. Шемятенков, А. Тэвдой-Бурмули, О. Буторина, И. Бусыгин, О. Потемкина, Ю. Борко, С. Быховский, ещё два сотрудника института – Д. Данилов и Н. Ковальский, а также несколько сотрудников ИМЭМО и Института Латинской Америки. Исключительную роль в подготовке книги сыграла Ольга Витальевна. Мы с ней придумали название книги и разработали её структуру, ей принадлежит макет обложки. На неё легла большая часть практической работы, в том числе общение с авторами в процессе редактирования их текстов. Она и сама входила в авторский коллектив, книга вышла под нашей совместной редакцией.

Моя деятельность как руководителя АЕВИС – история отдельная, и я затрону её лишь в той небольшой части, которая как-то связана с институтом и его сотрудниками. Начну с того, что, вернувшись из очередной поездки в Брюссель, я рассказал Виталию Владимировичу о моих встречах с руководителем сектора науки одного из директоратов Еврокомиссии Жаклин Ластенуз. Она была инициатором создания сети национальных ассоциаций исследования европейской интеграции (National Associations of the European Common Market Studies – ECSA-Europe), а затем и всемирного объединения ассоциаций (ECSA-World). Тогда-то она и сказала мне, что в Еврокомиссии приветствовали бы создание ассоциации и в России. Журкин решительно поддержал эту идею, сказав, что Институт заинтересован в этом и мог бы стать центром и опорой ассоциации. Дальнейшее было делом техники.

В начале 1992 г. в нашем институте состоялась конференция с участием представителей 10 российских университетов, от Санкт-Петербурга до Томска, которая учредила Ассоциацию европейских исследований со статутом межрегионального научного объединения. Я был избран её президентом, а В.В. Журкин – председателем правления. В нашем институте, как правило, проходили ежегодные заседания правления. Наши сотрудники систематически участвовали в организации научных конференций по европейской, в том числе интеграционной, проблематике в российских университетах, выезжали читать краткосрочные курсы лекций, выступали с лекциями в летних и зимних Еврошколах. Активно участвовали в этой деятельности О.В. Буторина, И.М. Бусыгина, О.Ю. Потемкина, М.В. Каргалова и другие, а во второй половине 1990-х и наши молодые сотрудники – С. Быховский, Н. Кавешников, Н. Кондратьева, С. Тэвдой-Бурмули. И по своему статусу, и по стажу научной работы я участвовал в этих мероприятиях наиболее интенсивно. Каждый год читал в одном или двух университетах, где были созданы региональные отделения АЕВИС, курсы лекций по истории европейской интеграции, теориям интеграции и отношениям Россия-ЕС. К началу 2000-ных АЕВИС объединяла более 20 региональных отделений, в некоторых из них сложились коллективы учёных и преподавателей, изучавших процессы европейской интеграции, политические системы и межгосударственные отношения в Европе и т.д., а также читавшие лекционные курсы по этой проблематике. И в это большой вклад внесли научные сотрудники нашего института.

В январе 1995 г. у меня появилась ещё одна нагрузка: я был назначен заместителем директора. Мои контакты с Виталием Владимировичем и двумя его “замами” участились. Как правило, это были рабочие встречи вчетвером, чтобы обсудить неотложные дела и принять какие-то решения, выполнение которых распределялось главным образом между “замами”. Раз в год я назначался временно исполняющим обязанности директора с правом подписи финансовых документов, когда Журкин, Караганов и Шенава одновременно отсутствовали в институте, кто-то – в отпуске, кто-то – в зарубежной командировке или по иным причинам. Но, в общем, я так и не освоился в своём новом статусе и в 1998 г. попросил директора освободить меня от этой обязанности. Просьба моя возникла не случайно. В феврале следующего года мне предстояло отметить 70-летие, и я решил, что мне пора уйти со всех административных постов – “зама”, заведующего отделом и президента АЕВИС. С тем я и пришел к Виталию Владимировичу. Моя просьба была для него полной неожиданностью. Он задумался, а потом спросил меня: “А вы представляете, как воспримут в институте мой приказ об освобождении Вас от всех Ваших обязанностей? Все решат, что я считаю Вашу работу неудовлетворительной или, хуже того, свожу с Вами какие-то счёты. Давайте начнём с чего-нибудь одного”. Мудрый Журкин был прав, и ответил, что начнём с “зама”. В апреле 1998 г. появился приказ о том, что я освобожден от должности заместителя директора Института Европы и назначен заведующим Отделом европейской интеграции.

Эта история имела продолжение. Вскоре после моей отставки ко мне заглянул Шмелёв и сказал, что Виталий Владимирович предложил ему занять освободившуюся вакансию заместителя директора. Николай Петрович был готов принять это предложение, но хотел узнать от меня, сам ли я ушёл или по инициативе Журкина. Я успокоил Николая, пересказав ему мой разговор с директором и пожелав ему успеха в новой должности. Рассказывать о содержании нашей дальнейшей беседы, касавшейся мотивов и намерений Шмелёва, я не буду, а мотивы Виталия Владимира выяснились через несколько месяцев, когда он ошеломил весь институтский

коллектив, объявив о своём решении уйти в отставку и назначив дату выборов нового директора. Все сожалели об уходе Журкина и были встревожены. Но успокаивало то, что он неизменно повторял, что не намерен уходить из института и, переключившись на свою научную работу, по-прежнему будет активно участвовать в его жизни. Из трёх “замов” Шенаев не мог быть избран на пост директора из-за своего возраста, так что выбирать предстояло между Карагановым и Шмелёвым. Умолчу о кулачных обсуждениях “плюсов” и “минусов” обоих кандидатов, тем более что за давностью лет я многое позабыл. Выборы состоялись в апреле 1999 г. и прошли спокойно. После того как Журкин открыл расширенное заседание Учёного совета, выступили три или четыре научных сотрудника, в том числе и я, предложившие выбрать директором института Николая Петровича Шмелёва. Других кандидатур не было, и за него проголосовало значительное большинство присутствовавших лиц.

Если бы меня спросили, внесла ли смена директоров существенные перемены в научной деятельности и жизни Института Европы, я ответил бы твёрдым “нет”. Оба, Виталий Владимирович Журкин и Николай Петрович Шмелёв, были людьми одной и той же нравственной формации и единомышленниками в том, что касается выбора наиболее плодотворного для России пути развития, её места в системе международных отношений, а также в понимании смысла и содержания научной деятельности института. Насколько я знаю, они систематически обсуждали текущие дела и перспективные планы его работы, и почетный директор Института Европы активно поддерживал новые инициативы своего преемника.

Так как я предупредил, что ограничусь в своих воспоминаниях 1990-ми годами, то о деятельности и роли Николая Петровича в развитии института я повторю то, что сказал в очерке, опубликованном в сборнике “Воспоминания о Николае Шмелёве”: “Его главный вклад в развитие и укрепление научного авторитета института состоит, на мой взгляд, в том, что он:

(а) сумел сохранить климат свободомыслия, конструктивных дискуссий, неприятия интриг и склок, сложившийся в институте благодаря усилиям Виталия Владимира Журкина, поддержаным всем коллективом;

(б) сохранил, по возможности, кадровый состав института, прежде всего ведущих специалистов, и немало поспособствовал пополнению коллектива молодыми учёными, окончившими институтскую аспирантуру или приглашёнными со стороны;

(в) сыграл ведущую роль в создании журнала “Современная Европа”, став его шеф-редактором с первого номера, вышедшего в свет в марте 2000 г.;

(г) был инициатором и председателем редколлегии уникальной серии фундаментальных монографий, посвящённых странам и общим проблемам Европы, под общим названием “Старый Свет – новые времена”.

Последние три года жизни и директорства Николая Шмелёва были неимоверно трудными. Он проводил в последний путь жену, с которой он прожил более 40 лет, резко ухудшилось зрение из-за отслоения сетчатки, и возникла угроза полной слепоты, начались сердечные боли и перебои. Он тянул, как мог. Я иногда заходил к нему, не имея никаких дел, а просто выкурить вместе по сигарете, обменяться парой слов, и, порой, было видно, как тяжко ему приходится. Вечером 6 января 2014 г. его сердце не выдержало” (Воспоминания о Николае Шмелёве. Москва – Санкт-Петербург, 2015, с. 31–32).

За минувшие 18 лет, начиная с 1999 г. по настоящее время в Институте Европы изменилось многое. Больше чем наполовину обновился его состав. Пришли два нынешних заместителя директора – Валентин Петрович Федоров (2000) и Михаил Григорьевич Носов (2004). Был и ещё один “зам” – Иван Дмитриевич Иванов, на

мой взгляд, самый сильный экономист-международник и в поздние советские времена, и в постсоветской России. В Институте Европы он пробыл менее двух лет и в 2004 г. уехал в Брюссель, где возглавил Торговое представительство РФ в Евросоюзе. В 2001 г. пришёл и возглавил Центр британских исследований Алексей Анатольевич Громыко. Пришли заведующие отделами Анатолий Иванович Бажан (1999), Владимир Яковлевич Швейцер (2002) и Любовь Николаевна Шишелина (2006), руководители большинства исследовательских центров, среди которых не могу не упомянуть Аллу Алексеевну Языкову (2004), которую мы с глубоким сожалением недавно проводили в последний путь. В 2006 г. в стенах института появился Виктор Иванович Мироненко, через год ставший главным редактором журнала “Современная Европа” и одновременно возглавивший Центр украинских исследований. Пришли и опытнейшие учёные, и множество молодых научных сотрудников. Перечислять всё, что было сделано за этот период, не буду, а в целом институт жил и поныне живёт полнокровной жизнью.

И в заключение – коротко об отделе и себе в новом столетии. В 2002 г. моя деятельность и мой привычный образ жизни были прерваны двумя онкологическими операциями, в сентябре – первая, в январе 2003-го – вторая, и затем в течение почти полутора лет я медленно возвращался к нормальному состоянию. От обязанностей руководителя Центра я был освобожден в июле 2002 г. Некоторое время его возглавляла О.В. Буторина, а с 2004г – Ольга Юрьевна Потемкина. Это решение дирекции было логичным. Она осталась единственным сотрудником отдела, входившим в 1992-1994 гг. в его научное ядро. Но решающую роль в её назначении сыграли личные качества Ольги Юрьевны – научная компетенция и организаторские способности. Об её участии в первой отдельческой монографии и в деятельности АЕВИС я уже упоминал. Добавлю, что к концу 1990-х годов она окончательно определила свою научную специализацию и приступила к подготовке докторской диссертации, а в 1999 г. возглавила сектор региональных исследований. В качестве заведующего отделом ей пришлось, по сути, заново укомплектовывать его состав, разрабатывать программу его деятельности и изыскивать средства для финансирования конкретных научных проектов. Ольга Юрьевна справилась со всеми задачами, которые ей пришлось решать. Отдел успешно функционирует и входит в число ведущих подразделений института.

Что касается меня, то, вернувшись в рабочее состояние, я сосредоточился на собственной научной работе. Опубликовал монографию “От европейской идеи – к единой Европе” (2003), подготовил главы для нескольких коллективных монографий в серии “Старый свет – новые времена”, был автором или соавтором нескольких “Докладов Института Европы РАН”, статей в нашем журнале и других периодических изданиях. Участвовал во многих международных и российских конференциях, был и остаюсь ответственным редактором ежеквартального электронного издания “Европейский Союз: факты и комментарии”. Участвую, пусть не так активно, как раньше, в жизни нашего институтского коллектива. И радуюсь тому, что участвую в двух юбилеях – 30-летии Института Европы и 25-летии Ассоциации европейских исследований.

Institute of Europe: the 1990s

Author. Borko Y. Senior researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11/3, Mokhovaya street, Institute of Europe, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** yborko@mail.ru.

УДК 32.019.52

Алексей САЛОМАТИН

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЕВРОСОЮЗЕ

Аннотация. Евробарометр, который выходит с начала 1970-х гг., является важным источником информации о том, что европейцы думают о ЕС. Его первые публикации указывали на сильную поддержку евроинтеграции. То же можно сказать и о периоде после Маастрихтского договора в 1990-е гг. Однако начиная с 2008–2010 гг. появляются кризисные тенденции и рост недоверия. В этом контексте феномен брексита не вызывает удивления.

Ключевые слова: история европейской интеграции, европейское общественное мнение, Евробарометр, кризис Евросоюза, доверие и недоверие к европейским институтам.

Безусловно важно то, что у исследователей-европеистов есть такой ценный источник, как сборник опросов общественного мнения “Евробарометр”, который выходит с 1974 г. Он появился в тот момент, когда, с одной стороны, прошла первая волна расширения Евросоюза (в 1973 г. к нему присоединились Дания, Ирландия, Великобритания), а с другой стороны начались структурный кризис и кризис экономической конъюнктуры. Западное общество “меняло свою кожу”: оно перешло от модернизационного развития к постмодернизационному [Саломатин, 2013: 252–254].

В первом номере издания сообщалось, что Еврокомиссия постановила провести исследование общественного мнения в 9 странах Евросоюза. Было опрошено более 8900 человек (т.е. примерно по 1000 человек в каждой из стран, за исключением Люксембурга, где 300 граждан участвовали в процедуре). Авторы исследования прежде всего попытались установить наиболее значимые проблемы для европейцев: оказалось, что это зарплата и цены. При этом выяснилось, что тема инфляции имеет разную степень озабоченности в отдельных странах: более 50% французов и англичан посчитали её имеющим значение, в то время как таковых среди датчан и нидерландцев было 21–22%. Вопрос о европейской валюте показался актуальным

© Саломатин Алексей Юрьевич – д.ю.н., д.и.н., профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, заведующий кафедрой Теория государства и права и политология, руководитель НОЦ Сравнительной правовой политики Пензенского государственного университета. Адрес: 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40. E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

для жителей Франции и Люксембурга, а тема сельского хозяйства представилась важной для итальянцев, тема экологии – для граждан Дании и Нидерландов. В большинстве стран 78–80% опрошенных выступили за совместные действия членов Евросоюза при решении проблем и только в Великобритании уровень поддержки этой позиции чуть превысил 50%. Идея общего рынка показалась привлекательной для 67% жителей самых старых 6 стран-членов при том, что лишь 35% датчан и 33% британцев разделили её. Схожий разрыв наблюдался и в реакции на гипотетический крах Евросоюза: об этом сожалели 56% населения государств-старожилов, но всего-навсего 27% датчан и 24% англичан [Euro-Barometer №1, April-May, 1974].

1970-е годы имеют репутацию десятилетия евроскептицизма. Тем не менее, и в эти годы шло строительство европейских институтов: в 1974 г. был создан Европейский Совет на уровне глав государств, в 1975 г. возникает Европейский фонд регионального развития, в 1979 г. состоялись первые выборы в Европарламент.

Более счастливыми оказались “тучные” 1980-е гг. Но именно тогда Евросоюз совершил свою первую стратегическую ошибку – принял в свои ряды государства (Грецию, Испанию, Португалию) с явно более низким уровнем социально-экономического развития [Арбатова, 2012: 36].

Мaaстрихтский договор 1992 г. обозначил качественно новое состояние межгосударственного интеграционного объединения в Европе. Он был подписан в обстановке неолиберального мондиализма, и ему сопутствовала высокая степень ожиданий со стороны европейцев. “Евробарометр” в начале 1990-х гг. показывал запредельный уровень доверия. Во всех странах-членах, за исключением Дании, люди хотели ускорить евроинтеграцию. 59% выступали за единую внешнюю политику. Идея расширения Евросоюза пользовалась популярностью: за присоединение Швеции ратовали 80% европейцев, Швейцарии – 79%, Норвегии – 78%, Финляндии и Австрии – 77%, Исландии – 71%. Однако уже тогда проглядывали контуры будущей иммиграционной проблемы: 50% европейцев считали, что в их странах проживает слишком много людей не из стран-членов Евросоюза [Eurobarometer. № 37, June 1992: 17, 63].

Возникла и ещё одна важная нестыковка: во второй половине 1990-х гг., когда уже был взят курс на интеграцию стран Восточной Европы, продвижения на восток опасались 44% опрошенных (не опасались 37%). По данным июня 1997 г. особое неприятие этот замысел вызывал не только в некоторых небольших странах (в Нидерландах – 57%, в Австрии – 54%), но и в стержнеобразующих государствах Евросоюза – Германии и Франции (55% и 51%) [[URL:\[http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.062enddate=1997.6\]\(http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.062enddate=1997.6\)](http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.062enddate=1997.6)]. На рубеже тысячелетий только 27% респондентов считали рост единой Европы приоритетной целью [European Commission, 2000: 1].

Осуществив в 2004 г. принятие 10 новых членов, Евросоюз совершил крупнейшую стратегическую ошибку. Но ещё до этого он допустил серьёзные просчёты функционального свойства – введение единой валюты и шенгенских виз. По мнению американского экономиста П. Кругмана, “введение в обиход евро уменьшило транзакционные издержки бизнеса, упростило и снизило риски трансграничных издержек, особенно в странах южной Европы, где инвестиции считались рискованными, а норма процента была выше. С появлением евро государственные долги Испании, Италии и Греции стали вровень с долгом Германии, что резко снизило стоимость заимствования в странах южной Европы, стимулировало там развитие

бизнеса, а также быстрый рост заработной платы, который почти в шесть раз опережал динамику роста заработной платы в Германии. Однако очень скоро именно это сделало эти страны непривлекательными для инвестиций, а их продукцию неконкурентоспособной, что привело к бегству капиталов, чрезмерному импорту, торговому дефициту и долгам” [Роговский, Васильев, 2012: 63–64].

Что же касается шенгенских виз, то они изначально пользовались большей популярностью у европейцев по причинам туризма и трудовой мобильности. Однако с началом миграционного кризиса в 2014 гг. выявился коренной недостаток Шенгена – он не может воспрепятствовать перемещениям мигрантов из страны в страну.

Форсированная евроинтеграция некоторое время не давала никаких сбоев. В плане евробюрократов по созданию Конституции Евросоюза всё казалось идеальным. Но провал референдумов во Франции и Нидерландах весной 2005 г. не был случайностью. Опросы общественного мнения осенью 2005 г. зафиксировали отсутствие привычной эйфории в отдельных странах. В Чехии, Швеции, Великобритании, Финляндии уровень поддержки ускоренной евроинтеграции был ниже 50%. Только 22% европейцев полагали, что необходимо продолжить ратификацию Конституции вопреки всему. Практически половина (49%) считали, что необходимо заново начинать переговорный процесс [Eurobarometer 64. 2005: 23–26].

Данные за последние два десятилетия демонстрируют явную тенденцию падения доверия ко всем институтам Евросоюза. Так, в отношении Еврокомиссии индекс доверия выглядит следующим образом: 53% (апрель 1993 г.), 45% (июнь 2010 г.), 38% (ноябрь 2014 г.), в отношении Европарламента – 54% (апрель 1993 г.), 48% (июнь 2010 г.), 42% (ноябрь 2014 г.), в отношении Европейского Суда – 63% (апрель 1993 г.), 50% (июнь 2010 г.), 46% (май 2012 г.).

Особый интерес представляет высокая вариативность этого показателя по странам. В лидере Евросоюза – Германии, доверие было, как правило, умеренно-держаным (см. Таблицу №1).

Таблица №1.

Отношение жителей Германии к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии:			
-доверяют	42	39	36
-не доверяют	32	41	44
Отношение к Европарламенту:			
-доверяют	46	43	43
-не доверяют	28	43	42

В то же время в ряде государств-членов оно превышало уровень 50% на момент непосредственно после заключения Маастрихтского договора. В дальнейшем этот высокий показатель сохранился далеко не везде. Например, в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге это имело место, но в крупных странах наступило разочарование. Именно эту ситуацию демонстрирует Франция (см. Таблицу №2).

Таблица №2.**Отношение жителей Франции к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.**

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии: -доверяют -не доверяют	59 25	39 38	34 45
Отношение к Европарламенту: -доверяют -не доверяют	57 24	45 37	38 44

Падение доверия оказалось ещё более резким в Испании (см. Таблицу №3).

Таблица №3.**Отношение жителей Испании к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.**

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии -доверяют -не доверяют	49 22	45 35	26 58
Отношение к Европарламенту -доверяют -не доверяют	53 20	47 37	28 59

Если же говорить о Греции, которая чуть было не вышла из Евросоюза, то уровень недоверия здесь является вопиющим: три грека из четырёх не доверяют Еврокомиссии, два грека из трёх негативно относятся к Европарламенту! (см. Таблицу №4).

Таблица №4.**Отношение жителей Греции к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.**

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии -доверяют -не доверяют	64 18	42 55	23 72
Отношение к Европарламенту -доверяют -не доверяют	65 15	48 50	32 65

В странах Восточной Европы еврооптимизм сменился дифференцированным евроскептицизмом, т.е. в каких-то странах (Польша) показатель доверия мало изменился, в каких-то (Чехия) он резко сократился (см. Таблицы №5–6).

Таблица №5.**Отношение жителей Польши к институтам Евросоюза, 2004–2014 гг.**

	октябрь 2004 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
-доверяют	51	56	48
-не доверяют	18	23	24
Отношение к Европарламенту			
-доверяют	51	57	52
-не доверяют	20	25	24

Таблица №6.**Отношение жителей Чехии к институтам Евросоюза, 2004–2014 гг.**

	октябрь 2004 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
-доверяют	51	52	37
-не доверяют	28	36	43
Отношение к Европарламенту			
-доверяют	60	55	41
-не доверяют	25	37	47

В роли вечного оппозиционера всегда и везде вплоть до выхода из Евросоюза выступала Великобритания. Здесь недоверие к европейским институтам стабильно высокое, хотя и несколько ниже, чем в Греции (см. Таблицу №7).

Таблица №7.**Отношение жителей Великобритании к институтам Евросоюза, 1993–2014 гг.**

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
-доверяют	49	24	25
-не доверяют	32	53	47
Отношение к Европарламенту			
-доверяют	48	24	27
-не доверяют	36	59	55

Референдум о выходе Великобритании из ЕС 23 июня 2016 г. Евросоюз не разрушил, но создал прецедент возможности выхода и так называемые репутационные потери для организации [Бабынина, 2016: 21–33]. Это событие стало лишь одним в череде кризисных явлений.

В целом, контуры кризиса обозначились уже в 2008–2010 гг. “Не успел временно затихнуть банковско-финансовый кризис 2008–2009 гг., как ему на смену пришёл кризис зоны евро, охвативший целую группу стран-членов ЕС (Греция, Португалия, Ирландия). События на Украине дали толчок новой невзгоде – санкционному режиму ЕС в отношении России, что не могло не отразиться на благосостоянии многих стран, входящих в ЕС” [Швейцер, Таршин. 2016: 16].

Однако главным фактором дестабилизации выступает иммиграционная проблема, приобретшая в 2015 г. беспрецедентные масштабы.

Миграционный кризис в странах Евросоюза безусловно является одной из характерных черт современного этапа развития миросистемы [Загладин, 2016: 33]. Он имеет не только негативные социально-демографические и культурно-конфессиональные очертания для конкретных стран, но и угрожающие политики-организационные последствия для объединённой Европы. Исследования показывают, что в разных странах не одинаково относятся к мигрантам: влияние здесь оказывает общая социально-экономическая ситуация, а также культурные традиции. Если, скажем, в Скандинавских странах и даже Германии отношение к приезжим является более терпимым, то в странах Центральной Европы, Франции, Бельгии, Польше оно характеризуется настороженностью – идёт ли речь о конкуренции за рабочие места, социальном иждивенчестве мигрантов, их негативном культурном влиянии, или росте преступности по их вине [Монусова, 2016: 62].

“Евробарометр” фиксирует миграционную проблему как одну из ведущих наряду с безработицей. Во Франции, Италии, Испании, Португалии, Финляндии, Греции она является наиболее значимой. При этом в масштабах всего Евросоюза четверть опрошенных выступают против общей иммиграционной политики. Максимально поддерживают общий курс Германия и Люксембург (85%), Нидерланды (83%), Испания (82%). Страны Центральной Европы и Прибалтики относятся к данной идее скептически-сдержанно (в Чехии против выступают 55%) [Standard Eurobarometer 86, 2016: 11, 28].

Однако дело не только в мигрантах. Позитивный имидж Евросоюза снизился в 2012 г. до 30% после докризисных 50–52% и находится сейчас на уровне 35%. Только в 7 странах он является доминирующим (Ирландия – 55%, Польша – 51%, Румыния – 50%, Болгария – 49%, Португалия – 48%, Люксембург – 47%, Великобритания – 34%). Как видим, это далеко не самые ведущие члены объединения!

Полностью негативно относятся к объединённой Европе 25% опрошенных. Спасают репутацию так называемые сторонники “нейтрального имиджа”.

Другой индекс – доверие к Евросоюзу после пика в 57% в 2007 г. находится сейчас на уровне только в 36%. В то время как в начале 2000-х гг. разрыв в доверии между Евросоюзом и национальными правительствами – национальными парламентами исчислялся более чем в десяток процентов, в настоящее время он минимален. Иными словами, европейцы имеют тенденцию более благосклонно относиться к своей национальной государственности, чем к евробюрократии [Standard Eurobarometer 86, 2016: 14–16].

Разумеется, никто не предсказывает Евросоюзу крах в ближайшем будущем, но тревожные тенденции налицо. Диагностирование “евроболезни” было бы более со-

держательным, если бы организаторы официальных опросов общественного мнения, публикуемых "Евробарометром", были бы честнее, стремились проследить мотивацию респондентов и вообще занимались более глубокой аналитикой, чем это принято в рамках европейской политкорректности.

Список литературы

- Арбатова Н. (2012) Кризис и Европейский Союз: политические аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 36.
- Бабынина Л. (2016) Значение BREXIT для Европейского Союза. *Современная Европа*. №4. С. 21–33.
- Загладин Н.В. (2016) Переходные периоды в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения*. №12. С. 33.
- Монусова Г. (2016) Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 62.
- Роговский Е.А., Васильев В.С. (2012) Идейное оправдание экономической политики Б. Обамы. *США. Канада. Экономика, политика, культура*. №10. С. 63–64.
- Саломатин А.Ю. (2013) Всемирная история государственного управления. М.: Норма. С. 252–254.
- Швейцер В., Таршин А. (2016) Европейский Союз: критики и апологеты. *Современная Европа*. №1. С. 16.

References

- Arbatova N. (2012) Krizis i Evropejskij Soyuz: politicheskie aspekty. *Mirovaya ekonomika i mezhdu-narodnye otnosheniya*. №11. S. 36.
- Babynina L. (2016) Znachenie BREXIT dlya Evropejskogo Soyuza. *Sovremennaya Evropa*. №4. S. 21–33.
- Zagladin N.V. (2016) Perekhodnye periody v mirovoj politike. *Mirovaya ekonomika i mezhdu-na-rodyne otnosheniya*. №12. S. 33.
- Monusova G. (2016) Vospriyatiye immigrantov evropejskim obshchestvennym mnemiem. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, №11. S. 62.
- Rogovskij E.A., Vasil'ev V.S. (2012) Idejnoe opravdanie ekonomicheskoy politiki B. Obamy. *SSHA. Kanada. EHkonomika, politika, kul'tura*. №10. S. 63–64.
- Salomatin A.YU. (2013) Vsemirnaya istoriya gosudarstvennogo upravleniya. M.: Norma. S. 252–254.
- Shvejcer V., Tarshin A. (2016) Evropejskij Soyuz: kritiki i apologety. *Sovremennaya Evropa*. №1. S. 16.
- Eurobarometer №1, April-May, 1974.
- Eurobarometer. №37, June 1992. P. 17, 63.
- Eurobarometer 64. Public Opinion in the European Union. First Results. 2005, October-November. P. 23–26. URL: <http://ec.europa.eu>
- European Commission. Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. (2000) Report Number 53. Fieldwork. 2000, April-May. P. 1.
- Standard Eurobarometer 86. Autumm 2016.
- URL:http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.062enddate=1997.6

Public Opinion as Indicator of Crisis Tendencies inside the EU

Author. Salomatin A., Doctor of Legal and Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law, Head of Department of Theory of State and Law and Political Science, Penza State University. **Address:** 40, Krasnaya street, Penza, Russia, 440026. **E-mail:** valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. Euro-Barometer which has been published from the beginning of 1970's is the precious source of information about what Europeans think about the EU. Its early data is strongly in favor of European integration. The same can be said about the period after Maastricht in 1990's. But starting from 2008–2010 crisis tendencies of distrust have appeared. In this context Brexit has not been an unexpected development.

Key words: History of European integration; European public opinion; Euro-Barometer; Crisis in European Union; Trust and mistrust in European institutions.

УДК 323.2, 327.7, 328.1

Елена МАСЛОВА,

Мария ШИБКОВА

ПОЗИЦИИ ИТАЛЬЯНСКИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Аннотация. С введением режима “взаимных санкций” со стороны ЕС и России, перед Италией всталась непростая задача: с одной стороны, стране необходимо быть последовательным проводником общей европейской политики (особенно, в свете председательства страны в ЕС во второй половине 2014 г., т.е. в период формирования позиции ЕС в отношении украинского кризиса и воссоединения Крыма с Россией). С другой стороны – отстаивать национальные интересы, которым из-за режима санкций нанесён ущерб, исчисляемый миллиардами евро. Раскол итальянских политических сил по вопросу санкций в отношении России в полной мере отразился на результатах голосования. В статье авторы проводят анализ голосования итальянских политических партий по резолюциям, затрагивающим вопрос антироссийских санкций (с 2012 по 2016 г.). При этом, анализируется позиция итальянских политических сил как на общеевропейском уровне (голосования в Европейском парламенте), так и на национальном (голосования в Палате депутатов). На основании полученных результатов, авторы приходят к выводу, что правящая Демократическая партия последовательно проводит политику антироссийских санкций как на национальном уровне, так и общеевропейском. Партия Лига Севера и Движение пяти звёзд – основные политические оппоненты – напротив последовательно выступают за отмену или смягчение санкций в отношении России. Партии “Вперёд, Италия” свойственно менять свою позицию в зависимости от политической конъюнктуры.

Ключевые слова: российско-итальянские отношения, Италия, внешняя политика Италии, антироссийские санкции.

© **Маслова Елена Александровна** – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. **E-mail:** elena.maslova21@gmail.com

Шибкова Мария Олеговна – преподаватель кафедры романских языков, аспирант МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** marie_shib@mail.ru

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых учёных (КМУ-4).

Авторы данной публикации являются победителями конкурса научных статей молодых ученых-европеистов, посвященного 25-летию Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), в 2017 году.

В июне 2017 г. исполняется 155 лет установления дипломатических отношений между Российской империей и объединённым Итальянским королевством [Зонова, 2016; 2012; 1998; 1974]. Ныне документами, служащими политико-правовой основой контактов Российской Федерации и Итальянской Республики, являются Договор о дружбе и сотрудничестве 1994 г. (рассмотрен в 1997 г.) и План действий в отношениях между ними от 1998 г. В Договоре подчёркивается, что Россия и Италия будут развивать отношения как дружественные государства, поддерживая при этом постоянный многоуровневый диалог.

Несмотря на охлаждение отношений между Россией и Западом, сегодня для России и Италии они остаются отношениями *привилегированного стратегического партнёрства* [Маслова, 2017; Арбатова, 2015].

Италия, с одной стороны, являясь членом НАТО и одной из стран-основательниц Европейского Союза, придерживается общей позиции Брюсселя, прислушиваясь к США, с другой стороны, руководство стремится развивать особые отношения с Россией, ориентируясь на собственные интересы. Такая позиция вписывается во внешнеполитическую стратегию страны периода Второй республики начиная с середины 1990-х гг. Италия стремится акцентировать свою роль как в региональной, так и в глобальной политике, отказываясь от традиционного восприятия себя как “средней державы” и позиционируясь в качестве “моста” между полюсами мировой политики, в частности, между Евросоюзом и Россией [Маслова, 2016, 2012, Барабанов, 2002].

Таким образом, Италия оказывается “зажата” между общеевропейскими и атлантистскими ценностями и обязательствами, с одной стороны, и своими интересами, с другой, которые она не отказывается отстаивать. На сегодняшний день ключевыми вопросами итальянской внешней политики являются ситуация в Ливии и Сирии. Цель Италии состоит в том, чтобы заручиться поддержкой России и сыграть, по выражению итальянцев, много “матчей”, в которых России хотела бы играть ведущую роль. В обмен Италия предлагает своё содействие в смягчении линии Брюсселя в отношении России.

Ливийский и сирийский сюжеты связаны с миграционным кризисом, а также энергетической безопасностью страны. Уровень энергозависимости Италии от поставок из-за рубежа очень высок, поэтому страна заинтересована в энергетическом сотрудничестве с Россией. В целом, интенсивные торгово-экономические связи России и Италии мотивированы, прежде всего, потребностью Италии в поставках российских энергоносителей и российской заинтересованностью в итальянских потребительских товарах и технологиях.

Стремление Италии находить баланс между национальными интересами и интересами Европейского Союза отражается на результатах голосования итальянских партий в национальном и европейском парламенте. Мы проанализировали результаты голосования крупнейших политических партий Италии, представленных в обоих (Демократическая партия, Движение пять звёзд, “Вперёд, Италия”, Лига Севера, Новый правый центр и “Левые, экология, свобода”) по резолюциям, так или иначе затрагивающим вопрос санкций в период с 2014 по 2016 г. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты голосования партий в Европейском парламенте и итальянской Палате депутатов

Резолюции Европейского парламента	ДП	Д53	ВИ	ЛС	НПЦ	ДЕЦ
Резолюция о ситуации на Украине (17.07.2014)	√- 23 ? - 6 x - 0	√- 0 ? - 8 x - 9	√- 7 ? - 5 x - 0	√- 0 ? - 1 x - 4	√- 0 ? - 2 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 0
Резолюция о ситуации на Украине и состоянии отношений между ЕС и Россией (18.09.2014)	√- 28 ? - 1 x - 0	√- 16 ? - 1 x - 0	√- 8 ? - 4 x - 0	√- 4 ? - 1 x - 0	√- 1 ? - 1 x - 0	√- 0 ? - 1 x - 0
Резолюция о состоянии отношений между ЕС и Россией (10.06.2015)	√- 20 ? - 9 x - 0	√- 0 ? - 2 x - 15	√- 1 ? - 11 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 5	√- 1 ? - 1 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 2
Резолюция о военно-стратегической обстановке в бассейне Черного моря после незаконной аннексии Крыма Россией (11.06.2015)	√- 4 ? - 25 x - 0	√- 0 ? - 3 x - 14	√- 2 ? - 10 x - 0	√- 0 ? - 1 x - 4	√- 0 ? - 2 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 1
Резолюция о ситуации с соблюдением прав человека в Крыму, в особенности, в отношении крымских татар (04.02.2016)	√- 25 ? - 4 x - 0	√- 0 ? - 1 x - 16	√- 6 ? - 6 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 5	√- 1 ? - 1 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 1
Резолюция о стратегических коммуникациях ЕС как противодействии пропаганде (23.11.2016)	√- 2 ? - 27 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 17	√- 1 ? - 8 x - 3	√- 0 ? - 0 x - 5	√- 2 ? - 0 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 2
Резолюции парламента Италии	ДП	Д53	ВИ	ЛС	НПЦ	ЛЭС
Резолюция 1-00591 – <i>против санкций</i> (10.09.2014)	√- 0 ? - 0 x - 212	√- 55 ? - 0 x - 0	√- 39 ? - 0 x - 0	√- 14 ? - 0 x - 0	√- 2 ? - 0 x - 17	√- 0 ? - 19 x - 0
Резолюция 1-00913 - <i>против санкций</i> (18.06.2015)	√- 0 ? - 0 x - 217	√- 57 ? - 0 x - 0	√- 1 ? - 1 x - 38	√- 0 ? - 0 x - 14	√- 0 ? - 0 x - 21	√- 19 ? - 0 x - 0
Резолюция 1-00914 - <i>против санкций</i> (22.06.2015)	√- 0 ? - 0 x - 217	√- 56 ? - 0 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 40	√- 0 ? - 0 x - 14	√- 0 ? - 0 x - 21	√- 19 ? - 0 x - 0
Резолюция 1-00916 - <i>против санкций</i> (22.06.2015)	√- 0 ? - 0 x - 217	√- 57 ? - 0 x - 0	√- 1 ? - 38 x - 2	√- 0 ? - 14 x - 0	√- 0 ? - 3 x - 18	√- 19 ? - 0 x - 0
Резолюция 1-00920 – <i>за санкции</i> (23.06.2015)	√- 216 ? - 0 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 57	√- 0 ? - 1 x - 39	√- 0 ? - 0 x - 14	√- 15 ? - 2 x - 3	√- 0 ? - 19 x - 0
Резолюция 1-01086 - <i>против санкций</i> (18.12.2015)	√- 0 ? - 0 x - 219	√- 69 ? - 0 x - 0	√- 32 ? - 0 x - 0	√- 10 ? - 1 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 13	√- 19 ? - 0 x - 0

Резолюция 1-01089 - против санкций (21.12.2015)	√- 0 ? - 0 x - 219	√- 71 ? - 0 x - 0	√- 31 ? - 0 x - 0	√- 11 ? - 0 x - 0	√- 0 ? - 0 x - 13	√- 19 ? - 0 x - 0
--	--------------------------	-------------------------	-------------------------	-------------------------	-------------------------	-------------------------

Обозначения: ДП – Демократическая партия, 29 депутатов (28 входят во фракцию “Прогрессивный альянс социалистов и демократов”, 1 – неприсоединившийся),

Д5З – Движение пять звёзд, 17 депутатов (все входят во фракцию “Европа за свободу и прямую демократию”),

ВИ – “Вперёд, Италия”, 12 депутатов (все входят во фракцию “Европейская народная партия”),

ЛС – Лига Севера, 5 депутатов (все входят во фракцию “Европа наций и свобод”),

НПЦ – Новый правый центр, 2 депутата (все входят во фракцию “Европейская народная партия”),

ДЕЦ – Другая Европа с Ципрасом, 2 депутата (все входят во фракцию “Европейские объединенные левые / Лево-зелёные Севера”),

ЛЭС – “Левые, экология, свобода” (сравниваются с ДЕЦ на европейском уровне, так как разделяют общую идеологическую платформу),

√ – голосов за резолюцию,

? – голосов воздержавшихся от голосования,

x – голосов против резолюции.

Позиции итальянских политических партий при голосовании в Европейском парламенте

За основу анализа поведения итальянских политических партий на наднациональном уровне нами были взяты результаты голосования по шести резолюциям Европейского парламента, касающимся санкций, введённых Советом ЕС 17 марта 2014 г. в отношении Российской Федерации. Напомним, что введение санкций в рамках осуществления общей внешней политики и политики безопасности, а также статьи 215 Договора о Европейском Союзе, не входит в полномочия Европейского парламента, однако последний последовательно поддерживает решения Совета ЕС, принимая соответствующие резолюции. Несмотря на то, что общий результат голосования по данным резолюциям свидетельствует о единодушии европейских парламентариев в отношении этих санкций, более детальный анализ результатов голосов представителей различных национальных партий, входящих в общеевропейские фракции, позволяет сделать выводы о позиции политических сил каждой отдельной страны по данному вопросу.

Первая резолюция Европейского парламента о ситуации на Украине положила начало традиции резких критичных оценок действий России в контексте украинского кризиса и одобрения наложенных на неё санкций. Так, документ приветствовал “подготовительную работу Совета, Европейской службы внешних связей и стран-членов по введению дальнейших санкций, которые должны будут охватить экономический, финансовый, энергетический сектор, а также эмбарго на поставки вооружений и технологий двойного назначения” [European Parliament resolution, 17.07.2014]. Вместе с тем, европейским институтам поручалось проработать меры по сокращению зависимости от поставок газа из России, которая, по выражению авторов резолюции, использует энергетические ресурсы в качестве инструмента внешней политики, проявляет себя как ненадёжный торговый партнёр.

Итальянские европарламентарии в целом одобрили данный документ, однако представители Демократической партии и их политические оппоненты в своём голо-

совании не были единодушны. Так, половина депутатов Движения пять звёзд, а также большая часть членов Лиги Севера высказались против резолюции, что свидетельствовало об отсутствии на тот момент выработанной по данному вопросу позиции.

Вторая резолюция, одобренная Европейским парламентом в сентябре 2014 г., приветствуя достигнутые в Минске договорённости, выдвигала обвинения в адрес России в их нарушении и ведении “гибридной войны” против Украины. В тексте подтверждалась приверженность ЕС принципу территориальной целостности и осуждалась “аннексия” Крыма Россией, в связи с чем Совету ЕС предлагалось пересмотреть отношения “стратегического партнёрства” с Российской Федерацией. В документе поддерживались введённые Советом ЕС в отношении России санкции, он призывал не отменять их до тех пор, пока Россия полностью не выведет свои войска с территории Украины, а также обозначить “готовность ввести дальнейшие санкции за любые действия России, направленные на нарушение режима прекращения огня или эскалацию напряжённости на Украине” [European Parliament resolution, 18.09.2014]. Кроме того, депутаты одобряли решение Франции отказаться от поставки “Мистралей” и предлагали другим странам-членам ввести экспортное эмбарго на товары, не охваченные санкциями ЕС, в особенности в части вооружений и технологий двойного назначения.

Резолюция уже была поддержанна всеми итальянскими партиями, однако об особой позиции Италии свидетельствует положительное голосование по двум важнейшим поправкам. Первая касалась включения положения о “варьируемости и обратимости европейских санкций в зависимости от изменения реальной ситуации”, а вторая, расколотшая Европарламент почти надвое (53% – “за”, 40% – “против”), – о сотрудничестве с Евразийским экономическим союзом. Благодаря этим поправкам тон резолюции в отношении России заметно смягчился.

Интерес представляет рассмотрение резолюции, в которой шла речь о том, что “Россия из-за своих действий в Крыму и Восточной Украине не может больше считаться стратегическим партнёром, так как стратегическое партнёрство должно основываться на взаимном доверии и уважении международного права” [European Parliament resolution, 10.06.2015]. Условием возобновления сотрудничества в ней называлось уважение Россией территориальной целостности Украины, а снятие санкций увязывается с возвращением Крыма Украине. Кроме того, парламент выражал озабоченность по поводу “российской пропаганды” и поручал комиссии проработать вопрос финансирования проектов, направленных на борьбу с ней.

При голосовании по данному документу некоторые итальянские партии проявили жёсткость: против резолюции высказалось и Движение пять звёзд, и Лига Севера, и депутаты от Другой Европы с Ципрасом. Партия “Вперёд, Италия” воздержалась от голосования. Движение пять звёзд, Лига Севера, Другая Европа с Ципрасом в полном составе возражали против включения в резолюцию положения “из-за своих действий в Крыму”, а в поправке по вопросу “противодействия российской пропаганде” к ним присоединилась и правящая Демократическая партия, а также Новый правый центр. По-прежнему настороженное отношение проявила “Вперёд, Италия”, большинство депутатов которой воздержалось от голосования и по поправкам.

В июне 2015 г. Европарламентом была принята ещё одна резолюция, на этот раз касавшаяся военно-стратегической обстановки в бассейне Чёрного моря “после незаконной аннексии Крыма Россией”. Уже по названию можно судить о содержании документа, в котором фигурировали положения о том, что “изменяющееся военно-

стратегическое положение в бассейне Чёрного моря, а также российская аннексия Крыма силовым путём символизируют масштабные и систематические вызовы постбиполярной архитектуре европейской безопасности, основанной на нормах международного права” [European Parliament resolution, 11.06.2015]. Санкционное давление на Россию предлагалось продолжить и усилить, как и оказание помощи Украине в обеспечении её обороны.

Итальянские евродепутаты не поддержали проект этого документа. Демократическая партия, “Вперёд, Италия” и Новый правый центр от голосования воздержались, тогда как Движение пять звёзд и Лига Севера практически стопроцентно высказались против. Решающую роль сыграли голоса итальянских депутатов в блокировании поправки о возможности поставок Украине оборонительных вооружений в случае невыполнения Россией Минских договорённостей, предложенной немецкими христианскими демократами.

Следующая Резолюция касалась прав человека в Крыму. В ней содержалось утверждение о “беспрецедентном уровне нарушений прав человека в отношении жителей Крыма, в особенности крымских татар, не подчиняющихся навязываемому курсу так называемых местных властей, особенно, под предлогом борьбы с экстремизмом и терроризмом” [European Parliament resolution, 04.02.2016]. Евродепутаты вновь подтвердили свою поддержку территориальной целостности Украины, сохранении ограничительных мер вплоть до возвращения Крыма в юрисдикцию Украины, а также экспортного эмбарго товаров из Крыма без украинского свидетельства об их происхождении. Голосование итальянских депутатов в этот раз не стало неожиданностью. В его поддержку выступили все депутаты от Демократической партии, половины представителей “Вперёд, Италия” и Нового правого центра. Депутаты, представлявшие Движение пять звёзд, Лигу Севера и левых отказались это делать.

Сюрприз преподнесло голосование итальянцев по резолюции о стратегических коммуникациях ЕС и противодействию пропаганде. В документе основными угрозами европейской солидарности называется антиевропейская пропаганда России и Исламского государства, в частности, критикуется стремление России ослабить Европейский Союз, политическую независимость и территориальную целостность его стран-членов. Кроме того, Россия открыто обвинялась в “поддержке антииэсовских сил, в особенности праворадикалов, популистов, а также сил, отрицающих базовые ценности либеральных демократий” [European Parliament resolution, 23.11.2016]. В качестве ответа на подобные действия России Европейский парламент предлагает совершенствовать методы и технологии подачи информации в киберпространстве, разоблачать “кремлёвскую пропаганду” и работающие на неё “псевдоновостные агентства”, а также предоставлять через максимально большое количество источников “правдивую и интересную информацию о ЕС”.

Поставив в один ряд Россию и Исламское государство, авторы резолюции лишились большого количества союзников (резолюцию поддержали 44% европарламентариев, высказались против 26%, воздержалось 30%), в том числе и среди итальянских евродепутатов. Оппозиция, включая Движение пять звёзд, Лигу Севера, Другую Европу с Ципрасом в полном составе, а также троих депутатов от “Вперёд, Италия” проголосовали против резолюции, одобрительно высказались правоцентристы, тогда как демократы предпочли воздержаться.

Таким образом, предварительные итоги анализа голосования представителей итальянских партий в Европейском парламенте могут быть сведены к следующему:

- Демократическая партия последовательно поддерживала продление антироссийских санкций, воздерживаясь, однако, от резких оценок действий России, а также демонстрируя готовность скорейшего снятия санкций в случае изменения ситуации;
- наиболее последовательную пророссийскую позицию демонстрировали Движение пять звёзд, Лига Севера и Другая Европа с Ципрасом;
- полностью евросолидарный Новый правый центр разделяет общую линию ЕС на продолжение давления на Россию;
- центристской позиции придерживается “Вперёд, Италия”, демонстрируя солидарность со своей фракцией.

Голосование в итальянском парламенте

Рассмотрим теперь поведение итальянских партий при голосовании в Палате депутатов по резолюциям похожего содержания.

Первая резолюция, внесённая на рассмотрение в сентябре 2014 г., то есть практически сразу после введения Советом ЕС санкций против России, вызвала бурное обсуждение в итальянском парламенте. Голосование по ней, состоялось только 25 июня 2015 г. и выявило беспрецедентно большое число противников участия Италии в санкциях в отношении России. Против санкций в отношении России проголосовали все оппозиционные партии, отдав в поддержку резолюции в общей сложности 125 голосов против 265 возражавших, состоявших практически из одних представителей правящей Демократической партии (212 голосов).

Сам документ был, по сути, ответом на российское ограничение на импорт из стран–членов ЕС от 7 августа 2014 г. В резолюции содержатся данные предварительных расчётов возможных убытков для экономики Италии, оцениваемых на тот момент в 200 млн евро. Авторы документа видели угрозу не только для экспорта, объёмы которого заметно сократятся, но и для торговых и распределительных сетей, вынужденных, подстраиваясь под новые условия, урезать количество рабочих мест. В общем, по мнению депутатов, введённое Российской Федерацией эмбарго, сильно ударит по итальянскому сельскому хозяйству, которое и так пострадало в 2014 г. в связи с мягкой зимой и дождливым летом, а также постоянным падением объёмов внутреннего потребления. На этом фоне меры, предпринимаемые Европейской комиссией для поддержания продовольственного сектора стран–членов ЕС, являются малоэффективными, т.к. покрывают только часть понесённых убытков. В заключительной части резолюции содержится призыв к итальянскому правительству на правах председательства в ЕС (с 1 июля по 31 декабря 2014 г.) стать проводником политической линии, направленной на политico-диplоматическое разрешение украинского кризиса и немедленное снятие антироссийских санкций, а также “в любом случае, отказаться от поддержки санкций, в корне противоречащих национальным интересам” [Atto Camera, 10.09.2014]. Кроме того, в документе подчёркивается необходимость добиться от Европейской комиссии более адекватных мер поддержки европейских производителей, пострадавших от российских контрсанкций.

Вынесение на голосование следующих четырёх резолюций связано с решением постоянных представителей стран–членов ЕС 17 июня 2015 г. продлить антироссийские санкции до 31 декабря 2016 г. и предстоявшим заседанием Совета ЕС на уровне министров иностранных дел, впоследствии утвердившим пролонгацию санкций. Три из четырёх резолюций, в разной манере осуждающих санкционный

режим и указывающих на его тяжёлые последствия для Италии, были ожидаемо отклонены в связи с отрицательным голосованием демократов, пользующихся прерогативой партии большинства, и только четвёртая резолюция, носящая компромиссный характер, опять же благодаря демократам была принята.

Так, Движение пять звёзд с интервалом в четыре дня представило две резолюции, содержащие одинаковые требования, но подкреплённые разной аргументацией. Первый, довольно объёмный документ апеллировало к экономическим мотивам отмены санкций. В частности, авторы указывают на колоссальные потери, понесённые итальянской экономикой, размеры которых в зависимости от источника статистики колеблются от 188 млн до 3,7 млрд евро. Политика ЕС в целом и итальянского правительства в частности называется в документе “близорукой”, т.к. чиновники оказались не в состоянии адекватно оценить очевидные последствия введения ограничительных мер в отношении России, тогда как меры поддержки со стороны Европейской комиссии исчисляются 125 млн евро и не могут покрыть ущерба, измеряемого миллиардами. Выход авторы предложенной резолюции видели в отмене санкций на уровне ЕС, одностороннем выходе Италии из санкционного режима, а также в дополнительной помощи пострадавшим секторам экономики.

Во второй резолюции авторы ушли от экономической статистики и сделали акцент на политико-дипломатической деятельности России на международной арене, её роли в обеспечении мира, международной и региональной безопасности, а также “неэффективности нынешней стратегии, основанной только на санкциях” [Atto Camera, 22.06.2015].

Третья резолюция, подготовленная депутатами от партии “Левые, экология, свобода” акцентировала внимание на том, что Россия пострадала от европейских санкций несравненно меньше, чем Евросоюз от её ответных мер. Более того, в документе указывается, что изначально введение санкций было “поспешным и необдуманным выбором, слишком зависимым от выбора НАТО и США, а также от намерения Германии расширить своё влияние на Восток” [Atto Camera, 22.06.2015]. При этом реального эффекта от ограничительных мер не ощущается ни одной из сторон, включая и Украину, на которую ЕС обращает внимание только в силу её стратегического положения как страны-транзитёра газа, тогда как реальная защита интересов её граждан вовсе не является приоритетом. В заключение авторы резолюции также требует отмены или ослабления санкций, а также дипломатического разрешения украинского конфликта, одним из вариантов которого может быть выстраивание отношений с Украиной по типу “финской модели”.

Все три документа были отклонены Палатой депутатов, причём если голосование правящей Демократической партии, а также вторившего ей Нового правого центра вопросов не вызывает, то выбор оппозиции заслуживает особого внимания. Авторы резолюций, Движение пять звёзд и “Левые, экология, свобода” стали единственными партиями, единогласно поддержавшими документы. Партия “Вперёд, Италия” проголосовала против жёстких резолюций и воздержалась при голосовании по второй резолюции Движения пяти звёзд. Такую же линию поведения выбрала и Лига Севера. Это свидетельствует как о традиционной фрагментированности итальянской политической системы, так и о неспособности оппозиции выступать единым фронтом.

Ответом на критичные резолюции стал документ, внесённый на голосование группой депутатов, среди которых были и представители Демократической партии. Резолюция, принятая благодаря поддержке демократов и Правого центра, признаёт

потери, понесённые Италией от санкций и контрсанкций, однако констатирует “существование геополитических мотивов, являющихся приоритетными по сравнению с мотивами экономическими, так как они представляют собой ответственную и содержательную реакцию на военно-политические инициативы российского правительства по отношению к Украине” [Atto Camera, 23.06.2015]. Авторы, признавая традиционно дружеский характер отношений Италии и России, а также указывая на неэффективность методов давления на неё, считают санкционный режим неизбежным, а односторонний отказ Италии от его исполнения невозможным, так как это будет означать легитимацию незаконных действий России на территории Украины.

Документ предлагает правительству продолжать усилия, направленные на принуждение России и Украины к соблюдению минских договорённостей, оказывать в этом поддержку Европейскому Союзу, придерживаться линии, выбранной международным сообществом. Резолюция, в отличие от предыдущих, не получила поддержки оппозиции.

Последняя “волна” парламентской активности в Италии была вызвана продлением на шесть месяцев (до 31 июля 2016 г.) ограничительных мер в отношении России в декабре 2015 г. Две предложенные Движением пять звёзд и партией “Левые, экология, свобода” резолюции вновь призывали отказаться от санкций, а также добиться от ЕС помочи отраслям экономики, бизнесменам и предприятиям, терпящим убытки. Предложенные резолюции отличались друг от друга аргументацией. Движение пять звёзд потребность возобновления диалога с Россией объясняло необходимостью осуществления совместных мер в борьбе с Исламским государством и её ролью в сирийском конфликте [Atto Camera, 18.12.2016].

В документе, предложенном левыми, были упомянуты предпосылки текущего кризиса в отношениях России с Западом – расширение НАТО, что “с одной стороны, принесло много преимуществ членам альянса, но с другой, бесспорно, существенным образом способствовало ухудшению отношений с Россией” [Atto Camera, 21.12.2015]. Проект резолюции содержал требование не допустить эскалации украинского конфликта и исключить возможность участия НАТО в его урегулировании.

Обе резолюции были поддержаны оппозицией, но не были приняты вследствие перевеса голосов Демократической партии и Нового правого центра.

В общем и целом по итогам рассмотрения результатов голосования в национальном парламенте можно сделать следующие выводы:

- правящая Демократическая партия последовательно проводит политику поддержки антироссийских санкций и блокирует любые попытки подрыва этой политики со стороны оппозиции;
- оппозиция Демократической партии склонна выступать против антироссийских санкций, объясняя это их несоответствием итальянским интересам;
- в оппозиции наблюдается раскол на два полюса, один из которых состоит из правых сил – “Вперёд, Италия” и Лиги Севера, а второй – из “Левые, экология, свобода” и тяготеющим к ним по своим взглядам Движения пять звёзд;
- полюса проявляют единодушие лишь в неприятии предложений правящей коалиции.

Подводя итоги

Результаты голосования в итальянском и европейском парламентах говорят о разных стратегиях в зависимости от площадки. Так, Демократическая партия тяготеет “влево” в Европарламенте, а в национальном придерживается центристских позиций. “Вперёд, Италия” чаще демонстрирует правые взгляды дома, чем в Евро-

пейском парламенте, где её поведение похоже, скорее, на Новый правый центр и ощутимо отличается от Лиги Севера. Последняя, в свою очередь, ведет себя примерно одинаково как в европейском, так и в национальном парламенте, наряду с Движением пять звёзд и левыми.

Правящая Демократическая партия блокировала снятие санкций на национальном уровне и воздерживалась от поддержки антироссийских резолюций в Европарламенте. Оппозиция, выступающая практически единым фронтом в Палате депутатов, отступает от этих правил в Европе, за исключением Лиги Севера и Движения пять звёзд. Поведение этих двух партий объясняется их общей более радикальной позицией по отношению к центристским силам как в Италии, так и в ЕС, поэтому изменение своих взглядов на наднациональном уровне грозит им потерей избирателей и статуса альтернативных прогрессивных сил. Тем не менее, учитывая текущую внутриполитическую ситуацию в Италии, довольно уязвимое положение Демократической партии вследствие провалившегося референдума и возможных внеочередных выборов, именно эти партии, не связанные обязательствами с ЕС и имеющие возможность высказывать свою точку зрения по любым вопросам, могут получить существенную поддержку населения и войти в новый национальный политический майнстрим, что вполне может изменить позицию итальянского правительства в вопросе о санкциях в отношении России.

Список литературы

- Арбатова Н.К. (2015) Российско-итальянские отношения в контексте внешней политики Италии // *Италия в начале XXI века*. М.: ИМЭМО РАН. С. 120–127.
- Барабанов О.Н. (2002) Италия после “холодной войны”: от средней державы к миру протагонистов. М., МГИМО. 159 с.
- Зонова Т.В. (2016) История внешней политики Италии. М., Международные отношения. 352 с.
- Зонова Т.В. (2012) Российско-итальянские отношения: история и современность. *Вестник МГИМО-Университета*, №1. С. 51–57.
- Зонова Т.В. (1998) Россия и Италия: история дипломатических отношений. М.: МГИМО-Университет. 64 с.
- Зонова Т.В. (1974) СССР и Италия: 50 лет дипломатических отношений. М.: АПН. 120 с.
- Маслова Е.А. (2017) Российско-итальянские отношения // *Внешняя политика России. 1991–2016*. Под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова; отв. ред. Е.М. Кожокин, А.Л. Чечевицников. М.: МГИМО-Университет.
- Маслова Е.А. (2016) Внешняя политика Италии между европеизмом и атлантизмом. *Международные процессы*, №4.
- Маслова Е.А. (2012) Идеологические основы внешней политики Италии периода Второй Республики. Диссертация на соискание уч. степени канд. полит. наук. М.: МГИМО. 241 с.

References

- Atto Camera. Testo della Mozione 1-00591. (10.09.2014). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/63048>
- Atto Camera. Testo della Mozione 1-00916. (22.06.2015). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/120156>
- Atto Camera. Testo della Mozione 1-00914. (22.06.2015). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/120154>
- Atto Camera. Testo della Mozione 1-00920. (23.06.2015). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/120541>
- Atto Camera. Testo della Mozione 1-01086. (18.12.2016). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/169450>
- Atto Camera. Testo della Mozione 1-01089. (21.12.2015). URL:
<http://parlamento17.openpolis.it/atto/documento/id/170622>

Arbatova N.K. (2015) Rossijsko-ital'yanskie otnosheniya v kontekste vneshnej politiki Italii // Italiya v nachale XXI veka. M.: IMEMO RAN. s. 120–127.

Barabanov O.N. (2002) Italiya posle holodnoj vojny: ot srednej derzhavy k miru protagonistov. M., MGIMO. 159 s.

European Parliament resolution on Ukraine (17.07.2014). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2014-0009>

European Parliament resolution on the situation in Ukraine and the state of play of EU-Russia relations (18.09.2014). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2014-0025>

European Parliament resolution on the state of EU-Russia relations (10.06.2015). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2015-0225>

European Parliament resolution on the strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (11.06.2015). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2015-0232>

European Parliament resolution on the human rights situation in Crimea, in particular of the Crimean Tatars (04.02.2016). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-RC-2016-0173>

European Parliament resolution on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (23.11.2016). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2016-0441>

Maslova, E.A. (2017) Rossijsko-ital'yanskie otnosheniya. In: Vneshnyaya politika Rossii. 1991–2016. Pod obshh. red. i s predisl. akad. A.V. Torkunova; otv. red. E.M. Kozhokin, A.L. Chechevishnikov. M.: MGIMO-Universitet.

Maslova, E.A. (2016) Vneshnyaya politika Italii mezhdu evropeizmom i atlantizmom. Mezhdunarodnye protsessy, №4.

Maslova E.A. (2012) Ideologicheskie osnovy vneshnej politiki Italii perioda Vtoroj Respub-lik. Dissertaciya na soiskanie uch. stepeni kand. polit. nauk. M.: MGIMO. 241 s.

Zonova T.V. (2016) Istoryya vneshnej politiki Italii. M., Mezhdunarodnye otnosheniya. 352 s.

Zonova T.V. (2012) Rossijsko-ital'yanskie otnosheniya: istoriya i sovremennost'. Vestnik MGIMO-Universiteta, №1. S. 51–57.

Zonova T.V. (1998) Rossiya i Italiya: istoriya diplomaticeskikh otnoshenij. M.: MGIMO-Universitet. 64 s.

Zonova T.V. (1974) SSSR i Italija: 50 let diplomaticeskikh otnoshenij. M.: APN. 120 s.

Attitudes of the Italian Parties to the Sanctions against Russia

Authors. **Maslova E.**, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Integration Processes, MGIMO-University; Senior Researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 76, Vernadsky avenue, Moscow, 119454; Mokhovaya str., 11-3, Moscow, 125009. **E-mail:** elena.maslova21@gmail.com

Shibkova M., Post-doctoral student, Lecturer at the Department of Romance Languages, MGIMO-University. **Address:** 76, Vernadsky avenue, Moscow, 119454. **E-mail:** marie_shib@mail.ru

Abstract: With the imposition of reciprocal Russia-EU sanctions, Italy faced a challenging choice. On the one hand, the country was expected to consistently carry out the common European policy (especially in the light of the Italian 2014 EU presidency during the evolving crisis in Ukraine). On the other hand, Italy was interested in protecting its national interests, which were affected by the sanctions. The divisions over the sanctions impacted the results of different votes. The article presents the analysis of the voting among the political parties on parliamentarian resolutions, related to 2012–2016 anti-Russian sanctions (voting in the European Parliament and in the Chamber of Deputies). The findings of the research show that the ruling Democratic party has been supporting anti-Russian policies at the European and national levels. Its major opponents “Lega Nord” and “Five Star Movement” are advocates of lifting or easing the sanctions. The party “Forza Italia” tends to be inconsistent and dependent on the political fluctuations.

Key words: Russian-Italian Relations, Italy, Italy's foreign policy, anti-Russian sanctions.

УДК 327

Михаил ГРАБЕВНИК

ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК СУБЪЕКТЫ ШОТЛАНДСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Аннотация. Современные европейские партии, как региональные, так и общенациональные, могут выступать эффективными субъектами европейского регионализма. Значимость партийных субъектов в процессе регионализации определяется конфигурацией отношения партий к региональным процессам, их институциональным положением и партийной программой в отношении регионализма. Шотландский пример демонстрирует различия в субъектной роли партий. Партийная регионалистская программа для общенациональных партий в британском контексте подвержена переменам, тогда как для региональных партий стабильна.

Ключевые слова: шотландский регионализм, партии Великобритании, субъекты регионализма, отношения центр-регион.

Теоретические дискуссии о субъектах политики регионализма

Институционализация региональных выборов во второй половине XX века привела к необходимости различать региональный и национальный избирательные уровни для оптимального исследования роли партий как субъектов политики регионализма. В решении данной проблемы в политической науке существует “континентальное разделение” [Jeffery, 2009], т.е. разрыв между научными дискуссиями в США и в Западной Европе. Американская традиция исследования региональных партий основана на институциональной традиции. Европейские исследования уделяют пристальное внимание региональной социальной и избирательной мобилизации, которая позволяет продуцировать и модернизировать региональные властные структуры.

Это обеспечивает два основных исследовательских подхода – институциональный и социологический, различающихся по вопросу о причинно-следственных связях между социальным (территориальным и региональным) расколом и институциональными изменениями, который берет свое начало с работ В. Ливингстона [Livingston, 1952]. Различия существуют и в исследовательском дизайне. Американские исследования концентрируются на сравнении региональных партий, как в пространственном [Brancati, 2008], [Chhibber, Kollmann, 2004], так и в темпоральном измерении [Ebeid, Rodden, 2006], [Leyden, Borrelli, 1995]. Европейские исследования сконцентрированы на изучении отдельных случаев в конкретном региональном

© Грабевник Михаил Владимирович – ассистент кафедры политических наук ПГНИУ.

Адрес: Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. **E-mail:** misha_grabevnik@mail.ru
Автор данной публикации является победителем конкурса научных статей молодых ученых-европеистов, посвященного 25-летию Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), в 2017 году.

контексте [Lynch, Gomez-Reino Cachafeiro, De Winter, 2006], [Swenden, Maddens, 2008], [De Winter, Tursan, 1998].

Исследования социологов нацелены на объяснение причин популярности регионалистских партий и их политического влияния: их количество в Европе в 1990–2000-е гг. увеличилось вдвое [Lane, Newton, McKay, 1991], [Massetti, 2009].

Одним из первых, кто исследовал данный вопрос, был Л. де Винтер [De Winter, 1995], [De Winter, Tursan, 1998]. Он рассматривал региональные партии как “этнических предпринимателей”, которые встраиваются в политический процесс для защиты коллективной идентичности региональной социальной группы на национальном уровне. Главная цель регионалистских партий – достижение политической автономии, т.е. создание и укрепление региональных органов власти [De Winter, 1995], [De Winter, Tursan, 1998].

Как отмечает Е. Мазетти [Massetti, 2009], данные электоральные платформы становятся ограниченными и могут оказаться недостаточными для привлечения достаточного количества избирателей, чтобы партия получила властные полномочия. В таком случае те партии, которые стремятся к победе, сталкиваются с необходимостью расширить их программную основу, чтобы привлечь больше избирателей. Региональные партии внедряют региональные проекты в более широкие идеологические программы. Их повестка не ограничивается регионалистскими темами, а претендует на разрешение национальных и глобальных вопросов [Hepburn, 2009].

Социально-экономическое объяснение функционирования регионалистских партий распространено и сегодня. Однако, институциональная традиция в понимании эволюции и функционирования регионалистских партий в последнее время актуализируется как в американских, так и в европейских исследованиях. Так, например, Бранкати Д. провёл исследование 37 стран Европы, Азии и Америки, которое показало, как институциональные (национальные в том числе) структуры объясняют распространённость регионалистских партий [Brancati, 2008]. В 2004 г. Чиббер П. и Коулман К. [Chhibber, Kollmann, 2004] и они разработали теорию образования партийных систем. На основе проведённого лонгитюдного исследования Канады, Индии, Великобритании и США они выявили следующую тенденцию: каждая конкретная партия распределяется в спектре от “центрристских” (т.е. умеренно распределённых по всем регионам) до “провинциальных” (т.е. с региональной дифференциацией). Это зависит от того, насколько власть контролирует региональную повестку – чем больше власть переходит на региональные уровни, тем сильнее национальные партии и слабее региональные. Исследование Ф. Кэтлера [Cutler, 2008] показало, что двухуровневые системы управления способствуют усилению общенациональных партий на региональных выборах. Общим в таких исследованиях является акцент на институциональные структуры: практика государственного устройства, функционирование и организация парламентской системы, федерализма, децентрализации и партийных систем.

В институциональных исследованиях регионалистских партий тоже есть внутренние противоречия. Кейсы Шотландии [Lynch, 2009], Фландрии и Валлонии [Deschouwer, 2009] демонстрируют зависимость роста регионалистских партий от институциональных изменений – деволюции и федерализации. В этом отношении показательным оказывается испанский случай: в то время как в Каталонии или Стране Басков успех регионалистских партий представляется вполне закономерным, регионалистские партии других испанских регионов, не имеющих культурных и этно-территориальных отличий, фактически выключены из политического процесса. Это свидетельствует о том, что социокультурная и этно-территориальная

компоненты дополняют институциональные в объяснении роли регионалистских партий. Региональные партии, не имеющие социокультурной опоры, появились не для защиты идентичности, а в целях эксплуатации политических возможностей, появившихся в процессе испанской регионализации [Pallares, Montero, Llera, 1997]. Пониманию такого варианта регионализма и функционирования регионалистских партий уделяется главное внимание в рамках институциональной парадигмы [Amin, Thrift, 1995; Bartolini, 2004; Elias, 2008].

Регионалистские партии: вызовы и препятствия

Один из основных вопросов институционального подхода в изучении регионалистских партий в современной Европе – вопрос достижения реальных властных полномочий. Главным шагом на этом пути является создание региональных органов управления. Как только региональные органы власти создаются, они могут служить аренами для лobbирования региональных интересов. По этой причине создание региональных органов власти является главным требованием регионализма лишь на первом этапе эволюции регионалистских партий и служит отправной точкой к дальнейшему их развитию. Далее регионалистские партии сталкиваются с проблемой выхода на общенациональный (электоральный) уровень, и поэтому требуют открыть доступ к широким слоям избирателей [Newman, 1997; Tronconi, 2006].

Одной из актуальных сегодня в политической регионалистике проблем является вопрос утраты регионалистскими партиями регионального наполнения. Регионалистские партии вынуждены расширять программы и отходить от “крайнего регионализма”. Таким образом, регионалистские партии смещаются к центру в спектре “центр-периферия”.

На первых порах регионалистские партии не могут составить конкуренцию общенациональным партиям. Исследователи, в частности Л. де Винтер, [De Winter, 1998] выделяют трёх потенциальных оппонентов для регионалистских партий на электоральной (идеологической) арене: социал-демократы, пост-материалисты (зелёные), антимодернисты/националисты (в вопросах миграции и евро-скептицизма). Выход на общенациональную электоральную арену грозит кризисом внутренней сплочённости партии по причине “размывания” регионализма. А.Элиас [Elias, 2008] отмечает, что такие дилеммы ярко проявляются в случаях Плейд Камри и БНГ, где избиратели вряд ли будут принимать специфические конфигурации основной программы и ценностей партии, даже ради достижения политического влияния.

Кроме того, это тенденция к прагматизации и умеренности регионалистских партий в погоне за политическими постами, нивелирует различия между общенациональными и регионалистскими партиями. В этих условиях регионалистские партии должны заботиться о сохранении собственного идеологического лица.

Однако, ситуация может развернуться и в обратную сторону: общенациональные партии включаются в борьбу за собственный избирательный блок и за счёт регионально адаптированных вариантов собственных политических программ могут нивелировать конкуренцию в конкретном регионе. Общенациональные партии, заметив потенциал регионалистской партии, могут нивелировать этот потенциал на региональном “поле”. Примером могут служить социалисты Каталонии, которые являются формально автономией испанской Социалистической партии [Hopkin, 2003], Лейбористская партия Великобритании, которая в “нулевые” фактически контролировала работу шотландской и валлийской партий [Laffin, Shaw, Taylor, 2007].

Найдут ли выход, ответ на эти вызовы, преодолевая эти препятствия, регионалистские партии современной Европы?

Субъектная роль британских партий в шотландской деволюции

Шотландская национальная партия как субъект регионализма

“Достаточно широкая степень автономии, которая была получена Уэльсом и Шотландией в конце 1990-х гг., превратила Великобританию в более сложное образование, существенно изменив его преимущественно унитарный характер” [Дilemmas of Britain...; Фадеева: 2015; Laffin, Shaw, Taylor, 2007]. Главным субъектом шотландского регионализма можно назвать Шотландскую национальную партию (ШНП). История шотландского регионализма в “нулевые” – история наращивания политической силы ШНП. В 2000-х гг. ШНП медленно, но верно наращивала поддержку как среди шотландцев, так и среди британцев. Это было обусловлено тем, что правительство лейбористов одобряло регионалистские тенденции в Великобритании, в т.ч. и в Шотландии. Победа ШНП на выборах в 2007 г. создала беспрецедентную ситуацию – один из регионов Великобритании находится под руководством партии, выступающей за независимость, нарушив тенденцию, продолжавшуюся с 1997 г., в соответствии с которой региональные националистические партии не находились у власти.

В ноябре 2009 г. ШНП опубликовала Белую книгу “Ваша Шотландия, Ваш Голос”, в которой были представлены цели реформы – от деволюции до независимости. Вскоре ШНП впервые получила абсолютное большинство в местном парламенте по итогам выборов 2011 г., во многом за счёт обещаний провести референдум о политическом суверенитете Шотландии, подготовка к которому стала здесь важнейшим политическим процессом последних лет. В 2012 г. британский Парламент принял Акт о Шотландии, в соответствии с которым шотландскому правительству был передан самый большой за всю историю Соединённого Королевства объём полномочий по финансовым вопросам. Региональный парламент получил право, начиная с 2016 г., самостоятельно устанавливать ставку подоходного налога.

Соглашение об условиях референдума о независимости было подписано 15 октября 2012 года, а 30 мая 2014 г. был дан официальный старт агитационной кампании. 18 сентября 2014 г. 55,3% населения решили, что Шотландия должна остаться в составе Великобритании. Явка составила 84,5%. В 2015 г. ШНП заняла 56 мандатов в Парламенте Великобритании, став третьей по величине партией наряду с лейбористами и консерваторами. Это позволяет на современном этапе иметь политический вес не только в самом регионе, но и в Вестминстере.

Лейбористская партия в процессе деволюции.

Шотландский регионализм как политический курс вырос в тени шотландской лейбористской партии в 1970–1980-е гг. Именно лейбористская партия в то время аккумулировала и мобилизовала региональную поддержку, артикулировала региональные интересы как внутри Шотландии, так и на национальном уровне. Однако на фоне доминирования консервативной партии в 1980-е гг. лейбористы не являлись активным субъектом шотландского регионализма, но использовали шотландский регионализм как “местную” идеологию. Такие политические деятели, как Салмонд А., будучи выходцами из лейбористской партии, могли перетянуть на сторону ШНП голоса сторонников лейбористов [Jackson, 2012]. Это обусловлено решимостью националистов проводить чёткую политику, направленную на получение политической и экономической автономии.

Лейбористская партия, прийдя к власти в Вестминстере в 1997 г., впервые заявила на национальном уровне о поддержке тенденций децентрализации, взяв на себя таким образом роль проводника процессов регионализации в Великобритании, архитектора новой вертикали администрирования “центр-регионы”. Такой шаг предполагал обеспечить, с одной стороны, политическое единство государства, а с другой стороны, сохранить баланс в управлении между центром и регионами в условиях деволюционных тенденций в 1990-е гг. Деволюционные процессы мыслились лейбористами как масштабные, которые должны были затронуть все регионы Великобритании.

Одним из программных пунктов лейбористской партии было создание региональных парламентов, в том числе и в Шотландии. В заявлениях Э. Блэра в 1996 г. говорилось, что эта цель должна быть достигнута через народное волеизъявление в каждом регионе. Таким образом, посредством референдума, по инициативе лейбористской партии Великобритании, появился шотландский парламент в 1998 году. И это было главным достижением лейбористской партии как субъекта шотландского регионализма.

Впоследствии лейбористская партия в “нулевые” годы сконцентрировалась на регионалистском развитии Уэльса, в то время как Шотландия стабильно существовала в устоявшихся институциональных рамках. Субъектами шотландского регионализма в 2000-2010-е гг. были ШПН и консервативная партия. Наиболее ярким выражением лейбористской позиции относительно шотландского регионализма в “нулевые” является заявление одного из сподвижников Блэра – Джона Трикетта: “Я принципиально согласен с тем, что любая нация имеет право на самоопределение. Но я не считаю, что у Шотландии и Уэльса есть потребность в отделении и провозглашении независимости” [Jon Trickett MP, 03.03.2017].

Консервативная партия в контексте деволюции.

Консерваторы исторически не являлись субъектом шотландского регионализма. Ещё в рамках деволюционных процессов 1980-х гг., например, консервативное правительство М. Тэтчера предпочитало игнорировать всяческие регионалистские тенденции. Обретение консервативной партией субъектной роли в отношении идеологии регионализма в “нулевые” было обусловлено специфическим политическим контекстом (последствия лейбористского деволюционного курса) и политическими целями самой партии (поддержка на севере Великобритании). В таких условиях консервативная партия, соблюдая баланс между интересами национального центра и деволюционными процессами, стала “субъектом регионализма поневоле”.

После того, как кабинет сформировали консерваторы, одним из основных вопросов повестки дня стал вопрос отношений с регионами в условиях, доставшихся в наследство от лейбористов. Правительство лейбористов проводило деволюцию с целью нивелировать рост влияния ШПН. Предполагалось, что шотландский парламент должен был укрепить этнерегиональную идентичность шотландцев, тем самым снизив поддержку идеи независимости Шотландии [Шеин, 2015а]. В свою очередь, консерваторы пошли по пути относительной поддержки деволюционных процессов в Шотландии. Это было обусловлено потребностями модернизации Консервативной партии. Имидж скептиков деволюционного развития на современном этапе мешал консерваторам с точки зрения привлечения избирателей и эффективного взаимодействия с регионами. Вследствие этого тори взяли курс на поддержку деволюции и стали одним из современных субъектов шотландского регионализма.

Стимулом для разработки деволюционного курса развития консерваторов стала победа ШНП на выборах 2007 г. Воплощением согласия консерваторов, лейбористов и либералов с необходимостью дальнейшей шотландской деволюции стала комиссия по шотландской деволюции К. Калмана. Межпартийный институт, созданный в 2008 г., был нацелен на разработку мер дальнейшей деволюции в Шотландии [The Commission on Scottish Devolution, 03.03.2017]. Главным результатом работы комиссии стала рекомендация по передаче Шотландскому парламенту права самостоятельного изменения ставки подоходного налога [Шеин, 2011]. Лидер консерваторов Д. Кэмерон положительно отозвался о проекте, поскольку “финансовые полномочия являются важным шагом на пути развития шотландского регионализма” [Cameron pledge..., 14.02.2010].

Оказывая поддержку деволюционным процессам, консерваторы совместно с либералами создали правительенную коалицию, что позволило им нейтрализовать националистические силы в Вестминстере. Как отмечает С. Шеин [Шеин, 2011], у правящей партии не было чётко сформулированной стратегии деволюционного развития Шотландии – консерваторы руководствовались реактивным принятием решений, что позволяет говорить о близости такой политики с прагматичной политикой лейбористов по деволюционным вопросам [Aughey, 2011].

После того, как в 2011 году консерваторы получили лишь 15 мандатов в шотландском парламенте, а ШНП – 69 мандатов, Консервативная партия начинает менять стратегию в качестве субъекта шотландского регионализма. В 2012 г. премьер-министр Д. Кэмерон заявляет, что “соглашение о деволюционном развитии – это ещё не конец дороги” [Kirkup, Cramb, The Telegraph, 16.02.2012]. Вскоре подписание Эдинбургского соглашения утвердило правовые основы референдума и закрепило позиции коалиции. Референдум был назначен на осень 2014 г., как того хотели шотландские националисты, и было разрешено голосовать на референдуме людям от 16 лет, что стало уступкой ШНП со стороны консервативной партии.

После отрицательных результатов референдума, консервативная партия предложила проект передачи автономии для Шотландии. Премьер-министр объявил о формировании комиссии Смита для разработки единого проекта передачи части полномочий для Шотландии ещё до выборов 2015 г. Данная комиссия состояла из членов всех партий, представленных в шотландском парламенте. Отчёты комиссии предполагали полную передачу подоходного налога, половину от НДС и налога на авиаперевозки [Riley-Smith, Johnson, The Telegraph, 05.08.2014]. Однако при этом в качестве основы финансирования Шотландии остаётся “формула Барнетта”.

Таким образом, консервативная партия сегодня является одним из субъектов шотландского регионализма. Партия взяла курс на дальнейшую автономизацию Шотландии, особенно в финансовых и налоговых вопросах. Такая роль тори обусловлена интересами самой консервативной партии – привлечением избирателей на севере Великобритании и нивелированием сепаратистских угроз. Именно поэтому деволюционный курс политики Д. Кэмерона можно обозначить как прагматичный и реактивный.

Партии Великобритании в разрезе “центр-регион”

В определении роли партии в процессе регионализации имеет значение её текущее положение в структуре общегосударственной власти. Это касается как регионалистских партий так и общегосударственных британских партий, причём стратегии последних довольно прогнозируемы. Зачастую партия, формирующая правительство, занимает более гибкую позицию в отношении регионализма, нежели партия,

составляющая оппозицию. Чтобы лучше понять, почему это происходит, обратимся к эволюции стратегий партий в разрезе “центр-регион”.

Поддержки регионализации со стороны национального центра в конце 1990-х гг. объяснялась раскладом политических сил в Вестминстере. Лейбористы, пришедшие к власти в 1998 г., запустили процесс институциональной трансформации в регионах, главным образом в Шотландии потому, что новая политическая элита стремилась заручиться поддержкой и лояльностью со стороны регионов [Garnett, Lynch, 2009].

Стратегия центра по отношению к регионалистским тенденциям объясняется и другими причинами. Из-за угрозы сепаратизма в 1990-х гг. и из-за включения регионов в европейское политическое пространство центр стремился стабилизировать ситуацию внутри страны.

Большое значение в институциональных преобразованиях Великобритании имеют ассиметричность и двухсторонний характер проведённых изменений отношений центра и регионов. В число документов, регулирующих межправительственные отношения, входили рамочный Меморандум о взаимопонимании и пять четырёхсторонних договоров, подписанных Вестминстером и главами исполнительных властей регионов. И если в Меморандуме указаны общие положения и равные для всех условия взаимодействия, то региональные конкордаты делают акцент на специфике каждого из регионов [Devolution of powers..., 03.03.2017]. У становление институциональной структуры в регионах и определение конфигурации взаимодействия между центром и регионами характеризуются недостаточным правовым регулированием таких взаимоотношений и отсутствием последовательной стратегии деволюции для Великобритании в целом.

Так почему именно шотландский регионализм развивался так динамично в “нулевые”?

С начала “нулевых” и до 2007 г. Шотландский регионализм развивался равномерно без каких-либо крутых колебаний. Победа ШНП в 2007 году стала мощным стимулом изменения стратегии для консервативной партии Великобритании. Консервативная партия в середине 2000-х гг. изменила направленность в сторону умеренной социал-демократии, хотя сами консерваторы это отрицали [Walker, Corbett, 2012]. “Новые” тори выступали за умеренный регионализм составных частей Великобритании. Цель такой стратегии заключалась в формировании образа Консервативной партии как силы, способной справиться с современными вызовами со стороны как глобализации, так и регионализации. Новый регионализм должен был войти в концепцию “прогрессивного консерватизма”, политики умеренной децентрализации [Cameron..., 03.03.2017].

Мотивом такой стратегии являлись ситуативные политические интересы. Консервативная партия искала электоральной поддержки в Шотландии, где исторически сильна была лейбористская партия. Поддержка шотландского регионализма была элементом нового “бренда” консервативной партии. Обновленная консервативная партия в конце 2000-х гг. уже не ассоциировалась с тэтчеризмом, характеризующимся юнионизмом и централизмом [Convery, 2014].

Таким образом, взаимодействие консервативного Вестминстера с шотландскими националистами формировало “игру на опережение” в вопросе самоуправления региона. Иными словами, консервативная партия и ШНП взаимодействовали в условиях торга по поводу распределения административных, политических и экономических полномочий. Такой шаг фактически означал присоединение консервативной партии к политическому курсу, поддерживающему шотландский регионализм.

Институциональным воплощением такого межпартийного консенсуса стала комиссия К. Калмана для формирования программы и стратегии дальнейшей регио-

нализации в современной Шотландии [The Commission on Scottish Devolution, 03.03.2017]. Посткризисная стратегия национального правительства по делегированию финансовых полномочий была обусловлена исключительно прагматичным интересом в отношении экономической регионализации Шотландии [Шеин, 2015]. Подключение консервативных сил к регионалистскому консенсусу в отношении Шотландии путём участия в комиссии Калмана также было направлено на нейтрализацию политического влияния шотландских националистов и на продолжение выстраивания нового образа партии.

Новый Акт о Шотландии 2012 и референдум 2014 не изменили стратегию Вестминстера, а наоборот укрепили её. И после референдума используется модель взаимодействия – “игра на опережение”. Национальное правительство заинтересовано в том, чтобы Шотландия оставалась частью государства. Шотландия, несмотря на юнионистский итог референдума, лоббирует собственные интересы так же интенсивно, как и прежде, и, что важно, получает довольно широкий круг полномочий, преференций и уступок. Такая стратегия центра – стратегия передачи автономии в ответ на региональную лояльность и сохранение единства, – является основной как в ходе выборочного цикла в 2012-2014 гг., так и сегодня.

Заключение

Партии Великобритании имеют достаточно сложную конфигурацию взаимоотношений в рамках шотландской деволюции. Различия в степени одобрения и лояльности политики регионализма довольно велики. Устойчивые регионалистские ориентиры и мотивы партий, а также взаимоотношения партий в процессе деволюции, являются изменчивыми и зависят от места партии во власти структуре. Отношения “центр-регион” последние десятилетия демонстрируют конфигурацию отношений лейбористской, консервативной и шотландской национальной партий как субъектов шотландского регионализма. Безусловно, партийные отношения не могут быть редуцированы к отношениям Вестминстера и Холируда, но субъектная роль партий проявляется именно через институты.

На современном этапе (1998-2015 г.) наблюдается доминирование единой стратегии национальных партий в отношении шотландского регионализма, воспроизведенной вот уже второе десятилетие. Национальный центр Великобритании преследует собственные цели и проводит прагматичные рациональные решения, которые позволяют нейтрализовать сепаратистский потенциал в Шотландии, нацелены на расширение политической и экономической лояльности шотландского региона. Независимо от того, какая партия или коалиция находится у власти и формирует национальное правительство, она, поддерживая шотландский регионализм, стремится к повышению собственной политической значимости на национальном и региональном уровнях, а также к повышению электорального потенциала за счёт снижения роли шотландских националистов. Электоральный фактор, таким образом, во многом определяет развитие региональной политики Вестминстера, что предоставило Шотландии беспрецедентную для современной Европы степень налоговой самостоятельности и актуализировало деволюционную тему в других европейских регионах. Прагматизм стратегии Вестминстера по отношению к шотландскому регионализму легко прослеживается в финансовых, налоговых вопросах, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток и на экономическую политику в целом. Таким образом, политика торга и стратегия “игры на опережение” Вестминстера показывают мягкость и гибкость национальной элиты по отношению к такому деликатному вопросу, как шотландский регионализм. В целом, гибкая ре-

гиональная политика британского правительства обезопасила государство от угрозы сепаратизма.

Список литературы

- Ананьева Е.В. (2015). Референдум о независимости Шотландии: цепная реакция. *Сепаратизм в политической жизни современной Европы. Доклады Института Европы.* №318. М.: Институт Европы.
- Дilemmы Британии. Поиск путей развития (2014) / Под редакцией А.А. Громыко и Е.В. Ананьевой. М.: Весь мир.
- Фадеева Л.А. (2015). Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс. *Современная Европа.* № 5. С.91-99.
- Фадеева Л.А. (2015). Университеты в процессе деволюции (реформы управления) в Шотландии. *Ars Administrandi.* № 3. С.137-146
- Шеин С. (2015) Проблема шотландской деволюции в политической стратегии консервативной партии в 2005-2014 гг. / *Вестник Пермского Университета Серия Политология.* № 1.
- Шеин С. (2015а) Современные британские консерваторы и “английский вопрос”. *Современная Европа.* № 2.

References

- Anan'eva E.V. (2015). Referendum o nezavisimosti Shotlandii: cepnaja reakcija. Separatizm v politicheskoi zhizni sovremennoj Evropy. Doklady Instituta Evropy. №318. M.: Institut Evropy.
- Dilemmi Britanii. Poisk putej razvitiya (2014) / Pod redakcijej A.A. Gromyko i E.V. Anan'evoj. M.: Ves' mir.
- Fadeeva L.A. (2015). Identichnost' na pereschenii integracii i devoljucii: shotlandskij kejs. Sovremennaja Evropa. № 5. S.91-99.
- Fadeeva L.A. (2015). Universitetы v processe devoljucii (reformy upravlenija) v Shotlandii. Ars Administrandi. № 3. S.137-146
- Shein S. (2015) Problema shotlandskoj devoljucii v politicheskoj strategii konservativnoj partii v 2005-2014 gg. / Vestnik Permskogo Universiteta Serija Politologija. № 1.
- Shein S. (2015a) Sovremennye britanskie konservatory i "anglijskij vopros". Sovremennaja Evropa. № 2.
- Amin, A. and Thrift, N. (1995), Institutional Issues for the European Regions; From Markets and Plans to Socio-economy and Powers of Association, Economy and Society, Vol.24, No.1.
- Aughey A. (2011) The con-lib coalition agenda for Scotland, Wales and Northern Ireland. Basingstoke: Palgrave.
- Bartolini, S. (2004), Old and New Peripheries in the Processes of European Integration, in C. Ansell and G. Di Palma (eds), Restructuring Territoriality: Europe and the United States Compared, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brancati, D. (2008), The Origins and Strength of Regional Parties, British Journal of Political Science, Vol.38, No.1.
- Cameron D. Radical power shift. / The Guardian. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/feb/17/cameron-decentralisation-local-government> [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Cameron pledge on Holyrood powers. / BBC News. 14 февраля 2010 г. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/8514971.stm. [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Chhibber, P. and Kollmann, K. (2004), The Formation of National Party Systems. Princeton: Princeton University Press.
- Commission on Scottish devolution. <http://wwwcommissiononscottishdevolution.org.uk/> [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Convery A. (2014) Devolution and the Limits of Tory Statecraft: The Conservative Party in Coalition and Scotland and Wales. / Parliamentary affairs. № 67.
- Cutler, F. (2008), One Voter, Two First-Order Elections?, Electoral Studies, Vol.27, No.3.
- Deschouwer, K. (2009), The Rise and Fall of the Belgian Regionalist Parties, Regional and Federal Studies, Vol.19, Nos.4/5.
- Devolution of powers to Scotland, Wales and Northern Ireland. <https://www.gov.uk/devolution-of-powers-to-scotland-wales-and-northern-ireland> [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- De Winter, L. (1998), Conclusion: A Comparative Analysis of the Electoral, Office and Policy Success of Ethnoregionalist Parties, in L. De Winter and H. Tu'r'san (eds), Regionalist Parties in Western Europe, pp.204-247. London: Routledge/ECPR.
- De Winter, L. (ed.) (1995), Non-State Wide Parties in Europe. Barcelona: Institut de Ciencies Politiques I Socials.
- De Winter, L. and Tursan, H. (eds) (1998), Regionalist Parties in Western Europe. London: Routledge/ECPR
- Ebeid, M. and Rodden, J. A. (2006), Economic Geography and Economic Voting: Evidence from the US States, British Journal of Political Science, Vol.36, No.3.

- Elias, A. (2008), Minority Nationalist Parties and European Integration. A Comparative Study. Abingdon: Routledge/UACES.
- Fadeeva L. A., Vasil'eva Yu. V. (2016). Social Component of Autonomization in Europe: Legal Aspects // Vestnik Permskogo universita. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 33. Pp. 329–336.
- Garnett M., Lynch P. (2009) Exploring British Politics. London: Pearson Longman.
- Jackson B. (2012), The moderniser: Alex Salmond's journey. / Renewal. Vol. 20. № 1.
- Jeffery, C. (2007), A Regional Rescue of the Nation-State. Changing Regional Perspectives on Europe, Mitchell Working Paper Series 5/2007.
- Jeffery, C. (2009) New Research Agendas on Party Competition, *Regional & Federal Studies*, 19:4-5.
- Jon Trickett MP. Issues & Politics. <http://www.jontrickett.org.uk> [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Hepburn, E. (2009), Explaining Failure: the Highs and Lows of Sardinian Nationalism, *Regional and Federal Studies*, Vol.19, Nos.4/5.
- Hopkin, J. (2003), Political Decentralization, Electoral Change and Party Organizational Adaptation: A Framework for Analysis, *European Urban and Regional Studies*, Vol.10, No.3.
- Hough, D. and Kob, M. (2009), A Regional(ist) Party in Denial? The German PDS and its Arrival in Unified Germany, *Regional and Federal Studies*, Vol.19, Nos.4/5.
- Kirkup J., Cramb A. David Cameron's gamble to save the Union. / The Telegraph. 16 февраля 2012 г. <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scotland/scottish-politics/9087767/David-Camerons-gamble-to-save-the-Union.html> [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Lane, J.-E., Newton, K. and McKay, D. (1991), Political Data Handbook. Oxford: Oxford University Press.
- Laffin, M., Shaw, E. and Taylor, G. (2007), The New Sub-National Politics of the British Labour Party, *Party Politics*, Vol.13, No.1.
- Leyden, K. M. and Borrelli, S. A. (1995), The Effect of State Economic Conditions on Gubernatorial Elections – Does Unified Government Make a Difference?, *Political Research Quarterly*, Vol.48.
- Livingston, W. (1952), A Note on the Nature of Federalism, *Political Science Quarterly*, Vol.67, No.1.
- Lynch, P. (2009), From Social Democracy back to No Ideology? The Scottish National Party and Ideological Change in a Multi-level Electoral Setting, *Regional and Federal Studies*, Vol.19, Nos.4/5.
- Lynch, P., Gomez-Reino Cachafeiro, M. and De Winter, L. (eds) (2006), Autonomist Parties in Europe: Identity Politics and the Revival of the Territorial Cleavage. Barcelona: ICPS.
- Massetti, E. (2009), Explaining Regionalist Party Positioning in a Multi-Dimensional Ideological Space: A Framework for Analysis, *Regional and Federal Studies*, Vol.19, Nos.4/5.
- Newman, S. (1997), Ideological Trends among Ethnoregional Parties in Post-Industrial Democracies, *Nationalism and Ethnic Politics*, Vol.3, No.1.
- Pallares, F., Montero, J. R. and Llera, F. J. (1997), Non State-wide Parties in Spain: An Attitudinal Study of Nationalism and Regionalism, *Publius: The Journal of Federalism*, Vol.27, No.4.
- Riley-Smith B., Johnson S. Scotland debate: Cross-party devolution pact will give Scotland 'exactly the right balance' of powers. / The Telegraph. 05 августа 2014 г. <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scottish-independence/11013025/Scotland-debate-Cross-party-devolution-pact-will-give-Scotland-exactly-the-right-balance-of-powers.html>. [Дата обращения 03 марта 2017 г.]
- Swenden, W. and Maddens, B. (eds) (2008), Territorial Party Politics in Western Europe. Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- The Commission on Scottish Devolution - the Calman Commission. / Serving Scotland better: Scotland and the United Kingdom in the 21st century: final report. 2009.
- Tronconi, F. (2006), Ethnic Identity and Party Competition. An Analysis of the Electoral Performance of Ethnoregionalist Parties in Western Europe, *World Political Science Review*, Vol.2, No.2.
- Walker A., Corbett S. (2012). The Big Society: Back to the Future. / Volume 83, Issue 3.

BRITAIN PARTIES AS ACTORS OF SCOTTISH REGIONALISM

Author. Grabevnik M., Teaching Assistant at Perm State University. **Address:** 15, Bukireva Str., Perm, Russia. **E-mail:** misha_grabevnik@mail.ru

Abstract. Modern European political parties, both regional and national, can be effective actors of European regionalism. The real significance and importance of the parties as actors of regionalism is determined by the configuration of the parties' attitude, their institutional position, and party political programme of regionalism. The case of the Scottish regionalism demonstrates the differences in the subjectivity of the parties in the process of regionalization, depending on their current position in the political structure and on coordination among themselves. The author considers how main British and Scottish regional parties pursue their policies in the field of Scottish devolution, taking into account differences in their incentives and purposes.

Key words: Scottish regionalism, British political parties, actors of regionalism.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Книга российского дипломата, профессора Дипломатической академии МИД России Кутового Е.Г. интересна тем, что тематика международных переговоров как эффективного инструмента внешней политики международного сообщества подаётся в масштабном историческом ракурсе и через призму повышения качества глобального управления¹.

Практическая ценность работы во многом определяется тем, что она отражает личные наблюдения автора – высокопоставленного в прошлом советского и российского дипломата, принимавшего активное участие в важнейших многосторонних переговорах по разоружению в 1970–1990-х гг.

Новизной отличается и структура исследования. Наряду с традиционными концептуальными главами (Глава 2 “Дипломатическая деятельность как отражение мировых тенденций” и Глава 3 “Вопросы подготовки и ведения международных переговоров”) в него включены разделы, анализирующие национальные особенности (стили) ведения международных переговоров крупнейших государств – участников международного процесса переговоров, представляющих различные регионы мира (Китай, США,

Индия, Великобритания, Франция, Германия, Япония, Индонезия и т. д.).

Отдельная глава посвящена формированию российского подхода к ведению международных переговоров, в которой раскрываются подзабытые, но по-прежнему актуальные эпизоды особого российского стиля ведения переговоров с международными партнёрами, начиная со времён дипломатии Петра Великого.

Правомерен центральный тезис исследования о том, что значение международных переговоров как важнейшего внешнеполитического инструментария возрастает в современной международной обстановке, характеризующейся “повышенной уязвимостью всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз”, непредсказуемостью международной и региональной ситуации. “Поэтому перед политическим руководством и их дипломатическими службами встают проблемы более совершенного прогнозирования влияния новых явлений, закономерностей и тенденций развития, заблаговременного выявления различного рода рисков и угроз, выработки рекомендаций по их предотвращению или урегулированию”, – обоснованно пишет автор (стр. 17). В этом контексте международные переговоры представляют собой наиболее оптимальную платформу для коллективных внешнеполитических действий государств в целях эффективного мирного решения этих сложнейших проблем современности.

¹ Кутовой Е.Г. Международные переговоры на перекрестке цивилизаций. М.; СПб.: Нестор - История, 2016. 512 с. ISBN 978-5-4469-0908-7.

Заслуживает внимания данная в исследовании классификация наиболее приоритетных тем повестки дня международных переговоров:

- урегулирование международных конфликтов, разрешение международных споров мирными способами в соответствии с Уставом ООН;
- повышение уровня безопасности государств путём сокращения вооружённых сил и вооружений, предотвращения гонки обычных и ядерных вооружений;
- улучшение отношений и углубление сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях;
- разработка и согласование мер по борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, пиратством, наркотрафиком, трансграничной преступностью;
- разработка основ международного права, включая конвенции, договоры и стандарты, играющие роль в обеспечении международного мира и безопасности, экономического и социального развития.

Автор наглядно показывает, как с эволюцией международных отношений усложняется тематика международных переговоров, в ходе которых рассматриваются всё новые и новые актуальные вопросы военно-политической, военно-технической, торгово-экономической и финансовой сфер. Особенно это касается роли научно-технических инноваций в переговорном процессе. Это связано также с внедрением в сферу внешней политики и дипломатии передовых информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). Современные ИКТ придают дополнительную динамику переговорному процессу, обеспечивая в режиме реального времени постоянную связь внешнеполитических ведомств с переговорными командами за рубежом.

В исследовании правильно подмечается необходимость интеграции переговорной дипломатии с передовой наукой в целях объективного учёта меняющейся

внешнеполитической обстановки, предотвращения издержек и просчётов при принятии решений государствами по тем или иным крупным международным вопросам. Особая роль в этом процессе принадлежит ведущим научным учреждениям, «мозговым центрам», различным информационным базам, которые оказывают существенную информационную помощь переговорщикам в тщательной подготовке переговоров и прогнозировании возможных их результатов. Как правило, аналитические исследования научных центров содержат многовариантные оценки развития той или иной ситуации в процессе переговоров, что может существенно способствовать эффективности переговорного процесса.

Познавательным в плане изучения заулисных механизмов переговорного процесса представляется информация, содержащаяся в Главе 3 исследования («Вопросы подготовки и ведения международных переговоров»). В частности, в этом плане интерес представляют систематизированные автором понятия и факторы, которыми руководствуются переговорщики как на стадии подготовки к переговорам, так и на стадии ожидаемых результатов. При этом особое внимание уделяется внутриведомственному консенсусу в переговорной команде в целях обеспечения результативности переговоров. Нельзя исключать, что в процессе переговоров может произойти разбалансировка межведомственного согласования элементов переговорной позиции и предложений. В этом контексте упор делается на постоянстве консенсуса в работе переговорных команд, что существенно облегчает как само ведение переговорного процесса, так и последовательную реализацию достигнутых результатов.

Принципиальным также является тезис автора о важности поддержания взаимного доверия между сторонами в переговорном процессе. Доверие во взаимоотношениях между дипломатическими

представителями государств содействует успеху переговоров, помогает избежать действий, разрушительных для межгосударственных отношений, предохраняет участников от поспешных категорических суждений и шагов. Важно учитывать, что достижение договорённости на многосторонних переговорах возможно только в том случае, если их участники рассматривают этот процесс не только с точки зрения своих национальных интересов, но и принимают во внимание позиции партнёра по переговорам. Поэтому поиски компромисса на переговорах являются залогом эффективности и успешности переговорного процесса.

Своевременной также представляется постановка автором вопроса о соотношении дипломатии саммитов и традиционных переговорных процессов на рабочем уровне в плане эффективности результатов. С одной стороны, как отмечает автор, дипломатия саммитов позволяет напрямую доводить до партнёров взгляды высшего руководства страны на актуальные проблемы современности. Как правило, достигнутые на саммитах договорённости, скреплённые подписями глав государств, обеспечивают дополнительные гарантии их выполнения, что является несомненным плюсом для результативности переговорного процесса. Вовлечение первых лиц государства в переговорный процесс во многом свидетельствует о возросшей ответственности политического руководства в сфере обеспечения национальной международной безопасности и стабильности. С другой стороны, могут возникать определённые проблемы с выполнением результатов переговоров при смене политического руководства. Поэтому оптимальным подходом было бы сбалансированное сочетание дипломатии саммитов и механизмов переговоров на рабочем уровне.

Практический интерес также представляет раздел исследования о деловых переговорах. Данная область является недостаточно исследованной. В особенности это касается психологических и поведенческих моментов в деятельности переговорщиков, обеспечивающих результивность переговорного процесса.

К достоинствам исследования следует отнести и тот факт, что вопросы протокола, этики и психологии деловых переговоров подробно затрагиваются на примере анализа переговорной деятельности ведущих государств (главы 2, 3, 4).

Анализу современного российского подхода к ведению переговоров посвящён последний раздел исследования. Как отмечает автор, достоинством российского переговорного подхода является то, что дипломатические представители России придают большое значение сплочению коллективных усилий государств в борьбе с общими для всего человечества угрозами, вызовами и рисками. Упор на поиски в переговорном процессе взаимоприемлемых договорённостей при неукоснительном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности, инициативность в выдвижении интересных идей и предложений для разблокирования переговоров, чёткий учёт государственных интересов являются фирменным стилем российских переговорщиков.

Как представляется, многогранное исследование профессора Кутового Е.Г. отличается новизной в постановке практических вопросов дипломатии переговоров и может служить важным подспорьем для широкого круга специалистов в области международных переговоров, представителей деловых кругов, а также выпускников профильных вузов.

И.Н. Щербак, главный научный сотрудник ИЕ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол России.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ПОПУЛЯРНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Текущий вектор развития нашей страны вызывает многочисленные вопросы у аналитиков и экспертов. Именно поэтому столь заметными в этой ситуации призваны становиться книги, в той или иной степени предлагающие собственные ответы на современные российские вопросы. В издании, о котором здесь пойдёт речь¹, заявлено, что оно посвящено выбору стратегии развития России. Трудно сегодня обозначить более крупномасштабную цель, но ещё труднее воплотить подобный замысел как в самом исследовании, так и особенно в его результатах.

В.В. Иванов и Г.Г. Малинецкий уже в предисловии к работе подчёркивают, что она предназначена для широкого круга читателей. Отметим в этой связи, что примеры, иллюстрирующие сложность процессов прогнозирования как таковых, подобраны для книги очень удачно. Например, в исследовании упоминается о том, что в 1973 г. никто не мог и представить, что в следующие сорок с лишним лет не будет *ни одной* (выделено авторами книги. – Е.В.) пилотируемой экспедиции на Луну, а человечество очень глубоко окунётся в виртуальную реальность.

Текст разделён авторами на четыре части: технологии – образование – наука – определение вектора развития. Первый и последний раздел книги концептуально тесно связаны, поскольку с точки зрения авторов исследования Россия будущего – это постиндустриально-технологическая структура, основа которой фундаментальная наука, а ядро – технологический сектор. Самым названием одной из глав работы “Наука и будущее России: глав-

ная системная проблема” учёные подчёркивают, что добиться этого результата будет непросто. Для его достижения, как утверждается в исследовании, понадобится переформатирование национальной науки через преодоление её нынешней роли как декорации и составляющей “дженрельменского набора” образа развитой страны к исследовательскому процессу как средству решения реальных задач социума и способу объективной экспертизы.

Размышляя о последних, необходимо отметить, что данная книга имеет солидную предисторию, значение которой оказалось неоднозначным как для читателей, так и для самих авторов работы. Но обо всём подробнее. Бесспорной находкой учёных явилась как чёткая методологическая ориентированность замысла, так и попытка представить его доступным для широкого читателя языком популяризаторов. Речь идёт о методологии синергетики – парадигмы сложных систем. Популяризация в данном случае это отнюдь не общая фраза, а способ трансляции сложного материала. Между тем, уже изложение постулатов синергетики как таковой нематематическим языком (а один из авторов работает в Институте прикладной математики им. Келдыша РАН) – дело весьма непростое. При этом есть все основания считать цели популяризации самой синергетики чрезвычайно значимыми как для формирования современной картины мира, так и для её экстраполяции на национальные реалии.

Один из авторов работы Г.Г. Малинецкий является учеником отца-основателя отечественной школы синергетики С.П. Курдюмова. В соавторстве с последним, а также с известным популяризатором науки С.П. Капицей Г.Г. Малинецкий почти двадцать лет назад, в

¹ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия XXI век. Стратегия прорыва. Технологии, образование, наука. – М.:ЛЕНАНД, 2016. – 300 с.

1990 г., выпустил книгу “Синергетика и прогнозы будущего”. Её основными постулатами были следующие:

– насколько хватит советского “запаса прочности” никто не знает,

– существует иллюзия независимости рисков, а они могут складываться и многократно усиливать друг друга. Система может быть прекрасно защищена от одной угрозы, но беззащитна по отношению к их комбинации. Развития этих тезисов, естественно, прежде всего ожидаешь от прочтения новой книги. Частично эти ожидания оказываются оправданными.

Во-первых, в данном тексте учёные сумели обратить внимание на остройшую необходимость создания в нашей стране национальной системы научного мониторинга опасных явлений и процессов в природе, техногенной и социальной сферах. Без них горизонт прогноза безусловно оказывается намного менее чётким.

Во-вторых, исследователям в весьма своеобразной, скорее афористической манере удалось внести новые краски в палитру исследований информационного/постиндустриального социума, весьма развитую в мире. Запоминаются в этой связи тезисы В.В. Иванова и Г.Г. Малинецкого о том, что на смену обществу риска должно прийти общество мечты и ответственности, в котором общество потребления сменит “цивилизация старьевщика”. Разумеется, последний термин может предполагать очень разные интерпретации, но для заявленного научно-популярного жанра прогнозной литературы его можно считать весьма удачным. Как и приведённую учёными цитату из И.В. Курчатова, утверждавшего, что следует “обгонять, не догоняя”. Все эти построения органично укладываются в канву размышлений методологов о научно-технологическом будущем России.

Однако не со всеми тезисами авторов можно безоговорочно согласиться. С одной стороны, они констатируют становление синергетики в новой ипостаси сетевой парадигмы, а значит, усиление процессов самоорганизации в больших

системах в новом виртуальном измерении. Но, с другой стороны, исследователи ратуют за воссоздание таких традиционно вертикально-управленческих структур советской эпохи, как Госплан, Госнаб и ГКНТ, утверждая, что новые информационные технологии позволят им работать эффективно.

Весьма спорным можно считать и выдвигаемый в работе тезис о том, что 25 лет назад наша страна представляла собой высокоразвитую технологическую державу. По неизвестным причинам о фрагментарности данной технологичности советского периода В.И. Иванов и Г.Г. Малинецкий не упомянули. Зато применительно к текущим реалиям чрезвычайно много внимания в тексте книги уделено негативным, по мнению авторов, аспектам взаимодействия российской науки с ФАНО. Однако, на наш взгляд, критика никогда не может быть самоцелью и, напротив, всегда должна содержать идеи для конструктивных изменений. Тем более, если речь идёт о прогнозировании.

Прошедшие два десятилетия предложили авторам работы “Будущее России. Стратегия прорыва” массу нового эмпирического материала для анализа, однако, на наш взгляд, они не сумели им воспользоваться в полной мере, зато с лихвой воспроизвели в издании 2016 г. огромные и не подвергнутые переработке фрагменты уже изданного прежде. Конечно, это право авторов. Вот только у читателя, ищущего у маститых методологов ответы на животрепещущие вопросы времени, интерес к подобному тексту такие пассажи безусловно снижают. Впрочем, для начинающих исследователей это выглядит иначе.

Когда с книгой знакомятся аспиранты, изучающие курс истории и философии науки, они получают много систематизированной информации как о советском периоде развития отечественной науки, так и об изложенной доступным для гуманитариев языком парадигме синергетики, одновременно с изложением авторского видения стратегии движения

России к постиндустриализму. Всё это безусловно важно, однако не даёт исчерпывающего аналитического ответа о стратегии научно-технологического развития нашей страны на ближайшую перспективу. Причина этого, на наш взгляд, кроется в весьма ностальгическом отношении авторов книги к достижениям советской науки, а также в нежелании видеть позитивные моменты в её постсоветском развитии.

Кроме того, нельзя не отметить и существенную непроработанность в канве исследования факторов, способных оптимизировать процессы, характеризующие текущую национальную научно-технологическую и образовательную сферы. Помимо очевидных, однако не упомянутых авторами инноваций, речь,

видимо, должна идти обо всём инновационном цикле с такими его общепризнанными элементами, как качество инфраструктуры, наличие и стоимость ресурсов разного рода, чёткое функционирование правовой среды и т.д.

Несмотря на наличие в работе указанных спорных тезисов и выводов, выход книги стоит приветствовать. Она вносит свой, пусть и весьма специфический, вклад в формирование критической массы исследований прогнозного характера, особенно в их научно-популярном измерении. Именно последних сегодня остро не хватает в широком спектре отечественных издательских новинок.

Е.В. Водопьянова, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник ИЕ РАН.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОШЛОГО

7 сентября 1956 г. первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко заметил: “В нынешних условиях существования в Германии двух самостоятельных государств нет другого реального пути к воссоединению Германии, кроме прямых переговоров между Германской Демократической Республикой и Федеральной Республикой Германией. Без соглашения между правительствами ГДР и ФРГ не может быть решён этот вопрос”¹. Правда, ещё до этого министр иностранных дел СССР В.М. Молотов на встрече с президентом ГДР В. Пиком 28 мая 1953 г. подчеркнул относительно советской помощи: “В дальнейшем помочь будет оказываться ещё большая, и надеемся, что она будет ещё лучше по своему качеству...”².

История, конечно, не знает сослагательного наклонения, не может повториться полностью. Однако прошлое длительное время способно влиять на прини-

тие актуальных политических решений. Его сила зависит как от продуманности однажды выработанных подходов, так и от необходимости, желания их отстаивать. Более того, многое меняется крайне медленно. Не стоит забывать, что ФРГ когда-то делала ставку на поддержку эмигрантов из СССР, их легальных и нелегальных организаций. 8 августа 1951 г. Коссман³, явившийся с 1947 г. сотрудником американских спецслужб, а с 1949/1950 гг. – сотрудником реферата “Восточные области Европы”, с июня 1950 г. – руководителем реферата “СССР и государства восточного блока”, сообщал о встрече с профессором Менде, чиновником бывшего нацистского министерства по делам Востока. Американцы, по мнению Менде, потерпят неудачу в отношении эмигрантов, так как у них не хватает знаний. Кроме того, российские эмигранты доверяют больше Германии, демонстрируют сдержанное отношение к

¹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 022. Оп. 9а. П. 139. Д. 1. Л. 111.

² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. П. 269. Д. 4. Л. 1.

³ Aktenvermerk betr. Emigrantenpolitik, Bonn, den 8. August 1951 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 4652A. Nr. 3.

западным союзникам. Их нужно использовать, делался вывод, чтобы среди про-чего достичнуть меньшей напряжённости в дальнейших отношениях после краха коммунизма. А ведь речь шла о 1951 г.!

Следовательно, к актуальности современности стоит относиться с известной долей скептицизма: социализированные в той или иной культурной среде политические деятели, как правило, ретранслируют привычные установки, не особо задумываясь об их непрерывности и первоначальном контексте.

СССР как государства не существует, германский вопрос решён, а значит, обращение к его истории может показаться менее значимым и актуальным. Монография д.и.н., г.н.с. Института российской истории РАН Фаины Ивановны Новик “В ловушке “холодной войны”¹” доказывает ошибочность такого предположения. Она будет полезна тем, кого интересует дипломатическая практика, разработка стратегических подходов, их корректировка и процесс принятия компромиссных решений. Без неё не обойтись тому, кто хочет понять, как следует вести дипломатические переговоры со сложными партнёрами. Надеюсь, что монография Ф.И. Новик будет активно использоваться при подготовке отечественных дипломатов. Наконец, книга необходима, чтобы увидеть готовность советского руководства работать над созданием системы европейской безопасности, многое из которой остаётся актуальным и в настоящее время.

В отношении монографии Ф.И. Новик привычные рамки рецензии с указанием на новизну, продуманность структуры, на введение в научный оборот новых источников и на обширную источниковую базу были бы излишне формальными. У тех, кто знает работы Фаины Ивановны, не возникнет сомнения, что и эта монография соответствует высоким профессиональным стандартам мастерства истори-

ка. Блестящее знание историографии проблемы, активное и вдумчивое использование фондов АВП РФ и Политического архива МИД ФРГ (см. сноски и комментарии на с. 343–360 книги) служат дополнительной причиной, почему нужно прочитать новую работу известного отечественного историка-германиста.

Отличительной чертой Ф.И. Новик является скрупулезная реконструкция прошлого. Подготовка и работа Берлинского совещания министров иностранных дел 1954 г., Женевская конференция глав правительств и переговоры министров иностранных дел 1955 г., установление дипломатических отношений СССР с ФРГ, двусторонние советско-западногерманские переговоры 1957–1958 гг. и т.д.² представлены с энциклопедической точностью. В этой связи подчас затруднительно обозначать работы Ф.И. Новик как исключительно соответствующие жанру научной монографии. С моей точки зрения, речь должна идти об уникальном соединении двух жанров – научной монографии и научной энциклопедии. Полагаю, что это самая высокая степень мастерства, так как научная энциклопедия – пример эталона, обобщение достигнутого в изучении проблемы. Вне всякого сомнения, это ставит перед исследователями, которые захотят обратиться к данному периоду и проблематике, сложнейшую задачу – усовершенствовать созданный Ф.И. Новик эталон.

Выверенность авторских формулировок требует от читателя внимательной работы. Автор побуждает сопоставлять,

² См. подробнее главу 1-ю “Создание биполярной структуры в Европе: позиция СССР и Запада, 1945 и 1955 гг.”; главу 2-ю “Германский вопрос на конференциях четырёх держав, 1954–1955 гг.”; главу 3-ю “Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ, 1955 г.”; главу 4-ю “Проблемы развития двусторонних отношений: разочарования и надежды, 1955–1958 гг.”; главу 5-ю “Германский вопрос в двусторонних отношениях между СССР и ФРГ, 1955–1958 гг.”.

¹ Новик Ф.И. В ловушке “холодной войны” (Советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг.). М., 2014. 367 с.

сравнивать и анализировать. Поражает не только обоснованность выводов, но и какое-то особое выверенное их предъявление: они оказываются именно там, где у читателя, как правило, уже сформировалась своя точка зрения. Это чувство т.н. научного хронометража встречается, к сожалению, крайне редко.

Концепция Ф.И. Новик заслуживает особого рассмотрения. На стр. 56 автор пишет: "...Советский Союз не хотел закрывать возможности снижения возросшей напряжённости в Европе и предпринял ряд шагов по стабилизации международной обстановки... В 1955 г. были достигнуты и другие договоренности в Европе, способствующие стабилизации международной обстановки в новых условиях существования двух военных альянсов". Далее автор обращает внимание на то, что "[о]ценивая значение состоявшихся в середине 1950-х годов трёх конференций СССР, США, Великобритании и Франции на высоком уровне, следует ещё раз отметить, что на этих конференциях полностью сформировались и были обнародованы новые подходы как Советского Союза, так и трёх западных держав к проблеме объединения Германии... Советский Союз фактически смирился с тем, что его предложения по воссоединению, основанные на отказе ФРГ от участия в военной группировке Запада и нейтрализации Германии, в новых условиях не имели шансов на реализацию" (с. 116–117). Что касается дипломатических отношений, то Ф.И. Новик подчёркивает следующее: "Был сделан лишь первый трудный шаг на длительном и тернистом пути примирения двух государств". В этой связи были приведены слова А.А. Громыко на Женевском совещании министров иностранных дел 1959 г.: "Советский Союз исходил из интересов разрядки напряжённости..." (с. 161). Двусторонние отношения СССР и ФРГ развивались трудно. "... за первые полтора года, – замечает автор книги, – не произошло существенных позитивных сдвигов...". Однако переговоры 1957–1958 гг.

доказали, "что даже страны с очень большими расхождениями в позициях могут при желании достигать компромиссов и позитивных договорённостей" (с. 251, 253). Не следует забывать, что "Запад и Восток находились в состоянии взаимозависимости в проведении своей политики в отношении Германии" (с. 336), укрепляя при этом ФРГ и ГДР соответственно. "На германском направлении, – уточняет Ф.И. Новик, – Москвой были сделаны важные шаги в отношении признания суверенитета двух немецких государств" (с. 339). Автор справедливо приходит к выводу, что благодаря дипломатическим отношениям с 1955 г. "открылся канал официального двустороннего общения между Москвой и Бонном" (с. 340).

Несмотря на то, что основное название книги – "В ловушке "холодной войны...", стоит подчеркнуть, что парадоксальным образом данная ловушка заставляла стороны договариваться, искать постоянного диалога друг с другом и пути выхода из неё.

Считаю, что д.и.н., г.н.с. Института российской истории Ф.И. Новик и нас, читателей, следует поздравить с интересной и нужной книгой, которая в очередной раз подтверждает: история должна учить избегать совершения ошибок, а история двусторонних отношений показывать их ценность и ставить перед действующими политиками задачу обеспечения их успешного развития. В осознании подобной ответственности и может заключаться актуальность прошлого, а ответственность профессионалов, историков и политологов, состоит в том, чтобы среди прочего напоминать политикам об этом. Думается, что Ф.И. Новик это удалось в полной мере.

A.A. Синдеев, д.и.н., проф. РАН, г.н.с.

Института Европы РАН, профессор кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС при Президенте РФ.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

*(международный “круглый стол” в ИВИ РАН, 30 сентября 2016 г.)**

30 сентября 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялся международный “круглый стол” “Миграционные вызовы в цивилизационной перспективе”, в котором приняли участие представители семи институтов РАН (Институт всеобщей истории, Институт Европы, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт Африки, Институт Латинской Америки, Институт географии, Институт научной информации по общественным наукам), пяти российских университетов (МГИМО, МГУ, РГГУ, МПГУ, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС), а также Белорусского государственного экономического университета.

Апелляция к цивилизационной перспективе, вынесенная в название “круглого стола”, ориентировала внимание участников к цивилизационной ретроспективе. В сообщении В.И. Уколовой (МГИМО) акцент был сделан на роли миграций в становлении Европы. Отдельное внимание (О.И. Вендина, Институт географии РАН) было уделено имперскому Риму – городу, постоянно испытывавшему миграционное давление. В докладе В.С. Мирзеханова (ИВИ РАН, РГГУ) были проанализированы миграционные процессы “долгого XIX века”, рост географической мобильности и значительное увеличение миграционной активности населения всех стран, вставших на путь индустриализации, в первую очередь европейцев. Были прослежены изменения этнического состава европейской эмиграции в Новый Свет в XIX веке, характерные черты и масштабы миграционных потоков в Южной Азии и Африке. Был рассмотрен образ жизни и особенности менталитета европейских колонизаторов, взаимоотношения “людей империи” и местного населения.

Е.Е. Савицкий (РГГУ, ИВИ РАН) обратил внимание участников “круглого стола” на то, что современные исследования миграций и мигрантов касаются главным образом трёх аспектов: истории юридического статуса мигрантов, становления этого статуса в XVIII в. и разных способов его пересмотра; социально-экономической истории, связанной с изучением экономических ниш, занимаемых мигрантами, социальных последствий возрастающей мобильности населения; изучением мигрантов как носителей особых культур. Фигура мигранта расчленяется в них на отдельные составляющие, живой человек с его желаниями, страхами, мечтами и памятью редуцируется к абстракциям правового или социально-экономического статуса, культурной идентичности, что мешает увидеть историю не с позиции “оседлого” жителя страны, обеспокоенного право-выми, экономическими и культурными последствиями миграций, а с позиции самого мигранта. Важность этой проблемы не раз обосновывалась тем, что историю современного мира с его миграционными процессами нельзя писать, основываясь на старых понятиях общества, более-менее совпадающих с понятиями государства-нации.

* Обзор подготовлен при финансовой поддержке РНФ, проект 15-18-00135 “Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности”.

Я.Г. Шемякин (Институт Латинской Америки РАН) рассмотрел проблемы современных миграций сквозь призму определяющей черты современного мира – перехода всех существующих ныне человеческих сообществ в неустойчивое, “пограничное” состояние. Главная его характеристика – нарушение целостности духовных основ всех цивилизаций планеты и доминанта культурного многообразия, которая повсеместно начинает преобладать над принципом единства социокультурных систем или, по меньшей мере, ставит его под вопрос. Вопросы пограничья, а также специфики взаимоотношения центра и периферии были центральными в сообщении В.Г. Хороса (ИМЭМО РАН). Миграционные процессы в современном мире были рассмотрены им в терминах цивилизационной концепции А.Дж. Тайнби, т.е. как одна из форм активности внешнего пролетариата. Учёный отметил специфику этих проявлений в современном мире, в частности, амбивалентности отношений внешнего (мигранты) и внутреннего (аборигенное, национальное) пролетариата. В развитие этой проблемы О.В. Воробьёва (ИВИ РАН) подчеркнула проблематичность использования понятий “центра” и “периферии” в современном мире.

По мнению А.В. Гордона (ИНИОН РАН), современный вызов миграции имеет не только межцивилизационный, но и внутрицивилизационный характер. Например, во Франции за два прошлых века наблюдались три волны массовой иммиграции, движением которых была потребность страны в рабочей силе. Однако мотором современной волны сделалось сочетание потребностей индустриализации и последствий деколонизации, а сложности адаптации испытывают даже европейцы-переселенцы. Не менее важно влияние постмодерности, которое привело к вытеснению унифицирующих культурных стандартов тяготением к мультикультурализму. И.Н. Ионов (ИВИ РАН) отметил, что среди мигрантов из нацистской Германии были такие крупные социологи и психологи, как Н. Элиас, Ф. Перлз, Э. Эриксон, заложившие новые представления о цивилизационном сознании и идентичности. Они оказали серьёзное влияние на цивилизационное и историческое сознание западного мира, определив тенденции его развития в революционную эпоху 1960–1970-х гг. и во многом изменив ментальный контекст миграционных процессов.

Отдельным вопросом для дискуссий стало осмысление места и специфики России в современных миграционных процессах. После распада СССР и падения “железного занавеса” Россия оказалась включённой в систему международных миграций. Особому положению нашей страны между глобальным “Востоком” и глобальным “Западом” посвятил своё сообщение М.С. Савоскул (МГУ). Он рассмотрел особенности социально-территориальных связей мигрантов из России, проживающих в Германии. В качестве предмета дискуссии был предложен вопрос: могут ли наши соотечественники в Германии стать дополнительным ресурсом локального развития отдельных российских территорий и в перспективе фактором, влияющим на укрепление связей между Россией и Германией?

Миграциям российских мусульман в Турцию в 2000-е годы было уделено внимание в сообщении Н.А. Нефляшевой (Институт Африки РАН). На фоне продолжающейся гражданской войны в Сирии и ужесточения правил посещения иностранцами Египта, а также закрытости Саудовской Аравии для иностранцев, Турция оказывается для российских мусульман предпочтительной как по экономическим причинам, так и по лёгкости перемещения. Автор высказала предположение о дальнейшем усилении миграции российских мусульман в Турцию по двум причинам. Первая заключается в отсутствии в современной исламской политике РФ новой методологической рамки в отношении “новых мусульман”, способов их интеграции в современную политическую жизнь и использовании их как ресурса общественной стабилизации. Вторая – в экономическом кризисе и связанном с ним ожидании в республиках СКФО сокращения бюджетных поступлений и резкого ухудшения качества жизни.

Перспективы ближневосточных миграций в Россию рассмотрены в докладе А.Н. Саватеева (Институт Африки РАН). Основной фактор, порождающий миграцию из стран Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки, – исламистские движения, поставившие под вопрос право на жизнь людей иных религиозных взглядов. Автор подчеркнул необходимость подготовки России к наплыву мигрантов, представляющих собой иной социально-культурный мир. Она должна включать в себя не только принятие адекватной правовой базы, но и изучение особенностей цивилизационной идентичности, норм и ценностей, конфессиональных убеждений потенциальных мигрантов. О.В. Воробьёва (ИВИ РАН, РГГУ) подчеркнула необходимость уйти от одномерных представлений об идентичности в связи с осмыслением миграционных процессов. Изучение этой проблемы уже показало, что наряду с глобальной самоидентификацией населения правомерно говорить о гибридности и гетерогенности идентичностей внутри цивилизаций, а именно: о наличии периферийного самосознания, трудностях промежуточной самоидентификации, о наметившейся и настораживающей тенденции к архаизации.

О.Г. Буховец (Институт Европы РАН, Белорусский государственный экономический университет) подчеркнул, что неоднократные штурмы мигрантами границ государств южного контура ЕС, столкновения с силами порядка в лагерях для беженцев, теракты, осуществляемые замаскированными под беженцев джихадистами, массовые случаи насилия над европейскими женщинами – всё это даёт основание говорить о новом этапе гетерогенизации Старого Света и крахе надежд, возлагаемых представителями “либертарианского” сегмента общественного мнения и частью властвующих в странах Евросоюза элит на грядущую “евроаккультурацию” эмигрантов из Третьего мира.

Проанализировав, таким образом, разные аспекты проблемы миграционных вызовов, участники “круглого стола” отметили особый характер современных миграций, представляющих собой самовоспроизводящийся процесс. Цивилизационная перспектива как одна из возможных при осмыслении этого сложного феномена показывает, что результаты миграционных процессов явно не ограничиваются национальными рамками, имеют межсистемный характер, характеризующийся глобальными трансформациями, в том числе связанными с процессами становления постиндустриального общества.

Воробьёва О.В., д.п.н., руководитель Центра сравнительной истории и теории цивилизаций ИВИ РАН..

Буховец О.Г., д.и.н., руководитель Центра белорусских исследований ИЕ РАН, профессор Белорусского государственного экономического университета.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В СТРАНАХ ЕС В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (итоги)

Институт Европы Российской академии наук (ИЕ РАН) совместно с Университетом Лондон Метрополитен (Великобритания), фондом “Славяне” (Болгария), Университетом города Пассау (Германия) и Высшей школой международных отношений и социальных коммуникаций города Хельм (Польша), а также рядом российских университетов и академических институтов выиграли грант на реализацию в период с сентября 2015 по февраль 2017 г. проекта, нацеленного на изучение партийно-политических систем в странах Европейского Союза (ЕС). Глубокое и всестороннее исследование современных тенденций трансформации партийно-политических систем стран ЕС пред-

ставляет несомненный теоретический и практический интерес как для учёных, так и для политической элиты, средств массовой информации и представителей гражданского общества и требует дальнейших кросс-странных исследований с участием экспертного сообщества из разных стран. Руководителем проекта был д. полит. н., ведущий научный сотрудник ИЕ РАН Б.П. Гуселетов.

Участники проекта – эксперты из указанных научных и учебных заведений, которые принимали участие в пяти “круглых столах”, прошедших в каждой из стран. На них состоялось обсуждение причин:

- изменений в политической ориентации населения стран Евросоюза,
- потерь политической поддержки традиционных партий,
- усиления влияния новых партий и общественных организаций.

Было обсуждено то, какие политические и общественные проблемы выходят на передний план в повестке дня, каковы современные инструменты влияния на общественное мнение, и как некоторые политические силы используют эти инструменты в своих целях, как международные общественные и политические организации влияют на изменения партийно-политического ландшафта в ЕС в рамках процессов глобализации.

Первый “круглый стол” в рамках проекта по теме: “**Тенденции трансформации партийно-политической системы Германии**” состоялся 7–9 декабря 2015 г. в Университете города Пассау.

С российской стороны в мероприятии приняли участие заместитель директора ИЕ РАН к.экон.н. В.Б. Белов, заведующий отделом социальных и политических исследований ИЕ РАН д.ист.н. В.Я. Швейцер, ведущий научный сотрудник Центра партийно-политических исследований ИЕ РАН, д.полит.н. Б.П. Гуселетов, заместитель руководителя Центра германских исследований ИЕ РАН, к.ист.н. Е.П. Тимошенкова и старший научный сотрудник этого же Центра к.экон.н. Н.В. Супян.

Германскую сторону представляли ведущие исследователи партийно-политической системы ФРГ из университетов Пассау и Дрездена проф. Х. Оберройтер, С. Харинг, Ю. Стерн, А. Вюрст, М. Хилберт и Д. Гелер. В симпозиуме также участвовали учёные из Болгарии, Польши и Великобритании. Встреча продемонстрировала высокую заинтересованность участников в изучении партийно-политических проблем современной Европы и особенностей их развития в отдельных странах.

Следующий “круглый стол” “**Результаты парламентских выборов в Великобритании как следствие трансформации партийно-политической системы страны и представлений британцев о ЕС как едином государстве**” прошёл в Университете Лондон Метрополитен 14–15 апреля 2016 года.

ИЕ РАН на мероприятии представляли: Б.П. Гуселетов, Е.П. Тимошенкова, руководитель Центра политической интеграции, к.полит.н. Л.О. Бабынина и старший научный сотрудник Центра британских исследований к.полит.н. К.А. Годованюк.

Великобританию представляли сотрудники Университета Лондон Метрополитен: директор Центра глобальной политики С. Хейзлер, заместители декана факультета социальных и гуманитарных наук П. Грей и В. Стокс и профессора этого факультета Д. Стирбу и Н. Гинзбург. В мероприятии также участвовали учёные из Болгарии, Германии и Польши.

26 мая 2016 г. Институт Европы посетила делегация Евросоюза для обсуждения процесса реализации проекта Жана Моннэ “Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса”. Возглавляла делегацию руководитель подразделения исполнительного агентства по вопросам образования и культуры Еврокомиссии (ИАВОК) Ю. Халлер-Блок. Представители Института Европы подробно ознакомили делегацию ЕС с промежуточными итогами реализации проекта, а также планами проведения следующего “круглого стола” в Варне (Болгария). Члены делега-

ции ЕС отметили, что тема проекта Ж. Моннэ, реализуемого Институтом Европы, является очень актуальной и востребованной.

8 июня 2016 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы состоялась международная конференция “Выборы в новом политическом измерении”, в которой приняли участие представители шести стран: Болгарии, Македонии, России, Польши, Франции, Чехии. Институт Европы РАН представлял д. полит. н. Б.П. Гуселетов с докладом на тему “Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса (на примере Германии и Великобритании)”.

28–29 июня 2016 г. в Варне, ИЕ РАН совместно с фондом “Славяне” (Болгария) в рамках проекта “Трансформация партийно-политического ландшафта ЕС в посткризисный период” (грант по программе Ж. Моннэ) организовал международный “круглый стол” **“Трансформация партийно-политической системы Болгарии в условиях кризиса”**. Со стороны Института Европы РАН в мероприятии приняли участие Б.П. Гуселетов, В.Я. Швейцер, С.А. Забелин и руководитель Центра политической интеграции, к.полит.н. Л.О. Бабынина. Болгарию представляли президент фонда “Славяне”, проф., доктор наук З. Захариев, исполнительный директор фонда, доктор наук Н. Томов, сотрудники фонда: доктор наук Т. Крастев и доктор наук В. Губалова. В мероприятии также участвовали учёные из Великобритании, Германии и Польши.

Представители Болгарии рассказали об основных тенденциях трансформации партийно-политической системы их страны в последние годы. Посланцы Великобритании П. Грей и Б. Пилбем говорили о результатах недавно прошедшего референдума о выходе Великобритании из Евросоюза. В.Я. Швейцер остановился на основных причинах усиления праворадикальных партий и движений в большинстве стран Евросоюза и дальнейших перспективах трансформации партийно-политических систем этих стран в условиях миграционного кризиса. Л.О. Бабынина представила доклад об экономических и политических последствиях референдума в Великобритании для ЕС и Великобритании. С.А. Забелин рассказал о развитии российско-болгарских отношений в сфере экономики и их перспективах с учётом последних изменений в партийно-политической системе Болгарии. Участникам “круглого стола” был представлен доклад в.н.с. ИЕ РАН, к.полит.н. П.Е. Канделя, посвящённый результатам недавних выборов в ведущих странах Балканского полуострова и их влиянию на изменения в партийно-политических системах этих стран.

4–5 сентября 2016 г. в городе Люблин прошёл международный “круглый стол” **“Трансформация партийно-политической системы Польши в условиях кризиса”**.

С российской стороны в мероприятии приняли участие Б.П. Гуселетов, В.Я. Швейцер, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, к.и.н. В.В. Волобуев, научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН В.Т. Веденеева. Польшу на “круглом столе” представляли заместитель Маршала Люблинского воеводства, доктор наук К. Грабчук, бывший министр юстиции Польши, профессор Института имени Яна Кочановского, доктор наук Е. Яскерня, ректор Института международных отношений и социальных коммуникаций в Хельме, доктор наук М. Голос и декан Института, доктор наук И. Ресерска, сотрудник Института восточноевропейских исследований в Варшаве, доктор наук В. Соколовски. В мероприятии участвовали учёные из Болгарии, Великобритании и Германии.

Представители Польши рассказали об основных тенденциях трансформации партийно-политической системы их страны в последние годы. Особый интерес вызвал доклад бывшего министра юстиции Е. Яскерня, который рассказал об основных причинах этой трансформации. Российские учёные озвучили их точку зрения на процессы трансформации партийно-политической системы Польши. Представители Великобритании рассказали о результатах недавно прошедшего в стране референдума о выходе Велико-

британии из Евросоюза. Представители Болгарии изложили свой взгляд на причины трансформации партийно-политических систем в странах Евросоюза в последние годы. Представитель Германии рассказала об итогах недавних региональных выборов в Германии и доминирующих настроениях в германском обществе накануне грядущих парламентских выборов.

8 сентября 2016 г. Институт Европы РАН в рамках экономического форума в Крыму организовал “круглый стол” “**Поляризация Европы. Глобальный кризис и политическая радикализация общества**”. В нём приняли участие более 40 человек. На обсуждение были вынесены следующие вопросы: внутренняя политическая радикализация в странах европейского континента от Лиссабона до Владивостока, имеющая общую черту усиления радикальных политических сил правого и левого толка; причины и условия радикализации; влияние глобального кризиса на процесс поляризации в Европе; возможные сценарии успешного развития стран континента. Модератором “круглого стола” был Б. Гуселетов. Докладчиками выступили директор фонда “Друзья Европы” (Польша) И. Бил, директор Федерального фонда образования и науки Великобритании Б. Донелли, заместитель директора Института трансграничного сотрудничества и европейской интеграции (Украина) Ю. Кмит, В. Швейцер, З. Захариев. Комментатором “круглого стола” стала С. Харинг. Большинство докладчиков согласилось, что в Европе в последнее время существенно выросло влияние и роль право- и леворадикальных сил: Партия независимости Великобритании, Кукиз15 (Польша), Радикальная партия и партия Свободы (Украина), партия АТАКА (Болгария), партия “Альтернатива для Германии” (АдГ) и другие. Но докладчики по-разному представляют причины этого явления. С. Харинг, в частности, отметила, что в Германии в последнее время все больше людей недовольны существующей политической моделью и именно они являются основной избирательной базой АдГ.

25 ноября 2016 г. в Институте Европы РАН прошёл заключительный международный “круглый стол” в рамках реализации проекта “Трансформация партийно-политического ландшафта ЕС в посткризисный период”. 24 ноября делегация зарубежных участников “круглого стола” посетила Государственную думу РФ, где встретилась с членом комитета по образованию и науке Б.А. Чернышовым. В ходе встречи иностранные гости задали много вопросов об итогах прошедших в сентябре в России парламентских выборов и текущей политической ситуации в стране.

ИЕ РАН на “круглом столе” представляли В.Я. Швейцер, Л.О. Бабынина, Е.П. Тимошенкова, П.Е. Кандель, руководитель Центра британских исследований Е.В. Ананьева. В работе “круглого стола” приняли участие учёные из Болгарии (З. Захариев, В. Губалова, Н. Томов и Т. Крастев), Великобритании (Б. Доннели и Б. Пилбем), Германии (Г. Оберротейр и С. Харинг и В. Патзелт) и Польши (Е. Яскерня, М. Голос, И. Ресерска и А. Трубальски).

Делегацию Еврокомиссии в Москве представил руководитель политической секции Томас Орtega, который обратился к участникам с приветственным словом. Модератор “круглого стола” Б.П. Гуселетов отметил, что в ходе реализации проекта уже прошли четыре “круглых стола” в Болгарии, Германии, Великобритании и Польше, на которых состоялись весьма полезные дискуссии о политической ситуации в этих странах.

Несомненно, исследовательские и академические результаты, полученные в ходе реализации этого проекта, будут использованы в преподавании политических наук как в университетах Европейского Союза, так и России. Очевидно также, что результаты этого проекта будут способствовать укреплению диалога между научными и политическими кругами в ЕС и России и позволят сосредоточиться на улучшении управления политическими процессами в этих странах, а также представлять интерес для представителей гражданского общества, которые активно участвуют в социальных и политических процессах своих стран и в ЕС. На базе организаций, участвующих в проекте, пла-

нируется создание исследовательской сети для проведения текущих исследований и мониторинга процессов трансформации партийно-политических систем стран ЕС.

Гуселетов Б.П., д.полит.н., в.н.с. ИЕ РАН.

В ЦЕНТРЕ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН ПРЕДСТАВЛЕНА МОНОГРАФИЯ ОБ ОБРАЗЕ УКРАИНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

29 мая 2017 г. в Институте Европы Центром украинских исследований была представлена монография доктора филологических наук, заведующей кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ Ольги Сергеевны Крюковой “Романтический образ Украины в русской литературе XIX века”, вышедшую в издательстве “Наука” в 2016 г.

Представительное собрание российских филологов и украинистов кратким приветственным словом открыл к.и.н., ведущий научный сотрудник и руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН Виктор Мироненко. Он в частности сказал о том, что представляемая вниманию специалистов монография Ольги Крюковой “вносит несколько ярких сочных штрихов в весьма унылую картину современной российской украинистики”. Такой она представляется потому, что после появления в 90-е гг. ряда интересных работ А. Миллера, Д. Фурмана, Б. Флори, Е. Михутиной и др. наступил длительный перерыв. Но появление обсуждаемой монографии наряду с интересными основательными исследованиями Т. Таировой-Яковлевой, И. Данилевского, А. Шубина, Е. Борисенок, М. Клоповой и некоторыми другими, посвящёнными Украине и российско-украинскими отношениям, свидетельствует о повышении интереса российских учёных к её истории и происходящим в ней сегодня сложным, а порой и трагическим, общественно-политическим процессам.

Ольга Крюкова в своём кратком комментарии обратила внимание участников презентации на то, что представляемый труд явился частью большой работы, проводимой автором и кафедрой по развитию имагологии, которую она образно охарактеризовала как точку соприкосновения литературы с политологией, отрасль гуманитарных знаний, помогающую научиться строить отношения с другими, понимать представителей других культур внутри своей страны и соседей, избежать их излишней романтизации.

В живом и заинтересованном обсуждении представленного труда приняли участие М.Л. Береснева – редактор издательства “Наука”, к.филол.н. В.И. Герасимов – заведующий Отделом научного сотрудничества ИИОН РАН, д.и.н. В.Н. Бабенко (ИИОН РАН), д.и.н. С.И. Реснянский (РУДН), д.и.н. С.В. Литвинов (РГУФКСМиТ), Б.И. Силаев – президент Всероссийской общественной организации “Общество дружбы с Киргизией”, экс вице-премьер Киргизии, к.пол.н., В.В. Фадеев, д.филол.н. А.П. Лободанов, декан факультета искусств МГУ, к.соц.н. А.А. Иванцов (факультет искусств МГУ), д.филол.н. А.И. Изотов, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, д.филол.н. М.М. Раевская, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, д.филол.н. Д.А. Шевлякова, заведующая кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, Е.В. Коренева, научные сотрудники ИЕ РАН д.пол.н. Б.П. Гуселетов, к.философ.н. Р.Н. Лункин.

Мироненко В.И., к.и.н., в.н.с., руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН.

РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ КРЫМА ПОСЛЕ 2014 ГОДА

8 июня 2017 г. в Институте Европы РАН состоялась международная научно-практическая конференция “Религиозное многообразие Крыма после 2014 года”.

Организатор мероприятия – Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Одной из задач конференции был анализ современного состояния государственно-конфессиональных отношений на полуострове, социальной роли и служения различных религиозных объединений, прежде всего, христианства и ислама, а также конкретных проблем, стоящих перед верующими и общинами.

В качестве гостей и докладчиков в конференции участвовали: протоиерей Александр Якушечкин, секретарь Симферопольской и Крымской епархии, секретарь Межконфессионального совета Крыма “Мир – дар Божий”, Айдер Исмаилов, заместитель председателя Духовного управления мусульман Республики Крым и Севастополя и депутат Государственной Думы РФ от Республики Крым Руслан Бальбек.

Приветствия в адрес конференции направили митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь (Украинская православная церковь) и глава епархиального управления Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) по Республике Крым и Севастополю епископ Константин Бендас.

С презентацией полевых исследований, проведённых социологами в Республике Крым и в Севастополе среди представителей различных конфессий, религий и национальных движений, представили Роман Лункин, ведущий научный сотрудник ИЕ РАН и Михаил Рощин, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. В докладе было подчеркнуто, что в 2014–2016 гг. прошёл транзитный период формирования органов власти. Завершился процесс перерегистрации религиозных объединений – в целом были соблюдены количественные пропорции численности, существовавшие до 2014 г. (значительно отстает лишь регистрация исламских общин). На 15.02.2017 в Республике Крым зарегистрировано 702 организации, а в Севастополе – 97. До 2014 г. на полуострове было 1409 организаций со статусом юридического лица.

Исследователи отметили оживление религиозно-политической ситуации: стремление разрешить накопившиеся проблемы, как имущественные, так и идеологические. В Крыму появились новые организационные структуры (например, пасторский округ Католической церкви, подчиненный Ватикану), новые спонсоры и новые миссионеры. Активизация православной и исламской жизни связана с новыми культурно-просветительскими и строительными проектами (строительство соборной мечети и собора св. Александра Невского в Симферополе). Вместе с тем, Р.Н. Лункиным было отмечено ужесточение религиозной политики в сфере регистрации, возможностей публичных миссионерских акций и работы в социальной сфере и в социальных учреждениях, предвзятое отношение к неправославным христианским церквям (проверки и проблемы с собственностью). Конфликтные ситуации развиваются вокруг отказа властей выделить землю для строительства костела в Симферополе и отказа передавать здание костела в Севастополе католической общине. Есть и внутриконфессиональные противоречия – конфликты двух групп лютеран в Ялте вокруг здания кирхи и двух течений ислама вокруг мечети Хан-Джами в Евпатории. Кроме того, немецкой Лютеранской церкви пока не передана ни одна кирха на полуострове.

Р.Н. Лункин выделил основные характеристики существования протестантских церквей в Крыму: сосуществование лидеров украинского периода и миссионеров/служителей с материка, часто с разным мировоззрением; разделение на объединения и церкви, которые ориентируются на российские союзы и на те, которые остаются автономными, либо поддерживают отношения с украинскими союзами (яркий пример – два баптистских союза на полуострове); депортация пасторов церквей таких движений, как “Новое поколение” и “Посольство Божие”, эмиграция пасторов; антисектантские кампании в прессе и на телевидении, направленные против протестантов (фильм Сева-

стопольского благочиния УПЦ “Чужие”). Михаил Рощин представил доклад “Ислам и национальное движение”, рассказав о взаимодействии национальных организаций и Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК) и о деятельности другого альтернативного движения – Таврического муфтията, относящего себя к суфийскому направлению.

Протоиерей Александр Якушечкин отметил большую роль митрополита Лазаря в диалоге православия и ислама на полуострове. Владыка Лазарь присутствовал при закладке новой соборной мечети, а муфтий ДУМК Эмирали Аблаев, к примеру, на освящении церкви св. Екатерины в Симферополе. Епархия участвует в межконфессиональных спортивных играх, в чемпионате по мини-футболу, где также принимают участие баптисты. Как отметил отец Александр, с 2003 г. в республике преподаются как Основы православия, так и Основы ислама. С 2007 г. для школьников проводится конкурс “Зерно истины” по образцу “Что? Где? Когда?”. Представитель Симферопольской епархии рассказал о широком спектре социальных проектов Православной церкви. Это благотворительные акции “Рождественский ангел – детям детского дома”, “Белый цветок”. Добровольческое общество “Вера и дело” помогает больницам. Действует епархиальный стоматологический кабинет при поддержке Общества православных врачей Крыма. Проводятся конкурсы: педагогического мастерства “Урок нравственности”, возрождения духовный традиций семьи “Семейный очаг”.

Айдер Исмаилов подчеркнул, что из 360 мусульманских общин 200 прошло перерегистрацию в Крыму, и этот процесс ещё идёт. Значительно увеличилось количество верующих, которые отправляются в хадж (до 2014 г. было 90 чел., теперь 365). Заместитель муфтия высказал беспокойство развитием нетрадиционных течений в Крыму ваххабитского толка, особенно, тех, которые агрессивно настроены по отношению к ДУМК. По словам Исмаилова, в настоящее время власти склоняются к тому, что надо укреплять традиционные институты (как отметил Руслан Бальбек, необходимо, чтобы в Крыму существовало только одно Духовное управление мусульман). ДУМК проводит просветительские и благотворительные акции “Полезные знания” и “Милосердие”, “Коробочка добра”, в рамках которой раздаются продукты и одежда нуждающимся.

Руслан Бальбек выразил мнение, что без миротворческой позиции муфтията и епархии стабилизация ситуации на полуострове была бы невозможна. По мнению Бальбека, удалось избежать вовлечения национально-религиозного фактора в политику – люди всегда находили поддержку в мечети или в церкви. Необходимо деполитизировать все обиды, оставить их за рамками современной жизни и не создавать образ жертвы какого-либо народа на основе таких трагедий, как депортация или голодомор. В Крыму, по словам Бальбека, слышен голос всех религий и конфессий, в рамках межконфессионального совета все молятся за свою землю, согласно своим религиозным традициям, чтобы общий дом был комфортен для всех крымчан. Только теперь у религиозных объединений появились реальные инструменты политического влияния, доступ к медиа ресурсам, а проповеди в мечетях, к примеру, стали произноситься на одном идеологическом языке. Несмотря на подчёркнутые социологами проблемы и конфликты, была отмечена большая роль Межконфессионального совета Крыма “Мир – дар Божий”, куда входят православные, мусульмане, иудеи, караимы, баптисты, адвентисты, лютеране, католики, Армянская Апостольская Церковь. Традиции веротерпимости, открытости и нынешний уровень диалога между верующими помогают преодолевать политические разногласия и внутренние противоречия.

Лункин Р.Н., в.н.с. руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и непериодических изданий (Scopus, Web of Science etc.):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для разделов “Рецензии”, “Научная жизнь” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации должен быть не менее 150 слов.

- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и при сланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.

- все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатьевым списком литературы в русском варианте (Список литературы)** и **английском (References)**. Ссылки оформляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавитном порядке (не более 20 наименований).

- Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.

- Необходимо указать код статьи по УДК (автор самостоятельно определяет код статьи, см.: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://www.udcc.org/udcsummary/php/index.php>).

- Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редакции и редакции.

- Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

- Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редакционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы. Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы (в русском варианте, должны быть все ссылки, в том числе на англоязычные издания).

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы (на английском языке), эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском и английском языках, 200-300 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно с содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями,
рецензировать и возвращать незаказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru , ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 26.06.17 г.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз. Заказ .

Типография ООО Издательско-полиграфический центр “Маска”.